

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

На первой странице обложки: выступление уличных артистов «кабуки-моно» (с ширмы «Хиконэ бёбу»)

В XVII в. в общественной жизни Японии произошли колоссальные изменения: страна, которую прежде раздирали бесконечные гражданские войны, наконец-то приобрела сильную централизованную власть в лице военных правителей из дома Токугава. В Японии царил мир и порядок, в результате чего страну покрыли многочисленные города с многими тысячами жителей. Самым крупным из них был Эдо (нынешний Токио), население которого довольно быстро превысило миллион человек. В городах процветали ремесло, торговля, сфера обслуживания. Горожане создавали свою собственную культуру: миросозерцание буддизма казалось многим из них пресным и мрачным, самурайская этика военного времени отставшей, и оттого они дали волю всем проявлениям телесности. В Эда, женщины, вино сделались необходимыми атрибутами «праздника жизни». Особое значение приобрели зрелищные и развлекательные искусства: традиционный и серьезный театр Но дополнился новомодным Кабуки. На сцене появились и новые герои - не обычные обитатели этого брэнного мира. На улицах городов разворачивались представления уличных артистов. Их называли «буки-моно». «Моно» - это просто человек, а слово «кабуки» означает нечто эксцентричное, выходящее за пределы повседневных правил, чаяв и благоразумия. По своему духу выступления кабуки-моно напоминали русских скоморохов - они не чурались ни соленых шуток, ни фривольных танцев и песен. Героями выступлений кабуки-моно были женщины из «веселых кварталов», подгулявшие самурайские удачливые любовники и обманутые мужья... Да и мало ли еще кем могли поиздеваться артисты в то время, когда смех поощрялся «постоянную прописку» в сердцах японцев.

Учредители - ООО "Будо-спорт"

и А. М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budogroup.ru, sale@budogroup.ru;

http://www.budogroup.ru

Главный редактор - А.Н. Мещеряков

Заместитель редактора - А.М. Горбылёв

Коммерческий директор - С.А. Косоротов

Компьютерная верстка - А.А. Иванов, А.В. Смирнов

Отдел рекламы - Г. Глозов, тел. : 917-86-53

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@rol.ru (заместитель редактора)

boss@budogroup.ru

sale@budogroup.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО "Типография № 9",
г. Москва

© ООО "Будо-спорт", 2002 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

- А. Мещеряков
Бумага 3

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

- М. Грачев
Астрология, астрономия и календарь 5

ЗЕРКАЛО

- В. Молодяков, А. Куланов
Ночные беседы над храмом Сэнгакудзи
- о Японии, японцах и русских 11

ЛЕТОПИСЬ

- С. Лаптев
Окадзаки - город камнетесов 17

ЛЮДИ

- А. Федянина
Сугавара Митидзанэ: человек и бог 20

НАУКА

- Н. Трубникова
В Путь - без кисти и меча. Кукай излагает даосское учение 23

СИЛА

- А. Горбылёв
Невидимый на свету 30

- А. Горбылёв
«Боевое» плавание самураев 35

СЛОВО

- Путаница. Перевод М. Торопыгиной 42

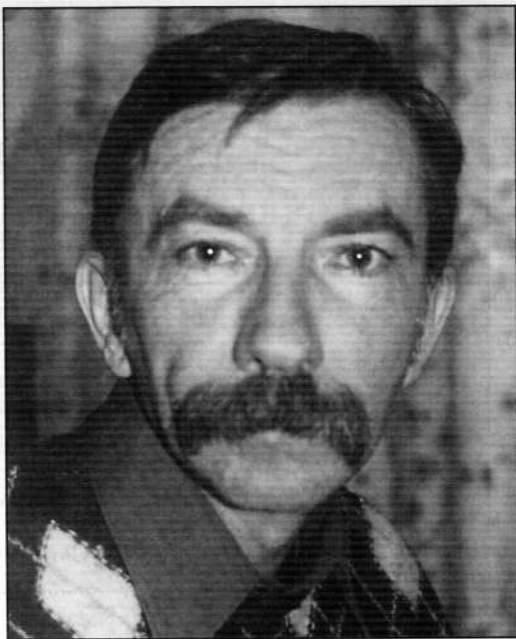
- «Краткая история воинских искусств Японии»
Перевод А. Горбылёва 56

ЕДА

- Аоки Норико
Тэмпура 61

ФОНАРЬ

- Е. Сахарова
При свете светлячков и снега. Японская библиотека 63

Почему приятно быть редактором молодого издания? Отвечаю: потому, в частности, что в каждом номере непременно находится нечто такое, чего не было в номерах предыдущих.

Итак, перед читателем первый номер 2003 года. Если вести счет с самого начала, то это будет уже номер пятый, но в то же время - это первый номер, распространяемый по подписке. Спасибо всем, кто не поленился сходить на почту. Чего и всем остальным японофилам настоятельно совету. Дело в том, что издания такого рода во всем мире распространяются, по преимуществу, именно по подписке. Мы - не газета с прогнозом погоды и программой телепередач. У нас не ежедневные интересы, в киоски мы попадаем с трудом. Если хотите быть с нами в каждом номере, имеет смысл не отказать себе в этом удовольствии.

С этого номера мы вводим рубрику «Энциклопедия». Ее будет вести М.В.Грачев. Он расскажет о важных для японской культуры вещах, облекая свой рассказ в форму энциклопедических статей. В этот раз вниманию читателя предложена астрологическая тематика. А без астрологии японцы, как вы понимаете, не могли и шагу ступить.

Начиная с этого номера, мы начинаем печатать и интер-

вью с нашими ведущими японистами. Их брал журналист Александр Куланов в максимально расслабленной обстановке, так что наши герои говорили те вещи, на которые в другой атмосфере не всегда отважишься. На сей раз высказывался Василий Молодыхов - автор многих работ на японскую тематику. Лично я согласен с ним не во всем, кое-где хотел бы исправить, кое-где дополнить... Но в том-то и состоит прелесть наших занятий, что каждому позволено иметь собственное мнение без всякого ущерба для общего результата. Потому что Япония - страна живая, она не только результат, но и процесс.

Несмотря на немисливо быстрое распространение компьютеров и Интернета, бумажная грамотность остается (и, по моему принципиальному мнению, так навсегда и останется) основным средством приобретения серьезных знаний. Поэтому я и написал про бумагу в разделе «Этнография».

С.В.Лаптев обратил внимание на природный камень - материал, с которым японцы тоже имеют дело не первый день. Пожив в городе Окадзаки, он свидетельствует, что без камня японская цивилизация приняла бы совсем другой облик.

Признанный знаток японских религий Н.Н.Трубникова публикуется в нашем журнале в первый раз. Ее статья под ерническим названием «В путь - без кисти и меча» посвящена знаменитому буддийскому философу Кукаю. Однако автор с успехом показывает, что на самом деле не все так просто - в своих трудах Кукай отдал дань и даосизму.

Почему еще приятно быть главным редактором? В частности, и потому, что уже сложились рубрики, потому что есть материалы, которые сами собой перетекают из номера в номер. Это подпитывает ощущение основательности бытия. Текст Л.Федяниной, которая публикуется у нас тоже впервые, посвящен жизни Сугавара Митидзанэ - человека, который ныне признан божеством. Мы чуть-чуть рассказали о нем в прошлый раз, а теперь можем узнать подробнее. А.М.Горбылев продолжает свой увлекательнейший «сериал», посвященный ниндзя. Другая его статья посвящена тому, как самураи учились плавать - важный навык для обитателей страны, окруженной морями. С некоторым сожалением отмечаю, что публикация вызвавшей столько восторгов «Путаницы» в переводе М.В.Торопыгиной на этом номере заканчивается, но зато читатель имеет возможность узнать, как средневековому анонимному автору удалось соединить концы с концами. А вот книги про Японию издаются и издаются - вот вам и «Фонарь» в исполнении Е.Б.Сахаровой...

Как это говорят радиоведущие? Оставайтесь с нами! И тогда мы останемся с вами - добавлю я от себя.

Авторы «Японии»

Локи Норико - сотрудница Института международных исследований г. Кобэ, автор ряда работ по лингвистике.

Горбылев А.М. - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор работ по истории японских боевых искусств.

Грачев М.В. - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор «Истории древней Японии».

Лаптев С.В. - кандидат исторических наук, доцент Института мировой литературы, автор трудов по японской археологии.

Мещеряков А.Н. - доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм», «Древняя Япония: культура и текст», «История древней Японии», «Герои, творцы и хранители японской старины», «Книга японских обыкновений», «Книга японских символов и обыкнове-

ний», «Линия жизни», «За нами - только мы», «Мещеряков@япония.ru». Переводчик: «Японские легенды о чудесах», «Нихон рёйки», «Кодзики», «Нихон сёки», «Дневник Мурасаки Сикибу», «Диалоги японских поэтов о временах года и любви», «Рассказы на ладони» Кавабата Ясунари.

Сахарова Е.Б. - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Торопыгина М.В. - кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книг: «Каталог японских книг Санкт-Петербургского университета (фонд Арисугава)», «Хрестоматия по истории японской литературы». Переводчик: «Гэнди-обезьяна».

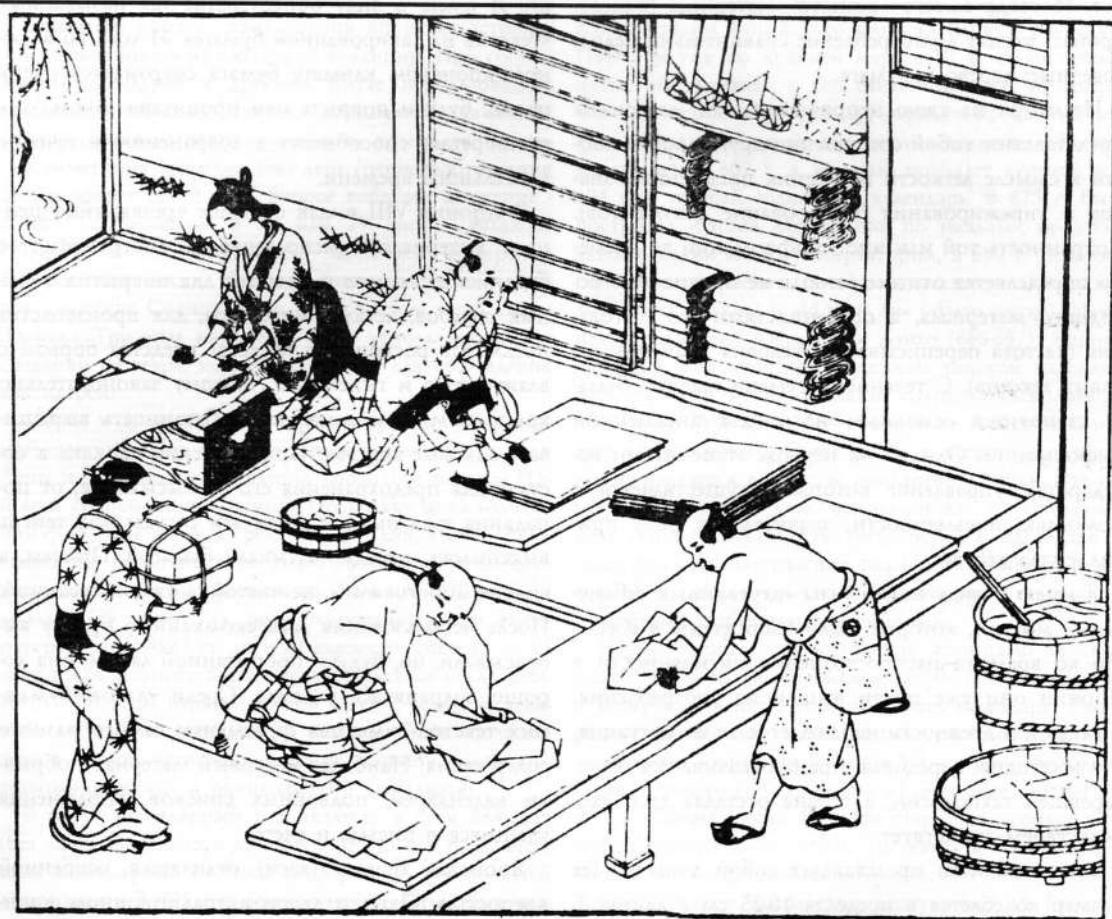
Трубникова Н.Н. - кандидат философских наук, научный редактор в журнале «Вопросы философии». Автор книги «Различение учений» в японском буддизме IX в.»

Федянина Л. - аспирантка ИСАА при МГУ, автор работ, посвященных жизни и творчеству Сугавара Митидзанэ.

Александр Мещеряков

Бумага

Бумага - одно из величайших изобретений человечества. Она хороша, прежде всего, тем, что на ней можно писать. В качестве носителя информации бумага вытеснила все до нее бывшее: камень, металл, папирус, кору дерева, кожу и т.д. Кроме того, из бумаги можно делать множество вещей.

Бумага была изобретена в последние века старой эры. Честь ее изобретения приписывается китайскому евнуху Цай Луню, доложившему трону о своем изобретении в 105 г. н.э., однако археологи обнаружили и более ранние образцы. В состав бумажной массы, придуманной Цай Лунем, входила конопля, кора деревьев, ветхие тряпки и рыбацкие сети. Начало широкого употребления бумаги в Ки-

тае' относится к III в. н.э. Именно тогда образуется классическая триада письменных принадлежностей, использовавшаяся на всем Дальнем Востоке: кисти и туши добавляется бумага. В Европе же употребление бумаги начинается только в XII веке.

Хотя о достижениях китайцев в области бумагоделания японцы знали достаточно давно, пользоваться бумагой в те времена у них особого желания не было: никаких текстов они еще не сочиняли. В случае крайней надобности использовалось железо (надписи на мечах) и бронза (надписи на зеркалах). Однако количество обнаруженных надписей на этих материалах крайне невелико. И только с развитием государственности, расширением

подведомственной правителям древней Японии территории и увеличением налогооблагаемого населения появляется необходимость в письменных сообщениях. Управление страной начинает вестись с помощью письменных приказов. Поступление налогов также начинает фиксироваться письменно - ни один мытарь не мог уже упомянуть лица всех тех людей, которые внесли (или же не внесли) налог. И тогда вместо «вечного» материала (железо, бронза) входят в употребление сравнительно недолговечные: дерево и бумага.

Несмотря на свою непрочность, эти материалы представляют собой совершенно другие возможности в смысле легкости нанесения письменных знаков и тиражирования (копирование документов). Сохранность той или иной информации во времени определяется отныне отнюдь не прочностью исходного материала, а особенностями его бытования (частота переписывания, условия хранения готовых текстов). С течением времени именно бумага становится основным носителем письменной информации. Однако на первом этапе жизни государства, управление которым осуществляется с помощью письменности, значительная роль принадлежала дереву.

Я имею в виду надписи на «деревянных табличках» - моккан, которые были изобретены в Китае. Но ко времени распространения письменности в Японии они уже почти вышли из употребления. То есть и в древности наблюдается та же ситуация, что и сегодня: передовая страна отказывается от устаревшей технологии, а страна отсталая ее с удовольствием заимствует.

Такая табличка представляет собой дощечку (ее размер колеблется в пределах 10-25 см в длину, 2-3 см - в ширину и нескольких миллиметров в толщину). Раскопки, проводившиеся с 1961 года в городе Нара, позволили сделать заключение о весьма широком распространении этого типа эпиграфики: к настоящему времени обнаружено более 200000 табличек.

Однако бумага по своему удобству и практичности не шла ни в какое сравнение с деревом. Поэтому вместе с расширением производства бумаги она вытесняет дерево практически полностью. Самые ранние из сохранившихся в Японии документов на бумаге датируются VIII веком. Наиболее впечатляющим связанным с бумагой достижением этого времени было издание ксилографическим

способом 1 (одного) миллиона (!) дхарани (буддийский заклинательный текст).

Бумага - это хлеб историка. К сожалению, время редко щадит ее. Сохранившиеся древние тексты - буквально наперечет. Открытие новых - близко к фантастике. Но вот сравнительно недавно (первая находка пришлось на 1973 г.) историки довольно неожиданно получили новые письменные источники. Я имею в виду обнаружение так называемых «текстов на лакированной бумаге». И хотя во влажном японском климате бумага сохраняется очень плохо, будучи покрыта или пропитана лаком, она приобретает способность к сохранению в течение длительного времени.

В Японии VIII в. лак считался чрезвычайно ценным материалом (использовался в строительстве буддийских храмов и дворцов для покрытия опорных столбов, деталей интерьера, для производства предметов роскоши) в качестве средства борьбы с влажностью и гниением. Поэтому законодательно крестьянам было вменено в обязанность выращивать лаковые деревья. При хранении же лака в сосудах для предохранения его от высыхания, от попадания туда пыли и грязи эти сосуды, как теперь выяснилось, нередко затыкали бумагой. Причем, в силу ее дороговизны, не чистой, а уже испанной. После использования лака скомканную бумагу выбрасывали, но, будучи пропитанной лаком, она хорошо сохранялась в земле. Среди «лаково-бумажных текстов» имеются фрагменты самого разного содержания. Наиболее массовый материал - обрывки календарей, подворных списков, упражнения учащихся в письме и счете.

Японская бумага (васи) отличается особенной крепостью. Окна и двери в традиционном японском доме затягивались белой бумагой. Первоначально японцы, как и китайцы, изготавливали бумагу из конопли, но поскольку ее волокна весьма тонки, а также поскольку в такой бумаге легко заводился жучок, впоследствии сырьем для бумаги стал служить луб бумажного дерева (кодзо, *Broussonetia kazinoki*), дикорастущего кустарника гамби (семейство дафны душистой), а с XVII в. и дикорастущего кустарника мицумата (*Edgeworthia raruifera*). Длина и толщина волокон этих растений обеспечивали японской бумаге ее непревзойденную прочность. Поэтому из нее изготавливали даже одежду. Процесс изготовления этого «нетканого материала» и приведен на иллюстрации.

Астрология, астрономия и календарь

Основной корпус своих знаний японская астрономия заимствовала из китайской традиции. При составлении календарей в древнем Китае использовались движения небесных светил. Ежедневное движение солнца создавало основу солярного календаря, единицей измерения которого был день (период обращения Земли вокруг своей оси). Второе небесное движение - Луны - с периодом в 28 или 29 дней - являлось основой лунного календаря, единицей измерения которого был месяц. Наконец, третье движение - годовое движение Солнца и его прохождение через знаки Зодиака. Три этих параметра были использованы при создании системы, использовавшейся для составления календарей.

Месяц в древнекитайском календаре был не условной единицей (как у нас), а строго совпадал с фазами Луны и начинался с появления «молодого месяца» (15-й день современного месяца). Поскольку цикл изменения фаз Луны равен в среднем 29,53 дня, чтобы согласовать это несоответствие, уже в ханьском Китае было установлено деление месяцев на «большие» (30 дней) и «малые» (29 дней). Так, реформированный при императоре У-ди (140-87 гг. до н.э.) календарь состоял из 13 месяцев (дополнительный месяц вставлялся после девятого), при этом первый, третий, пятый, седьмой, девятый, десятый и двенадцатый месяцы были «большими», а второй, четвертый, шестой, восьмой, «дополнительный девятый» и одиннадцатый - «малыми».

В итоге календарный год включал в себя 384 дня (без «дополнительного месяца» - 355 дней). В дальнейшем календарные системы подвергались все большей детализации. В 445 г. в южносунском Китае был разработан календарь «Юань цзя ли» (яп. «Гэнка рэки»), а в 600 г. придворный астроном суйского двора Лю Чжао разработал новый календарь - «Хуан цзи ли» (яп. «Когёку рэки»), где впервые применил формулу «вставки равных интервалов», необходимую для более точного определения соответствия лунного и солнечного календарей.

Для наименования дней и лет использовался «модуль» в 60 дней (лет), внутри которого каждый отрезок обозначался своим собственным названием, состоящим из сочетания знаков двух циклических рядов - десятиричного (см. «Дзиккан») и двенадцатиричного (см. «Дзюниси»), что в общей сложности давало 60 наименований. По истечении этого срока цикл повторялся.

Первоначальные знания о китайской астрологии и календарной системе, по всей видимости, были получены японцами в начале V в. в результате контактов с

государствами Корейского п-ова (в первую очередь с Пэкче) и уже по крайней мере с VI в. стали применяться на практике, о чём свидетельствуют эпиграфические материалы (например, находки бронзовых зеркал и железных мечей, датированных согласно 60-летнему циклу). В 602 г. в Японию попадает лунный, а в 604 г. и первый солнечный календарь. В 675 г. была построена «башня для гадания по звездам», представлявшая некий аналог обсерватории, в 690 г. при дворе стали использовать китайские календари «Юань цзя ли» («Гэнка рэки») и «И фэн ли» («Гихо рэки»). Начиная с правления государыни Дзито (686-697), Япония оказалась под мощным влиянием танской календарной традиции, и такое влияние сохранялось вплоть до 80-х годов XVII в. (в 1684 г. вводится минский календарь «Дайто рэки»). С конца VII в. астрономия прочно оформляется в качестве придворной науки. Эта наука развивалась в двух направлениях: астрономическом (заинтересованность государства в календаре и предсказаниях наступления различных природных явлений) и астрологическом (взаимосвязь человека с природой и небесными явлениями).

Изучая процесс заимствования японцами танской календарной традиции, исследователи обычно говорят о четырех (или пяти, если учитывать календарь «Гэнка рэки») китайских календарных системах, использовавшихся японцами в конце VII - второй половине IX вв., а именно: «Гихо рэки», «Тайэн рэки», «Гоки рэки» и «Сэммё рэки». Японцы старались использовать любые возможности, чтобы доставить в страну астрологические (астрономические) книги и инструменты. Так, в 735 году посольство, вернувшееся из Китая в Японию, привезло различные астрономические книги и инструменты, в том числе и металлический шест для измерения солнечной тени. Несмотря на все старания японцев, вместе с ослаблением в IX в. контактов с Китаем японские календари начинают все более разительно отличаться от их китайских образцов. Со временем накапливались ошибки в датах (например, с 862 по 1246 гг. японский календарь накопил погрешность в одни сутки, что помешало наблюдать солнечное затмение, предсказанное действовавшим календарем).

В периоды Камакура и Муромати японская астрономия не сделала заметных успехов, наблюдения за небесными явлениями и счет времени велись не слишком тщательно. Начиная с 20-х гг. XVI в. налаживаются отношения с минскими астрономами, но это не привело к существенным сдвигам в японской астрономической традиции. Только появление в Японии в

XVI в. европейцев оживило интерес к астрономии как основе навигации. Знакомство Японии с европейской наукой не прошло бесследно: появляется альтернатива китайским знаниям. Так, при непосредственном влиянии европейской астрономии с 1684 по 1873 г. в Японии были введены в действие 6 календарей (см. «Поздние календарные системы»), написаны работы по астрономии и астрологии, обустроено несколько обсерваторий. XIX в. проходил под знаком все более устойчивого овладения европейскими астрономическими знаниями, но следует учитывать, что позиции старой астрономической науки были еще сильны.

Словарь

ГИХО РЭКИ - ГЭНКА РЭКИ - ранние китайские календари. Хотя в японских источниках есть и более ранние сообщения (553 г., 554 г. и 602 г.) о существовании «календарей» в Японии, но официальное введение китайской календарной системы относится к правлению государыни Дзито. Согласно «Нихон сёки», в 690 г. стали использовать два китайских календаря: «Юань цзя ли» (яп. «Гэнка рэки») и «И фэн ли» (яп. «Гихо рэки»). Первый из вышеупомянутых календарей был составлен в 445 г. ученым южносунского двора Хэ Чэн Тянем и использовался в Китае в «период северных и южных династий». Что же касается «И фэн ли», то он был составлен танским ученым Ли Чунь Фэном в 665 г. (в китайских источниках название «И фэн ли» не упоминается, а календарь, применяемый в качестве официального с 665 по 728 г., именуется «Линь дэ ли», где «Линь дэ» - девиз правления, когда он был введен), но в Японию попал только в годы «И фэн» (676-679), отсюда и его название - «Календарь [периода] И фэн». Оба календаря, по всей видимости, применялись в качестве официальных с 692 по 697 гг., а потом преобладающим стало употребление (по 763 г.) «Гихо рэки».

ГОКИ РЭКИ - «Календарь пяти основ счисления времени». В 858 г. при непосредственном участии «профессора календаря» («рэки-но хакасэ») Окасуга-но Маномаро вместо «Гайэн рэки» был введен «календарь Гоки». Этот календарь (кит. «У цзи ли») был составлен в 762 г. придворным ученым Го Сян Чжи, а введен в качестве официального только в 783 г. В Японию календарь «Гоки рэки» попал вместе с вернувшимся в 780 г. посольством из танского Китая, а в качестве официального календаря применялся только в течение четырех лет (858-861 гг.). Свое название календарь получил от китайского астрономического термина «У цзи», обозначающего пять основ счисления времени

(Юпитер, Солнце, Луну, звезды и календарь).

ДЗИККАН - «десять стволов» (иначе «тэнкан» - «небесные стволы»). Согласно китайской натурофилософии, цифра 5 символизировала 5 основных элементов природы, из которых, как считалось, состояло все сущее. К этим пяти элементам относились следующие: «ки» (дерево), «хи» (огонь), «цути» (земля), «ка» (от «канэ» - металл) и «мидзу» (вода). Каждый из этих элементов нес в себе идею универсальной дуальности мира - инь-ян. Именно по этой причине каждый из стволов подразделялся на два: «старший брат» (э) и «младший брат» (то). При этом «ствол» и его «ответвление» соединялись между собой с помощью указателя притяжательности «но». В итоге каждый из элементов может выступать в двух сочетаниях, а все пять элементов образовывали следующие десять сочетаний «киноэ» - «старший брат дерева»; «киното» - «младший брат дерева»; «хиноэ» - «старший брат огня»; «хиното» - «младший брат огня»; «цутиноэ» - «старший брат земли»; «цутиното» - «младший брат земли»; «канозэ» - «старший брат металла»; «каното» - «младший брат металла»; «мидзуноэ» - «старший брат воды» и «мидзуното» - «младший брат воды».

ДЗЮНИСИ - «двенадцать ветвей» (иначе «тиси» - «земные ветви»). Дзюниси - общее название знаков зодиака: «нэ» (мышь, крыса), «уси» (бык), «тора» (тигр), «у» (заяц), «тацу» (дракон), «ми» (змея), «ума» (лошадь), «хицудзи» (овен, овца), «сару» (обезьяна), «тори» (петух, курица), «ину» (пес, собака) и «и» (свинья). Для обозначения годов используется сочетание двух иероглифов - одного из «десяти стволов» и другого - из «двенадцати ветвей». Так образуется 60-летний цикл, где знаки зодиака повторяются 5 раз, а «небесные стволы» - 6 раз, их сочетания не повторяются на протяжении всех 60 лет. «Животный» цикл основывался на периоде обращения Юпитера вокруг Солнца, делающего свой полный оборот примерно за 12 лет. Каждое животное обозначает одну из двенадцати частей (по 30° «круга Юпитера», которые совпадают с частями зодиакального круга. Началом нового 60-летнего цикла является год, когда совпадает первый «ствол» и первая «ветвь»: это всегда «год крысы».

КАЛЕНДАРИ - «РЭКИ». После окончательного оформления централизованного государства в VIII в., согласно законодательным установлениям, 1-го числа 11-ой луны «Отдел инь-ян» (Оммёрё) представлял императору календарь (состоял из двух свитков - по одному на полугодие) на следующий год, который затем доставлялся во все центральные ведомства и в управ-

		крыса	бык	тигр	заяц	дракон	змея	лошадь	овен	обезьяна	курица	собака	свинья
Дерево	с.брат	1		51		41		31		21		11	
	м.брат		2		52		42		32		22		12
Огонь	с.брат	13		3		53		43		33		23	
	м.брат		14		4		54		44		34		24
Земля	с.брат	25		15		5		55		45		35	
	м.брат		26		16		6		56		46		36
Металл	с.брат	37		27		17		7		57		47	
	м.брат		38		28		18		8		58		48
Вода	с.брат	49		39		29		19		9		59	
	м.брат		50		40		30		20		10		60

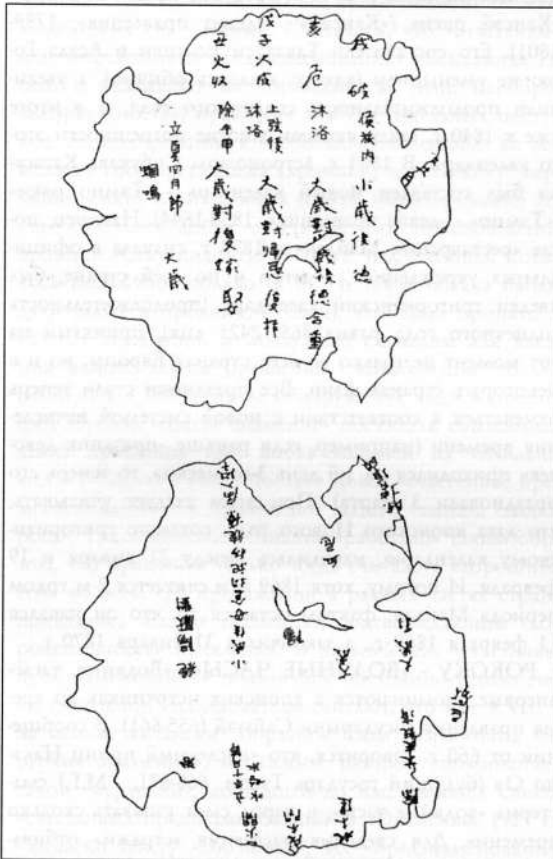
ления провинций. В соответствии с этими календарями, т.е. в соответствии с единым общегосударственным временем, и должен был выстраиваться весь порядок жизни в следующем году. Согласно «Энгисики», в X в. распределению подлежали 166 экземпляров календарей. В столицу приезжали командированные от управлений провинциями. Там они переписывали календарь-образец, составленный в Оммёре, и возвращались обратно. В управлении провинции его снова копировали для передачи в уезды и провинциальные буддийские храмы. Поскольку время для копирования ввиду приближавшегося нового года было крайне ограниченным, переписчики делали немало ошибок. Практически все сохранившиеся от того времени календари и их обнаруженные фрагменты содержат в себе такие ошибки.

«КЭНКОН БЭНСЭЦУ» - «Толкование Неба и Земли». Как известно, период изоляции в эпоху Токугава пагубно отразился на развитии японской науки. Так, японские астрономы совершенно не знали о достижениях их европейских коллег, и только случайности могли способствовать знакомству японцев с европейской наукой (например, в 1634 и 1638 гг. от европейцев, спасшихся после кораблекрушения, японские ученые смогли получить португальскую и испанскую книги по астрономии). Под руководством ученого Мукаи Гэнсё сделанный ранее перевод португальской книги

был доработан, в текст были включены комментарии нескольких японских астрономов, и в 1650 г. эта книга вышла под названием «Кэнкон бэнсэцу». В книге (это было в новинку для японской традиционной науки) утверждалось, что земля - круглая, а ее окружность, разделенная на 360°, определялась в 16200 ри (ок. 63617,4 км.), т.е. на 1° приходилось 45 ри (ок. 176,7 км.). Кроме того, эта книга впервые познакомила японское научное общество с аристотелевской теорией четырех элементов.

ЛУННЫЕ МЕСЯЦЫ. Лунный год состоял из 12 месяцев. Обычно месяцы обозначались порядковым номером от первого до двенадцатого. Но поскольку лунный год меньше солнечного на 11 дней (354 или 355 дней), то существовала система «вставных» (дополнительных) месяцев. Такие вставные месяцы носили порядковый номер предыдущего месяца (например, «вставная третья луна»). Дополнительные месяцы вставляли, когда для этого набегало достаточное количество дней. Кроме порядкового номера, месяц мог иметь еще несколько описательных обозначений. Так, первая луна называлась «муцуки» («дружественный месяц»), «сингацу» («новый месяц») и «сингёку-но тоси» («год новой драгоценности-яшмы»). Вторая луна именовалась «кисараги» («месяц обновления одежды») или «тосюн» («середина весны»). Третья луна называлась «яэй» - «месяц пробуждения почек» и т.д.

НЭНГО (ГЭНГО) - «дезиг правления». Считается, что традиция наделять девизом период правления берет начало в Китае во II в. до н.э. с правления императора У-ди (140-87 гг. до н.э.). Традиционно считалось, что в Японии этот обычай ввел Котоку, объявив первый год правления (645 г.) первым годом эры Тайка («Великих перемен»), однако сравнительно недавно открытая эпиграфика моккан (деревянные таблички с надписями, сделанными тушью) опровергла данные ранних хроник. Поскольку датировки на моккан не используют девизов правления вплоть до начала VIII в., то зафиксированные в «Нихон сёки» девизы VII в. считаются теперь большинством исследователей фиктивными (таким образом, подтвердилось мнение средневекового историка Дзиэна, 1155-1225, возводившего традицию введения нэнго к императору Момму, 697-707). Девиз правления обязательно менялся при восшествии на престол нового правителя. Изменение девиза правления могло проводиться также в случае каких-либо счастливых предзнаменований или бедствий. Начиная с периода Муромати, помимо официальных девизов употреблялись местные, клановые, монастырские и т.п., что создавало большой разнобой в исторических текстах. Сопоставляя традицию девизов правления в Китае и Японии, исследователи установили, что девизы царствования вовсе не были простыми благопожеланиями, а являлись выражением властных потенций государей. При этом важнейшим отличием девизов правления в Китае и Японии состояло в следующем. Так, в Китае понятия, по преимуществу используемые в девизах правления, были связаны с Небом, вручающим мандат на управление императору, а также с личностью императора и знаменами, посылаемыми

Фрагменты календаря за 803 и 804 гг.
на «лаковой бумаге»

Небом, в качестве реакции на деятельность императора (наиболее употребительными были иероглифы «начало», «Небо», «вечность», «доблесть», «процветание», «великий» и «мирный»). В Японии же термины, содержащиеся в нэнго, в первую очередь связывались с непрерывностью императорской династии и личными качествами государей, обязанных заботиться о благоденствии народа (более распространенными были иероглифы «вечность», «начало», «Небо», «правление», «истинность», «культура», «гармония», «долголетие» и «спокойствие»).

ОММЁРЁ (ОНЪЁРЁ) - Отдел инъ-ян при Министерстве Центральных дел (Тюмусё). Работа Отдела инъ-ян основывалась на синкретическом учении Оммёдо. Главными компонентами Оммёдо (Пути инъ-ян) являлись идеи инъ-ян, пяти элементов, восьми триграмм (ба гуа). В Китае это учение в законченном виде было впервые сформулировано в философии Дун Чжуншу (II в до н.э.), который инкорпорировал его в конфуцианство. Универсальный дуализм инъ-ян, циклическое взаимодействие пяти элементов, нумерология «ба гуа» стали в Китае универсальным языком описания (в том числе и исторического процесса). С его помощью истолковывались земные и небесные явления, осуществлялось гадание. Еще китайская хроника «Вэй-чжи» (III в. н.э.) сообщает, что японцы («люди ва») применяют гадание по панцирю черепахи, что являлось одной из «методологий» Оммёдо. Указания на этот обычай имеются и в ранних записях «Нихон сёки» (правление Суйнин), в правления Кэйтай, Киммэй и Суйко из Пэкче в Ямато приезжают специалисты по Оммёдо. Числовую символику, присущую Оммёдо, можно усмотреть и в «Конституции из 17 статей» Сётоку-тайси (8+9 как числовое выражение инъ и ян), пяти цветах головных уборов первой системы чиновничьего ранжирования, восьмиугольной форме царских курганов VII в., настойчивом употреблении «восьмерки» в ранних письменных памятниках (например, счет божеств на «восьмерки») и т.п. Планомерная подготовка специалистов по Оммёдо осуществлялась в Высшей школе чиновников (Дайгаку), начиная с правления Тэмму. Окончательная институализация Оммёдо в Японии произошла вместе с созданием Отдела Оммёрё в 701 г. В это время персонал Оммёрё в основном составляли потомки выходцев с материка, причем некоторые из них были буддийскими монахами. Согласно «Энгисики», при дворе имелось 20 гадателей (урабэ), причем десять из них происходили с Цусима, а пять - с острова Ики, т.е. из региона, наиболее приближенного к матерiku. Однако в это время большинство специалистов по Оммёдо были уже японцами. Отдел Оммёрё имел самое непосредственное отношение к контролю над пространством (расположение строений, захоронений) и временем (составление календарей, смена «девизов правления»). В Японии принципы Оммёдо разделяли как синтоистские жрецы, так и буддийские монахи, образовывали для населения древней Японии основу ориентации в пространстве и времени. В 730 г. знатоки Оммёдо появились и в штатах провинций.

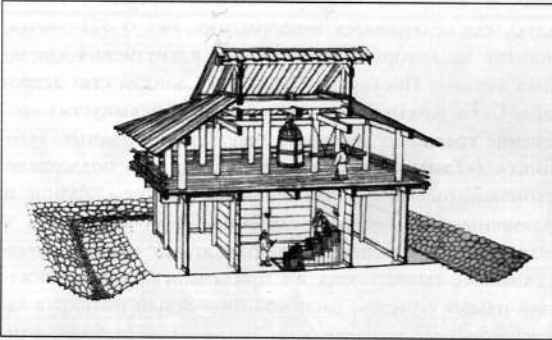
ПОЗДНИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ.

В 1684 г. при непосредственном участии ученого Кобаяси Ёсинобу вместо Сэммё рэки был введен официальный календарь китайской династии Мин (яп. «Дайто рэки»), но поскольку на момент введения этого календаря минской династии в Китае уже не существовало, в нем имелись серьезные неточности, которые требовали корректировки. В 1685 г. астроном Ясуи Сюнкай вводит новый календарь - «Дзёкё рэки», названный в соответствии с «девизом правления» «Дзёкё» (1684-1688). Этот календарь был создан непосредственно в Японии. Солнечный год был определен в 365, 241 суток (тропический, «истинный», год насчитывает 365, 2422 суток), центром отсчета был признан Киото. В 1755 г. в обиход вводится новый, разработанный японским астрономом Абэ Ясукуни при непосредственном участии математика Нисикава Дзёкэн, календарь «Хорэки» («Драгоценный календарь»), названный, как и предыдущий, по девизу правления. В отличие от своего предшественника, этот календарь основывался не только на исследованиях звездного неба в астрономической обсерватории, построенной в Эдо в 1744 г., но и на данных голландских астрономических трактатов. Однако, несмотря на все его достоинства, в 1763 г. календарь не смог предсказать наступившего солнечного затмения, а в результате математических подсчетов в 1797 г. в календаре «Хорэки» был найден ряд серьезных ошибок. В 1798 г. вводится новый календарь «Кансэй рэки» («Кансэй» - «девиз правления», 1789-1801). Его составители Такахаси Ёситоки и Асада Гюрю не уменьшили (как то делалось обычно), а увеличили продолжительность солнечного года, и в итоге уже к 1840 г. стали явными многие погрешности этого календаря. В 1843 г. астрономом Сибукава Кагэсукэ был составлен новый календарь - «Тэмпо рэки» («Тэмпо» - «девиз правления», 1830-1844). Наконец, после «реставрации Мэйдзи» в 1873 г. сначала в официальных учреждениях, а затем и по всей стране, был введен григорианский календарь (продолжительность солнечного года равна 365, 2425 дня), принятый на тот момент не только во всех странах Европы, но и в некоторых странах Азии. Все праздники стали теперь отмечаться в соответствии с новой системой исчисления времени (например, если раньше «праздник девочек» приходился на 3-й день 3-го месяца, то теперь его праздновали 3 марта). При этом следует учитывать, что дата японского Нового года, согласно григорианскому календарю, находилась между 21 января и 19 февраля. И потому, хотя 1869 г. и считается 2-м годом периода Мэйдзи, фактом остается то, что он начался 11 февраля 1869 г., а закончился 31 января 1870 г.

РОКОКУ - «ВОДЯНЫЕ ЧАСЫ». «Водяные часы» впервые упоминаются в японских источниках во время правления государыни Саймэй (655-661). В сообщении от 660 г. говорится, что «наследный принц Накано Оэ (будущий государь Тэнти, 668-671, - М.Г.) смастерил «водяные часы», и народ смог узнавать сколько времени». Для сведения населения «стражи» отбивались звоном колокола. Реконструкция такого колокола, проведенная в недавнее время, показала, что его

звук распространяется на 20 километров, т.е. он мог быть слышим в любой точке долины реки Асука, где располагался в VII в. императорский дворец. Можно предположить, что упоминание этого прибора в источниках является одним из наиболее ранних подтверждений заимствования японцами традиционного китайского календаря. Кроме того, кодексом «Тайхорё» была предусмотрена должность «ученого - хранителя времени» (яп. «рококу-но хакасэ»).

Водяные часы и колокол

«СЁДЗУЙ» - «счастливые предзнаменования». Вера в «счастливые» и «несчастливые предзнаменования» в Японии основывалась на китайских образцах и была связана с убеждением, что все сущее зависит от взаимодействия сил - инь-ян. Считалось, что «счастливые» или «несчастливые предзнаменования» посылаются Небом и указывают на «праведность» (или, наоборот, «неправедность») правителя или его отдельных поступков. Апеллирование к «небесным знаменаниям» во всех важных государственных (хроники, эдикты-кяку, церемонии-сики) и ритуальных (ооута, норито, сэммё) текстах считалось делом обычным. Так, по сообщению хроники «Сёку нихонги», в 704 г. над столицей появилось необычное облако (в 713 г. такие облака наблюдали также в провинции Оми), что было принято за «благое знамение», и послужило сигналом для введения нового девиза правления - «Благовещие облака» («Кэйун»); в 708 г., после обнаружения меди в провинции Мусаси, «благое знамение» посчитали сбывшимся; девиз правления был вновь изменен на «Жильная медь» («Вадо»), а Небо послало новое «счастливое предзнаменование» - в провинции Нагато «выпала сладкая роса». Традиционное сознание «работало» таким образом, что правление только тогда считалось «хорошим», если на всем его протяжении в разных частях страны появлялись «благие знаменания», подтверждающие «добродетельность» правления. В дальнейшем «счастливые предзнаменования» появлялись постоянно (практически ежегодно). Исследователи считают, что уже в VIII в. на основе китайских образцов была разработана «иерархия знаменаний», но самым ранним упоминанием такой «иерархии», дошедшей до нас, является список «счастливых предзнаменований» в «Энгисики» (927 г.). Согласно тексту «Энгисики», все «предзнаменования» (всего более 140, но если учитывать, что некоторые из упоминаемых в более ранних источниках «знаменаний»

не зафиксированы в «Энгисики», то их было еще больше) делились на 4 группы: «большие», «крупные», «средние» и «малые» (включали в себя мифических животных, растения, явления природы или отдельные предметы). Многие из упоминаемых в «Энгисики» «счастливых предзнаменований» были непосредственно связаны с китайской мифологией («единорог», «феникс», «красный феникс (жар-птица)», «дракон», «белый тигр», «рогатый лев с головой дракона (байцзе)», «олень-единорог», «белый слон», «лисица с девятью хвостами», «птица-луан», «золотой знак победы», «черный журавль» и т.д.), однако были и традиционно японские («счастливая трава», «священная лошадь», «священная черепаха» и т.д.). Примером «несчастливого предзнаменования» может служить упоминание в «Нихон сёки» о «рождении восьминогого оленя» (согласно китайским представлениям, «дурного знака», свидетельствующего о недобродетельности министров) за 7 месяцев до кончины государя Тэнти (671 г.).

«СЭММЁ РЭКИ» - «лунно-солнечный календарь». В 862 г. календарь Гоки рэки был упразднен, а вместо него введен новый лунно-солнечный календарь - «Сэммё рэки», применявшийся в качестве официального в течение 823 лет (до 1684 г.). Этот календарь (кит. «Сюань мин ли») был составлен танским придворным астрономом Сюй Аном и применялся в Китае с 822 по 892 гг. В Японию календарь Сэммё рэки попал с посольством из государства Бохай, прибывшим ко двору японского государя в 859 г. Уже в 877 г. в Японию попадают «комментарии к действующему календарю» (яп. «гёрэкисё»), состоявшие из 27 свитков, и в том же году, используя уточненные данные о движении планеты, японцы наблюдали «солнечное затмение». На основе этого календаря в 900 г. астроном Абэ-но Сэймэй (наблюдение за «исправностью» календаря в период Хэйан стало наследственной привилегией нескольких родов, из которых наиболее известными были Абэ и Миёси) ввел новую практику смены девизов правления, в соответствии с которой изменение названий нэнго осуществлялось предпочтительно в 1-ом или 58-ом годах шестидесятилетнего цикла (согласно китайским комментариям к действующему календарю, эти годы считались наиболее благоприятными). За время использования этого календаря накопились значительные расхождения между истинным и указанным в календаре временем (кроме того, длительная изоляция от континентальных стран сказалась на практике заимствования «уточненных календарей» из Китая), по причине чего при дворе не удалось наблюдать многие важные небесные явления, зафиксированные в календаре. Чтобы знать более точно время, представители наиболее влиятельных родов устраивали в своих владениях «мини-обсерватории» с солнечными часами. Таким образом, все более ощущалась необходимость введения нового, «исправленного», календаря и в 1684 г. был введен минский календарь «Дайто рэки».

ТАЙЭН РЭКИ - «календарь Великой Махаяны». Согласно сообщению «Сёку нихонги», в 763 г. «календарь гихо был упразднен, и в употребление был введен календарь тайэн» (стал применяться в 764 г.). Этот

календарь (кит. «Да янь ли») был составлен буддийским монахом И Сином (683-727) и использовался в танском Китае в качестве официального с 729 по 763 г. В Японию календарь Тайэн был привезен в 735 г. Симоцумити (позднее Киби)-но Асоми Макиби; сам календарь занимал объём в 1 свиток, а книга по его применению (яп. «Тайэн рэки риссэй») состояла из 12 свитков. В 757 г. прибывшее из Китая посольство привезло различные книги по астрономии и астрологии (например, «Обзор небесных знамений [при династиях] Хань и Цзинь» - кит. «Хань Цзинь тяньвэнь чжи», яп. «Кан Син тэммон си»), а также новые «Комментарии к календарю Тайэн» (кит. «Да янь ли и», яп. «Тайэн рэки ги») в 10 свитках. Помимо этого, из Китая были привезены книги по математике и ученые-астрологи для штата Оммёре. Календарь Тайэн рэки применялся в Японии в качестве официального до 858 г.

ТОКИ - «часы» («стражи»). Дни делились на 12 равных интервалов - «токи» продолжительностью около двух часов каждый. Последовательность страж была следующей: «час крысы» - с 23 ч. до 1 ч.; «час быка» - с 1 ч. до 3 ч.; «час тигра» - с 3 ч. до 5 ч.; «час зайца» - с 5 ч. до 7 ч.; «час дракона» - с 7 ч. до 9 ч.; «час змеи» - с 9 ч. до 11 ч.; «час лошади» - с 11 ч. до 13 ч.; «час овцы» - с 13 ч. до 15 ч.; «час обезьяны» - с 15 ч. до 17 ч.; «час петуха» - с 17 ч. до 19 ч.; «час собаки» - с 19 ч. до 21 ч.; «час свиньи» - с 21 ч. до 23 ч. Каждая стража делилась на четыре «коку» (ок. 30 мин.), т.е. в сутках было 48 «коку». Каждая стража отбивалась ударами барабана, а каждый «коку» - ударами колокола. Позднее, в период Токугава, была введена более детализированная система с меньшей ценой деления: стража делилась на две части (хантоки). Каждая полустража «хантоки», с свою очередь, делилась на 8 частей («коку»). «Коку» также делился на 15 «фун» (собственно, «минут»), а каждый «фун» - на 60 «бё» (секунд).

ТЭММОН - «небесные знаки». Согласно китайским астрологическим представлениям, существовала особая группа «знаков», исходящих от «Неба» и влияющих на действия людей. К «тэммон» относились «Солнце», «Луна», «Пять планет» (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн), 28 созвездий (по 7 в каждой четверти Неба). Кроме того, с «небесными знаками» была непосредственно связана классификация «ветров и облаков» («фуун-но кисики»). В древней Японии толкованием «небесных знаков» занимались астрологи (яп. «оммёси») под руководством «профессора астрономии» (яп. «тэммон-но хакасэ»). Затем все данные сообщались заведующему отделом Оммёре (яп. «рёто»), который (в обход своего непосредственного начальника - Министра центральных дел) мог докладывать «о необычных явлениях» непосредственно государю. Такое положение позволяет предположить, что астрономия в древней Японии (как, собственно, и в Китае) имела важную политическую функцию. Иными словами, знание «знамений» могло превращаться в мощное средство политического давления, в связи с чем частные занятия астрологией и теорией знамений не допускались, а книги, относившиеся к этим областям, были секретными, находясь в монопольном пользовании Отдела инь-ян. Донесения Оммёре государю

были также засекречены.

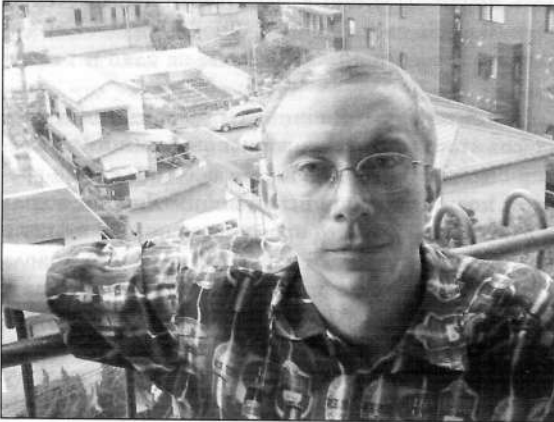
ТЭММОН ТИБУН ДОБАН ЦУ - «Собрание гравюр о небесных знаках и природных явлениях». Еще в 1677 г. японский астроном Ясуи Сюнкай выпустил свой знаменитый труд «Тэммон бунья-но дзу» («Карта распространения небесных знаков»), куда были включены данные о 61 созвездии и 308 звездах (китайские звездные атласы не были столь подробны). В 1683 г. тот же ученый дополнил свою карту «небесных знаков» и выпустил «Карту небесной сферы» («Тэнкю дзу»), где содержалась информация уже о 321 звезде, многие из которых не значились в китайских «звездных картах». Последователем Ясуи Сюнкай стал астроном Сибя Кокан. Этот ученый в 1788 г. выпустил «собрание гравюр о небесных знаках и природных явлениях» («Тэммон тибун добан цу»), где подытожил свои многолетние наблюдения за Солнцем, Луной и различными планетами, сделанные в обсерватории в Эдо. На 12 цветных гравюрах атласа изображались солнечные пятна, сюда же прилагались схемы движения планет с учетом расположения Земли и Луны в зависимости от времени года и схемы планетных эпиклов.

ФУУН-НО КИСИКИ - «разновидности ветров и виды облаков». Согласно древнекитайским астрологическим представлениям (откуда они и были заимствованы японцами), «пять видов цветных облаков» (яп. «гоун-но сики») представляли собой вид «знамений», посылаемых Небом для предупреждения об опасности или свидетельствующих о счастливых событиях. В «Рё-но сюэ» (со ссылкой на китайский трактат «Чжоу ли» - «Чжоуские ритуалы») дается подробная классификация «цветных облаков». Так, появление «зеленых облаков» должно было рассматриваться как предвестие нашествия «насекомых», «белые облака» считались предвестниками «траура», «красные» - «вооруженных конфликтов», «черные» - «наводнений», а «желтые» - являлись символами будущего «богатства». При этом каждому из видов облаков соответствовали пять первоэлементов (кит. «у син») и времен года («зеленые облака» соответствовали первоэлементу «дерево» и сезону «весны»; «белые» - «металлу» и «осени»; «красные» - «огню» и «лету»; «черные» - «воде» и «зиме»; «желтые» - «земле» и «середине лета»).

Не менее интересная классификация была предусмотрена и для ветров. Существовало «12 разновидностей ветров» (яп. «дзюни фуки»), причем все «ветры» имели четкую пространственную ориентацию по четырем основным (восток, юг, запад и север) и четырем промежуточным (северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад) сторонам света. Каждый из «ветров» имел свое название (например, северо-восточный назывался «прямым», юго-восточный - «светлым и чистым», южный - «приносящим солнечный свет», юго-западный - «приносящим прохладу», северный - «необъятным») и «предупреждал» о «необычных явлениях в стране» (так, считалось, что южный ветер предвещает появление при дворе «добродетельных» сановников, юго-западный - появление «добродетельных» чиновников в провинциях, а юго-восточный - подношение иностранным государством даров (дани) императору).

Василий Молодяков - Александр Куланов:

Ночные беседы над храмом Сэнгакудзи - о Японии, японцах и русских

По официальным данным в Японии проживает около 3500 русских. В это число входят дипломаты с их семьями, сотрудники торговых и международных представительств, обладатели рабочих и студенческих виз, русские мужья японских жен и гораздо более многочисленный отряд русских жен японских мужей. Статистикой «не охвачены» тысячи наших хостесс - девушек, приехавших в Японию на работу в многочисленные хостесс-клубы и бары, но не имеющих долгосрочных виз.

У русских, которые живут здесь долго, свое особое мнение о Японии, психологии и менталитете японцев. Есть у них свое мнение и о России. Большинство их молоды и дерзки - среди них немало ученых, не нашедших применения своим знаниям на родине, но получивших возможность заниматься любимым делом в Японии.

О том, как выглядит Япония в глазах тех русских, которые живут здесь долго, и о том, как выглядит отсюда Россия, мне довелось разговаривать со многими. Не раз заходила об этом речь и с одним из давнишних моих токийских знакомых, доктором философии Токийского университета, автором многих книг Василием Молодяковым. Беседовать о Японии и о России нам было особенно приятно ночью, когда в японской столице становилось чуть прохладнее (дело было летом), сидя с бокалом пива в руке на балконе седьмого этажа в токийском районе Таканава.

С этого балкона, как на ладони, виден знаменитый храм Сэнгакудзи. Знаменит он историей, произошедшей в нем в 1703 году. Тогда 47 ронинов - самура-

ев, оставшихся без хозяина, который погиб в результате придворных интриг, отомстили его обидчику. Много месяцев готовя план мести, они изображали из себя пьяниц и опустившихся людей. А дождавшись удобного момента, отрубили голову объекту своей ненависти и бросили ее на могилу своего бывшего сюзерена, не забыв, кстати, предварительно ее помыть, - все-таки японцы весьма чистоплотны! Могила эта - тут же, в Сэнгакудзи. Рядом похоронены и сами 47 ронинов. Совершив акт мести, все они вскрыли себе животы прямо здесь, чем прославили в веках и себя, и храм. На каждой могиле стоит деревянная табличка, где можно разобрать иероглифы «гиси» - «благородный муж».

- Василий, тебя духи самураев по ночам не беспокоят?

- Меня по ночам беспокоят соседи, и то редко. Я по ночам работаю, пишу... Но место действительно непростое, красивое место. Мистическим назвать его не могу, но на интересные мысли вид на кладбище наводит. Причем днем, а не ночью. Мне интересны не привидения, а туристы.

Да, я смотрю на храм часто и почти каждый день вижу там много туристов. Люди приезжают сюда издалека поклониться праху «верных ронинов», зажигают курительные палочки, рассматривают надписи на дощечках у могил. В выходные и праздники здесь народу невпроворот. Сэнгакудзи - действительно, популярное место, одна из достопримечательностей Токио. Но вот что интересно: возят сюда только японских туристов. В основном это пожилые люди и, судя по их говору и номерным знакам автобусов, из всех уголков Японии. Когда они приезжают в Токио, Сэнгакудзи обязательно включают для них в туристический маршрут - история-то популярная. Однако я никогда не видел в этом храме ни одного иностранного туриста, которого привела бы туда японская турфирма! Ни в один туристический маршрут для иностранцев японцы Сэнгакудзи не включают.

- Почему?

- Ну, как же - это «непросвещенно»! 47 человек, несмотря на запрет императора, сначала отрубили кому-то голову, потом протащили ее через весь Эдо и бросили на могилу хозяина, предварительно помыв ее вон в том колодце, видишь? А потом все, как по команде, тут же вспороли себе животы. Ужас какой-то!

- Но это же классический пример самурайской верности!

- Конечно. Но когда японцы формировали в конце XIX-го - начале XX-го веков имидж своей страны в мире, то такие гении японской пропаганды, как Инадзу Нитобэ и прочие «очаровательные апостолы полуправды»¹, очень многие углы этого имиджа специально сглаживали. Это классический пример «мягкого моделирования» - приспособление образа к его потребителю. Для самих японцев, для внутреннего потребителя в довоенной Японии, это, действительно, был прекрасный хрестоматийный пример верности. 47 ронинов поступили как настоящие самураи, и у японцев тогда это не вызывало никакого внутреннего дискомфорта. А с точки зрения имиджа Японии как цивилизованной страны, это тот самый «угол», который необходимо сгладить. Вот для «внутреннего рынка», то есть для японского читателя, слушателя, туриста эта история не чревата никаким внутренним дискомфортом. Ни одна японская турфирма иностранным туристам ни о Сэнгакудзи, ни о Ясукуни² не расскажет.

- Ну, все-таки, об истории 47 ронинов неплохо знают за границей. Другое дело, что она преподносится как легенда, как нечто из прошлого, от которого не осталось никаких следов. Тот факт, что сохранились их могилы, места, где произошли известные события, есть даже музей, где хранятся подлинные вещи ронинов, это не афишируется.

- Да, совершенно верно. О них слышали многие, но мало кто знает, что история закончилась в храме, который стоит, как и триста лет назад, да рядом еще и одноименное метро построили! Это один частный, но, по-моему, довольно яркий пример моделирования образа Японии. История Японии - не черно-белая. История - это радуга. Кто может сказать, какой цвет лучше - красный или синий? Пока мы говорим лишь об истории, но многие факты сегодняшней жизни проверяются через отношение к прошлому. Академик Покровский говорил, что «история - это политика, опрокинутая в прошлое». Я с ним не согласен, но человеческому сознанию свойственно оценивать события прошлого через призму современности. Люди более продвинутые оценивают настоящее через прошлое. В любом случае, и прошлое, и настоящее для нас тесно связаны. Немецкий историк Эрнст Нольте замечательно сказал: «Прошлое так и не прошло». Для Японии ее прошлое тоже не прошло. Если попытаться войти «в искушение» и найти точку, от которой «прошлое прошло», у нас ничего не получится - мы ее не найдем. В любой истории прошлое служит целям настоящего, настоящее диктует восприятие прошлого.

Когда я смотрю на историю Японии, то ощущаю

некую двойственность. С одной стороны, есть Япония XXI-го века - страна, в которой я живу, и которую ежедневно наблюдаю. С другой - историческая Япония, страна прошлого, изучением которой я занимаюсь, в том числе и Япония 47 самураев. Должна быть некая раздвоенность между восприятием Японии сегодняшней и исторической, но, честно говоря, для меня они во многом едины. Возможно, благодаря тому, что для меня этой непреодолимой пропасти нет, многое в японской истории мне удалось понять. Поэтому я знаю, что Япония 47 самураев, Япония эпохи Мэйдзи, Япония предвоенная и Япония современная - это совсем не одно и то же.

- В книге «Образ Японии» ты говорил о двух ипостасях этого образа: «живописной Японии» и «желтой опасности». Подробно писал о том, как во время и после русско-японской войны Япония вошла в наш быт. Сейчас это произошло снова. В отличие от ситуации столетней давности видимого повода для этого нет. Тогда была война, и Япония стала в России популярна. Пусть это странно, но это - хотя бы какой-то информационный повод. Но сейчас... С точки зрения историка, почему столько людей у нас снова «больны Японией»? Как тебе, человеку, живущему в Японии, но пишущему книги для русского читателя, представляется трансформация «живописной Японии» и «желтой опасности»?

- Во-первых, надо сказать прямо, что за время, прошедшее после второй мировой войны, образ Японии как врага из русского сознания войны ушел.

- Ой ли?

- Кучка маргиналов не в счет. Образ врага ушел, и тому есть объяснение. Советская пропаганда отличалась от японской и американской одним важным качеством. «Наш враг - японский милитаризм и капитализм, а японские рабочие и крестьяне - наши братья», - вот как у нас оценивалась Япония! А как оценивала Японию американская пропаганда до и во время войны? «Наш враг - желтые джарпы». Что говорила японская пропаганда в годы «холодной войны» о Советском Союзе? «Наш враг - русские!» Заметь, не коммунисты, а русские! В этом коренное различие образов России в Японии и образа Японии в России. Для нас врагами были японские милитаристы, фашисты, капиталисты, но не японцы как таковые. Никогда в советское время у нас не воспитывали национальной ненависти к японцам - это очень важный момент! У японцев воспитывали национальную ненависть к русским, у американцев воспитывали расовую ненависть к «желтокожим джапам». Конечно, после 1945 г. многие акценты переменялись, и «джарпы» стали бастионом антикоммунизма на Дальнем Востоке. Тогда и перед самой Японией встало несколько

¹ Термин Хью Байеса - американского журналиста, который работал в Токио более двадцати лет и написал книгу «Правление путем убийства», вышедшую в США в 1942 году.

² Храм в Токио, посвященный памяти всех «воинов, павших за Великую Японию», в том числе осужденных и казненных по приговору Токийского процесса за военные преступления.

новых глобальных задач. Одной из них было коренное изменение своего имиджа в мире, для чего была разработана определенная концепция.

- Один авторитетный представитель японской элиты заметил мне как-то, что объем культурных обменов, осуществляемых по линии Японского фонда, в 10 раз уступает аналогичному показателю во Франции.

- Очень может быть. Вообще, японцы, по-моему, не очень понимают, зачем нужны культурные обмены. Исключая, конечно, Америку. У японцев утилитарный подход к культурному обмену, они не понимают, что это потенциальная сфера влияния - политического, экономического, какого угодно. С Европой... так, больше для красоты - искусство, мода и так далее. Европа не играет, по-моему, большой роли в японской политике. США - да, это свято! Хотя в США интерес к Японии, как мне говорили, падает постоянно, прежде всего, в академических кругах. Все больше и больше издается книг о Китае и Корее. Причем не только по современности или проблемам безопасности - нет, берется весь спектр: история, культура, литература, даже кухня. В России такая тенденция тоже заметна, но у нас и в изучении Японии перспективы громадные. Применительно к России японцы, на мой взгляд, совершают одну большую ошибку - они недооценивают существующий ныне японский бум, а главное - его искренний, неконъюнктурный характер. Действительно, есть огромный интерес к Японии, в том числе к тем вещам, которые самим японцам кажутся «неудобными». Например, японские политики, дипломаты по-прежнему шарахаются от слова «синто». Негативное отношение к нему было сформировано в Америке в годы войны. И до сих пор даже в случае академического исследования в США и Японии приходится оправдываться и объяснять, что синто - древняя японская религия, тесно связанная с культурой. В России это не надо объяснять. Образ «японского врага» еще не исчез, но сейчас он культивируется маргинальными слоями общества. Большая же часть россиян расположена к Японии не только больше, чем японское общество к России, но и больше, чем думают сами японцы. После того, как были сняты все идеологические запреты, в России создалась уникальная ситуация для пропаганды всего японского. А японцам в большинстве своем это неинтересно. В том числе дипломатам.

- Но образ Японии как дружественной страны все равно не сложился.

- Согласен. Но посмотри, что происходит дальше! Мы говорили о «живописной Японии». Чем могла Япония поразить мир? Тем, чего нигде в мире больше не было, - своей традиционной культурой, причем, что интересно, наиболее вульгарной (по японским понятиям) ее частью. Что стало для мира символом утонченной культуры Японии? Театр горожан - кабуки и лубочные картинки - укиё-э. Это все рав-

но, как если бы о всей русской культуре судили по скоморохам и лубку. Но это было первое проникновение японской культуры в быт: веера, гравюры, кимоно. Ты помнишь «Петербург» Андрея Белого, где замечательно описан будуар Софьи Петровны Лихутиной, набитый до отказа всякой японской атрибутикой? Это была отправная точка, потому что тогда ничем больше Япония поразить мир не могла. Только в 70-х годах она смогла удивить чем-то принципиально новым - Япония стала экономической сверхдержавой. В начале XX века этого образа быть не могло. Интересно вспомнить «Солярис» Андрея Тарковского, который снимался в Токио, потому что другого места, похожего на «город будущего», на планете не нашлось. Где это еще было снимать? Нью-Йорк? Слишком знакомые силуэты. Нужен был абстрактный город будущего, и сняли Токио - это очень характерно. Может быть, сейчас снимали бы что-нибудь другое, но это тема отдельного разговора.

- Вряд ли нашли бы что-нибудь другое. Новый Китай? Слишком ярко - смесь Америки с Шаолинем.

- Может быть... Нам важно, что в 70-е годы возникает образ Японии, определяющийся пресловутыми секретами японского менеджмента и ласковыми именами «Сони» и «Тошиба». Вот отсюда начинается новое проникновение Японии в русский быт.

- Ты хочешь сказать, что новый образ Японии не создавался специально? Это не «человек в белом воротничке», это - железо, техника с клеймом «Made in Japan», имидж как отображение объективного результата, производственных достижений?

- Да. До конца 80-х годов японцы не имели реальных возможностей воздействовать на русское сознание. Это воздействие было опосредованным. В основном оно осуществлялось через русских людей, приезжавших в Японию. Что греха таить - люди приезжали сюда на заработки и везли тогда не укиё-э, а телевизоры и видеомэгафоны. Я их не осуждаю ни в коей мере, просто мы имеем дело с неким фактом - эти чудеса японской техники долгое время формировали японский образ в России. Далее возникает вопрос: как, когда и почему происходит смена образа? Как, когда и почему из Японии перестают везти телевизоры и начинают везти фарфор, укиё-э, курительные палочки? Тут круг замыкается - через сто лет мы приходим к тому, что образ Японии на бытовом уровне (естественно, в обеспеченных слоях населения) снова определяют кимоно, веера, гравюры - повторяется «Петербург». Да, очень важно - добавляются новые весомые составляющие этого образа: суши и сасими!

- Нет, «суши» и «сасими». В «новорусском свете» именно - «суши» и «сасими».

- Ну, я надеюсь, этот этап мы уже пережили. Будем бороться...

- Не будем мы с этим бороться - бесполезно. Су-си и сасими - это даже не для эстетов, это для интеллигентных японистов. Надежда только на то, что количество однажды перейдет в качество.

- Значит, будем бороться за это! Я тут читал лекции на первом курсе в одном университете. Молодым японцам надо было рассказать, что за страна такая - Россия, чтобы на втором курсе они выбрали русский в качестве второго иностранного языка. Понятно, что ничего серьезного им рассказывать нельзя: сидят люди с абсолютно пустыми глазами, постоянно болтают, цепочки свои теребят - типичные японские студюзусы. И я построил лекцию на рассказе о столкновении японского и русского мифов. Объяснил, что по улицам Москвы не ходят медведи, точно так же, как по улицам Токио не разгуливают самураи. Написал на доске хираганой «суси» и по-английски «sushi». Объяснил в чем разница - кажется, им понравилось, поняли. Поняли, что постепенно в России происходит изменение образа Японии от «суши к суси». Очень хотелось бы, чтобы точно так же и в Японии произошла смена образа России от медведей к... Не знаю, к чему. Хотя бы к тому, что в России тоже есть смена четырех времен года, которой японцы так гордятся и считают своим национальным достоянием! Они с недоверием меня спрашивают: «В России тоже есть четыре времени года?» Страшно удивляются! Изумляются, когда узнают, что в Москве летом снега нет! Здесь мы снова вернулись к тому, что беда России - в том, что она никак не занимается моделированием своего образа во внешнем мире. Никому из наших государевых людей это не надо...

- Давай поговорим о другом. Тебе не кажется, что Япония слишком уж ориентирована на главенство «внутриазиатского» во всем: лучшее качество - для внутреннего рынка, туризм - внутренний, для самих себя, за пределами Японии главный все равно он - японец. Когда смотришь здесь по телевизору международные соревнования, создается впечатление, что участвуют в них только японцы...

- Скажу честно: то, что Япония организована как страна для японцев, мне нравится. Ты видел, как они готовились к чемпионату мира по футболу. В принципе, в повседневной жизни никак не готовились. У нас вся Москва была бы огромной «потемкинской деревней», а здесь - нет. Эта страна ориентирована на внутренний рынок, и показатель уровня развития внутреннего туризма в Японии меня очень радует. Говорят, в России он тоже начинает возрождаться - это радует меня еще больше. Когда «новые русские» почувствуют, что ездить на Байкал или Алтай «круче», чем на Канары, тогда будет здорово, потому что развитие внутреннего туризма - это показатель морального состояния страны. В Японии он очень высок. Хотелось бы, чтобы и у нас он был таким же. И, как это ни парадоксально, происходящее проникновение Японии в русский быт может этому хоть как-то способствовать: путем примера - «а как у них там?»

- Скажи как историк, есть ли видимые причины проникновения Японии в наш быт или нет?

- Есть. Они накапливались исподволь. Произошел лишь переход количественных показателей в качественный. Во-первых, интерес к Японии был всегда.

- Он был «вялотекущий».

- Нет, просто потреблялось ровно столько, сколько давалось. Спрос на Японию в советское время всегда превышал предложение. Причем с восторгом потреблялось все, даже книжки Цветова. Наш читатель, зритель, слушатель переваривал все, что ему давали. Далее: шло потребление из Японии того, что люди хотели, и что они могли себе позволить, - речь идет об электронике и бытовой технике. Потом появились люди, у которых было достаточно денег, чтобы заплатить за кимоно и одновременно появилась возможность его привезти, не прибегая к помощи нашего посольства.

- Видишь ли, в чем дело: для того, чтобы захотеть купить самурайский меч, пусть даже произведенный испанской фирмой «Гладиус», надо предварительно откуда-то узнать об этих мечах, о самураях, надо понять, что это «круто».

- Тут большую роль сыграли послабления после перестройки, снятие запретов. Сыграло роль развитие и повальное увлечение боевыми искусствами.

- Но почему именно Япония? Ведь после перестройки стало можно издавать все. И издавали всё! Почему Япония?

- Кажется, у меня есть ответ на этот вопрос. Это соблазнительное для русского сознания сочетание суперсовременных технологий, высокого уровня жизни и Традиции. Это мир, где «Тошиба» и самураи живут рядом.

- Это то, чего нам не хватает?

- Да! Нет у нас, по большому счету, ни «Тошибы», ни самураев, а душа просит и того, и другого. Другое дело, что в настоящей, современной Японии не «Тошиба», а «Тосиба», и самураев нет, но это не так важно. Ты совершенно прав - мы ищем в Японии то, чего нам не хватает. Я к Америке отношусь с уважением, но много ли мы там найдем, кроме ковбоев и гамбургеров? Америка - страна жвачки, битников и свободной любви - была идеалом в 60-е годы. Может быть, до конца 80-х. Рок, секс, джаз, а потом вдруг поняли, что истории у этой страны нет! Колумб Америку открыл через 112 лет после Куликовской битвы! У нас всегда было тяготение к корням, и даже большевики этого выбить не смогли. Японская же история неплохо соотносится с русской.

- Японская в этом смысле выглядит даже выигравшей: когда основывалась Москва, Хэйан уже угасал...

- Пожалуй. В любом случае японский бум в России меня не удивляет. Он обусловлен сочетанием нескольких факторов: был интерес, был постоянный спрос, было предложение, и, надо прямо сказать, что очень хорошо в этом направлении поработало посольство Японии. У них стоит поучиться тому, как надо создавать благоприятный образ своей страны!

- Понятно, что для Японии это хорошо. На фоне японского бума имидж этой страны в России значительно поправился. Он не так хорош, как хотелось бы японцам, но, в любом случае, лучше имиджа России в Японии. Но, по твоему мнению, есть ли от этого какая-то польза России?

- Конечно. Чем больше мы узнаем о мире, тем лучше. Особенно приятно, что в России, наконец-то, появилась качественная информация о Японии, и этой информации много. Качественной информации о России в Японии тоже немало, но у японцев отсутствует к ней интерес - вот в чем проблема. У них нет спроса на информацию о России, а у нас на информацию о Японии - есть. Обилие же некачественной информации меня печалит. Интересная деталь: в Японии даже образованные люди читают специальную литературу только по своей тематике. Более они ни в чем сколько-нибудь прилично не разбираются. Японские историки знакомятся с материалами по философии, психологии, филологии по книгам, что называется, «для колхозников». Японца специальная литература изначально отпугивает как нечто сложное и нечитабельное. В России наоборот: интеллигенция всегда предпочитала знакомиться со смежными ей областями знания не по популярным, а по специальным книгам. Японцы не могут себе представить, какими тиражами выходили в России книги Льва Гумилева или Мераба Мамардашвили. По их мнению, Гумилева должны читать только историки, причем специализирующиеся на Средней Азии строго определенного периода. В России же образованному человеку, вне зависимости от его специальности, было, что называется, «положено» читать серьезную специальную литературу. В том числе и о Японии.

Этот спрос на качественную литературу о Японии насыщается сейчас во многом усилиями японской стороны, но это не страшно - наш читатель достаточно подготовлен и способен самостоятельно мыслить. С точки зрения пропагандиста, неподготовленный читатель неинтересен - он проглотит любую информацию, но не сможет ее проанализировать. Тупо доводя, как это делают на Хоккайдо, что «Северные территории» - «исконно японские земли», ничего нельзя добиться.

- Да, я вспоминаю поездку в Нэмуру в 1999 году. Над зданием мэрии был растянут транспарант с надписью по-русски: «Северные территории - земля Японии». Если японцы думают убедить таким

образом в своей точке зрения русских моряков, приходящих в порт Ханасаки, то они, мягко говоря, ошибаются.

- Очень сильно ошибаются! Но бюрократии во всех странах свойственны прямолинейность и инерция. Этот лозунг в Нэмуру меня не убеждает точно так же, как не убедил бы и транспарант «Ни пяди родной земли!» по ту сторону пролива. Исторические аргументы здесь уже не имеют никакого значения! Убедительных для противной стороны аргументов ни Россия, ни Япония представить не могут, а значит надо исходить из того, что мы имеем на сегодняшний день. Все эти исторические аргументы - своего рода игра, в которую играет большое количество людей с учеными степенями. У них - и у японцев, и у русских - просто отсутствуют чувство реальности.

-Что мы будем делать с этим дальше?

- Как ты однажды верно заметил, есть три категории людей, в зависимости от их отношения к Японии, которых ты условно называешь «японофилы», «японофобы» и «сумасшедшие»...

- Очень условно...

- Но в этой условности есть большая доля правды, и это совсем не так смешно, как может показаться на первый взгляд. Что касается сумасшедших, то Япония необычностью своей культуры действительно притягивает к себе немало людей с нарушениями психики. Японофилы и японофобы - вот какие категории мне особенно интересны. Кто они? Почему они такие? Как это получилось? Представители нашей научной или творческой элиты приезжают сюда по приглашению своих коллег как почетные гости. Они видят Японию с парадной стороны, и им в чем-то можно даже позавидовать. А вот я живу здесь восьмой год, постоянно. Я не могу сказать, что вижу «изнанку» Японии, - нет. Я вижу повседневную жизнь, изнутри, со всеми ее плюсами, но и со всеми минусами. При этом японофобом себя ни в коей мере не считаю, хотя... позволяю себе Японию критиковать. Но это критика человека, любящего Японию.

- А японцев?

- Я уважаю японцев за то, как они работают - четко, слаженно. Они отлично работают в команде, хотя это не мешает им страшно «горючить», когда они делают что-то поодиночке. Вместе с тем, это классическое общество потребления, это «бурандо сякай»³. Я не говорю, что все японцы - потребители и только, но в основной своей массе - это общество, ориентированное на потребление. Сейчас такое общество выращивают в России и делают это совершенно целенаправленно. Но Россия - другое дело. В Японии, по их собственным опросам, 92% населения относят себя к среднему классу. Это залог стабильно-

³ Общество брендов (яп.)

сти любого общества. В России же, насколько я понимаю, среднего класса просто нет.

Я люблю Японию, но люблю не общество потребления, которое мне, по причине, может быть, еще советской закалки, глубоко противно. Впрочем, наверное, не мне одному. Сейчас здесь много говорят о кризисе ценностей у молодого поколения. Традиционно Япония - страна работяг, за что она мне и нравится. Но сегодняшнее молодое поколение работать не хочет. Конечно, я не говорю про всех, но в общем... В этой стране вечно действует принцип маятника. Эпоха патологических трудоголиков сформировала тот образ Японии, который во всем мире до сих пор в ходу...

- Но эта эпоха прошла.

- Да. С другой стороны, она пока не сделалась нацией патологических бездельников и, хотя здесь у японцев большие перспективы, я думаю, Система все равно это «переварит». Истина в этом споре, как обычно, посередине. Надо работать, но надо уметь и отдыхать. Я уважаю людей, которые любят и умеют работать, но я уважаю и тех, кто умеет отдыхать и наслаждаться жизнью. Японцев же все время носит из крайности в крайность.

- Но разве для общества потребления не характерно нежелание работать?

- Желание отдыхать и потреблять характерно, и оно должно быть характерно, но чтобы потреблять, надо иметь на это средства, а их надо заработать. Совсем как у Пелевина: общество - кровеносная система, где роль крови играют деньги. Первый импульс - заработать как можно больше денег. Второй - как можно больше потратить! Ты должен много зарабатывать, чтобы много потреблять - вот императив этого общества. Слава Богу, люди, приезжающие в Японию как почетные гости, этого не видят. Был такой известный английский японовед сэр Артур Уэйли, который перевел «Гэндзи-моногатари» на английский язык. Он никогда не был в Японии.

- О, я знаю таких отечественных японоведов!

- Я тоже. Но у сэра Артура было все же несколько больше возможностей. Точнее, они были практически неограниченными. Но... он говорил примерно так: «Я люблю хэйанскую Японию - это моя духовная родина. Я знаю, что сейчас этой страны не существует, и не хочу портить себе впечатление». Похожие вещи есть у Оскара Уайльда, который знал, что мэйдзийская Япония сильно отличается от Японии Хокусая и Хиросигэ, которую любили европейские эстеты.

- Мы уже говорили о том, что существует два основных подхода к Японии - положительный и отрицательный. Сумасшедших в расчет не берем. А насколько эти взгляды сформированы самими

японцами?

- По минимуму! Я убежден, что это так. И те, и другие увидели именно то, что ожидали увидеть. Когда в Японию приезжает известный артист, режиссер, писатель, он не знает японского языка (Акунин - редкое и приятное исключение), имеет довольно приблизительное представление о японской культуре и образе жизни. Если он настроен изначально положительно, то ему все нравится, потому что принимают его хорошо - иначе не приглашали бы. Его водят по храмам, дворцам, он общается с элитой, им есть, о чем поговорить за бокалом доброго японского пива. Взгляд второй - позиция живущих здесь русских, кому в жизни по каким-то причинам пришлось несладко. Я эту позицию понимаю, но мне она все-таки не близка. Я бы тоже мог много «чернухи» рассказать о Японии, но не буду этого делать. Не потому, что я - «агент влияния», как некоторые говорят, а для большей сбалансированности взгляда. Знаешь, за что я больше всего критикую современных японцев? За отступление от японских традиций! За то, что они не знают, кто такие 47 ронинов, за то, что стесняются ходить в Ясукуни-дзиндзя. Но это моя сугубо личная позиция, я ее не навязываю. Я не японофил и не японофоб, хотя первое - скорее. Как говорит одна моя знакомая, «тяжес хлеб япониста, но не горек».

- Хорошо, но в более широком смысле: в чем отличие восприятия Японии у нас от восприятия России в Японии?

У нас Япония вошла в культурный контекст. Японцы очень удивляются, когда я неторопливо, скучным тоном начинаю перечислять их классику, переведенную на русский язык: «Кодзики», «Нихон сёки», «Гэндзи», «Кокинсю» и так далее. Да хоть Ёсимото Банаана! Хотелось бы, чтобы Россия так же вошла в культурный минимум японцев. Несколько лет назад известный русист Накамура Кэнносукэ сказал мне, что Россия наконец-то начинает восприниматься в Японии как нормальная страна. Даже несмотря на то, что интерес к ней упал. Раньше, в эпоху «холодной войны», Советский Союз воспринимался как нечто паранормальное и потому вызывал настороженный интерес. Сейчас Россия воспринимается как нормальная страна. Почти как Италия или Испания. Даже чемпионат мира по футболу пошел нам на пользу: японцы увидели, что мы не ходим летом в ушанках. Они постепенно начинают понимать, что русские - это такие же иностранцы-гайдзины, как французы, канадцы или ирландцы - вот что важно! Я считаю, что это хорошо.

Я не думаю, что в Японии будет такой же пик интереса к России, как у нас к ним. Но лично мне приятно, что у нас огромный интерес к Японии - чем больше русские будут знать о ней, тем лучше для русских. Чем больше японцы будут знать о России, тем лучше для японцев.

Окадзаки - город камнетесов

Тринадцатиступенчатая пагода работы мастера из Окадзаки

Небольшой город Окадзаки с населением чуть более 200 тысяч жителей находится в восточной части префектуры Айти в 40 км от Нагоя и 20 км от берега Тихого океана.

Окадзаки - бывшая столица княжества Микава. Именно отсюда происходит знаменитый род Токугава, который завершил объединение страны и правил ею более двух с половиной веков. А еще Окадзаки - родина «хаттё мисо», одной из разновидностей соевой пасты, без которой не может жить ни один японец, и, наконец, родина знаменитых каменных мастеров квартала Камисасаки.

История этих мест теряется в глубине веков. В 1957 г. археолог Исикава Кадзуми у реки Усигава обнаружил верхнюю поясную кость палеолитического человека мезозойского периода (150-10 тыс. лет назад). От неолита (10 000-300 лет до н.э.) до нас дошли раковинные кучи (древняя свалка, совмещенная с кладбищем). В двух таких кучах недалеко от Окадзаки (в Икавадзу и в Ёсиго) были найдены останки более 500 человек.

К началу I в. до н.э. на эту землю пришел металл. Здесь находят огромные бронзовые колокола «дотаку», один из которых хранится в буддийском храме Ходзодзи. Недалеко отсюда археологи нашли и самую большую в Японии могилу периода Яёй (300 г.до.н.э. - 300 г.н.э.) - размером 34 на 24 метра. Эта область вошла в состав формирующегося государства Ямато, получив название «Микава» - «Три реки».

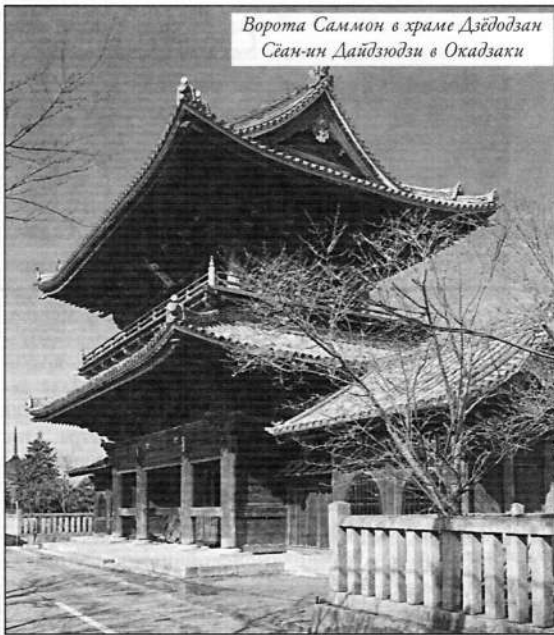
Находясь в шести днях пути от древних столиц Нара и Киото, Микава долгое время оставалась в стороне от бурных событий японской истории. Сохранившихся памятников до XV в. немного. От начала VIII в. в Окадзаки сохранились руины древнего буддийского монастыря. Другой ранний памятник - синтоистское святилище в честь бога Хатимана, основанное, по преданию, в 1196 г. (до нас дошли лишь строения XVI в.).

К концу XII в. Микава находилась во владении дома Минамото, а с установлением в 1192 г. Камакурского сёгуната была отдана в управление Адати-но Морианага. Род Адати, управлявший Микава, по женской линии состоял в родстве с самими Ходзё, регентами, управлявшими с 1203 г. страной вместо сёгунов Минамото. Адати-но Кагэмори (ум. в 1248) был видным полководцем, немало способствовавшим укреплению дома Ходзё: в 1247 г. он разгромил и уничтожил клан Миура, значительно расширив владения Ходзё. Его внуки, Ходзё-но Цунэтоки и Ходзё-но Токиёри, были регентами (в 1242-1246 и в 1246-1256 гг. соответственно).

К первой трети XIV в. Микава перешла к роду Асикага и к их родственникам Синда, которые имели общего предка - Минамото-но Ёсикуни. В 1333 г. Асикага-но Такаудзи уничтожил Камакурский сёгунат и регентство дома Ходзё. В 1338 г. он был провозглашен сёгуном, основав сёгунат Муромати (1338-1573). В эту эпоху Микава оказывается тесно связанной с семьей уже следующей династии сёгунов Японии - Токугава.

Этому сопутствовали следующие обстоятельства. Ещё в эпоху Камакура жил некто Токугава Сиро Ёсиаки, происходивший из рода Синда из провинции Кодзукэ (ныне преф. Ибараки). Его правнук Сабуро Тикаудзи принял временные монашеские обеты и, получив имя Токуами, скитался по стране, пока не добрался до Микава. Здесь в селе Мацудайра (в 16 км к северо-востоку от нынешнего города Окадзаки) он познакомился со старостой Мацудайра Таро Саэмон и стал его зятем, приняв имя Мацудайра Тикаудзи. Именно он и считается основателем рода Мацудайра-Токугава. Было это в начале XV в. Сын Тикаудзи успешно воевал с соседями и расширил свои владения по обоим берегам речки Яхагигава. От третьей Мацудайра, Нобумицу, дошел до нас основанный в

Ворота Саммон в храме Дзёдодзан
Сэн-ин Дайдзюдзи в Окадзаки

1451 г. будийский храм богини милосердия Каннон. Сейчас он называется Нобумицу мёдзи. В ограде храма сохранились могилы трех первых Мацудайра. В другом храме города Окадзаки сохранился свиток с портретом Нобумицу.

Примерно в это же время правитель Микава Нисиго Дандзё Саэмон Цугуёри в 1455 г. приказал воздвигнуть за рекой Яхагигава крепость Окадзаки. Крепость располагалась в непосредственной близости от владений Мацудайра. В 1493 г. отряды Мацудайра Тикатада, сына Нобумицу, перейдя Яхагигава, вошли в Окадзаки. Мацудайра вышел победителем в битве, но потерял 2000 воинов. По преданию, их души постоянно являлись Тикатада и плакали по ночам до тех пор, пока для их умиротворения он не воздвиг могильный холм (названный «Холм тысячи воинов») и храм Сайкодзи. В 1609 г., после того, как Токугава начали править Японией, они установили на Холме тысячи воинов памятный обелиск.

Сын и внук Тикатада ничем особенным себя не прославили, а вот правнук, Киёясу, заложил основы процветания рода Мацудайра-Токугава. Он родился в 1511 г. в крепости Андзё (ныне город Андзё, находящийся совсем рядом с Окадзаки), бывшей тогда цитаделью рода Мацудайра. Ему еще не было и 13 лет, когда в 1523 г. он стал главой клана. Это было время княжеских междоусобиц. В 1524 г. Киёясу, разгромив Нисиго Дандзё Саэмон Нобудзанэ (правнука основателя Окадзаки, Цугиёри), завоевал Окадзаки и перенес туда свою резиденцию. Так город Окадзаки стал цитаделью рода Токугава. Весной 1529 г. Мацудайра подчинил себе всю провинцию Микава, а уже осенью он бросил 7000 конников в соседнюю провинцию Овари (ныне район Нагоя). В декабре 1535 г., в разгар войны с властителем Овари Ода Нобухидэ, Киёясу был предательски убит. В 1562 г. Токугава Иэясу, внук Киёясу, воз-

двиг поминальный храм в его честь, где были захоронены останки Киёясу и его младшей сестры. В Окадзаки Киёясу построил два буддийских храма и синтоистское святилище, которые сохранились до наших дней.

Новым хозяином замка Окадзаки стал сын Киёясу, Мацудайра Хиротада. Хиротада было только десять лет, когда он стал во главе клана Мацудайра. Чтобы укрепить положение клана, в 1541 г. он сочетался браком с дочерью владельца замка Кария Мидзуно Тадамаса, четырнадцатилетней О-Дай. Через год в замке Окадзаки у них родился сын, будущий правитель Японии Токугава Иэясу, получивший детское имя Такэтиё.

На протяжении всего периода Эдо (1603-1868) Окадзаки считался прародиной предков сёгуна. Там строились храмы, ставились стелы, разбивались сады. В городе больше сорока буддийских и синтоистских храмов. Сам замок Окадзаки, в котором родился Иэясу, был разрушен и восстановлен только в 1959 г., став центром парка-музея.

В период Эдо Окадзаки стал одной из станций на тракте Токайдо, связывавшем императорскую столицу Киото с резиденцией сёгуна Эдо. В 1868 г. княжество Микава было ликвидировано. В 1875 г. была создана префектура Нуката, административным центром которой стал Окадзаки. Однако вскоре Окадзаки лишился положения главного города префектуры. В 1888 г. из 76 префектур были образованы 46, сохраняющихся до сих пор. Именно тогда была создана префектура Айти, в которую были объединены бывшие префектуры Нуката и Нагоя. Административным центром новой префектуры стал город Нагоя. Окадзаки стал терять

Токугава Иэясу

своё значение. Это стало особенно заметно в 60-х годах XX в. с введением в строй скоростной железной дороги («синкансэн»). Она прошла через соседний город Тоёхаси, родину Тоётоми Хидэёси. Не только Нагоя, но и другие города префектуры превзошли Окадзаки своими размерами и промышленным потенциалом. Тоёхаси - крупный порт, Итиномия - город-спутник Нагоя, Тоёта - один из крупнейших в Японии центров автомобилестроения. Сейчас Окадзаки - небольшой город-музей, центр традиционных производств.

Одним из таких производств, составляющих гордость Окадзаки, стали каменотесные мастерские. Они появились ещё в середине XV в., когда Нисиго Цугуёри начал строить город и ему понадобились каменных дел мастера. Они были привезены из провинции Идзуми (ныне преф. Осака). Каменотесы сначала возводили стены и башни замка, затем стены и укрепления Нижнего города. В числе их изделий были также погребальные стелы и украшения для садов. Квартал, где концентрировались мастера, получил название «Сэкия-тё» - «Квартал каменотесных мастерских». Сейчас он занимает площадь свыше 110 000 кв. м в северо-восточной части города, недалеко от реки Яхагигава. Долгое время в мастерских Окадзаки полностью сохранялся ручной труд. И только с конца 20-х годов XX в. началась частичная механизация.

Однако, несмотря на общепонскую промышленную революцию, квартал Сэкия-тё по-прежнему состоит из небольших мастерских и таких же небольших садов при частных домах, заполненных выставленными напоказ изделиями. В типичной мастерской трудятся несколько наемных рабочих. Основную и наиболее квалифицированную работу делает сам хозяин, бережно сохраняющий традиционные формы искусства. Не случайно, что в 1979 г. Министерство промышленности и торговли присвоило изделиям каменотесов Окадзаки имя «продукция традиционных промыслов».

Что же представляет собой продукция каменотесных мастерских? Это, прежде всего, предметы садового и храмового искусства. Особенно много производится каменных фонарей. Обычно они устанавливаются в синтоистских и буддийских храмах, являясь одной из основных разновидностей пожертвований донаторов храма. Обязательная часть любого фонаря - камера с боковыми отверстиями для лампы. Такие фонари могут иметь тысячи разнообразных модификаций, зависящих от воли мастера.

Для традиционного японского сада «цукияма» (то есть сада живых растений с искусственным озером и горой) изготавливаются и другие предметы: мостики через искусственные ручейки, небольшие каменные «колодцы» («мидзубати») для омовения рук. Кроме того, все камни, которые украшают сад - тоже дело рук каменотесов. Особенно много их в так называемом «саду камней», где отсутствует растительность. Такой тип сада в большом почете у каменотесов - он признается ими квинтэссенцией философии камня.

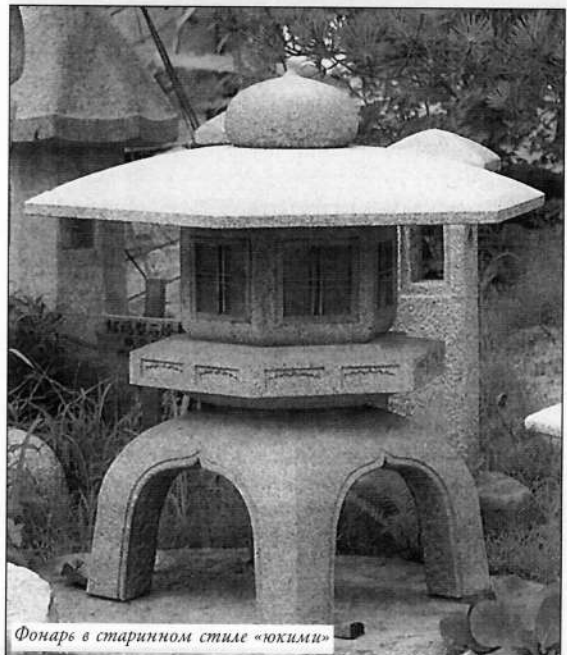
Храм тоже нельзя себе представить без изделий каменотесов. Помимо упомянутых фонарей, из камня дела-

ются статуи будд, божеств, духов, ворота, изгороди, фигурки львов, черепах, лисиц и других животных, украшающие храмовый двор.

И, наконец, каменных дел мастера провожают в последний путь и сохраняют память о человеке в нашем быстротечном мире. Они занимаются изготовлением надгробий и памятных стел. Различного вида надгробия составляют основную часть продукции каменотесных мастерских. Надгробия делают на любой вкус: и строгие стелы, и пагоды, обрамленные фонарями, и надгробия с небольшим каменным садиком и даже могильный камень посреди озера. Особенностью мастерских Окадзаки стало изготовление надгробных камней с эмблемой рода Токугава, ставшей символом рода.

В Окадзаки создается все, что требует создавать из камня традиция. Да и сами мастера славятся приверженностью традиционным нормам жизни. Здесь любят старинные песни, чисто японскую кухню - мяса или хлеба едят по-прежнему мало. Предприятия переходят от отца к сыну, невесту которому часто выбирают родители.

Однако новые веяния начали проникать и в Окадзаки. Молодежь интересуется иностранной культурой, а поскольку хозяева мастерских, как правило, - весьма состоятельные люди, то молодое поколение имеет возможность повидать мир. Проникают новшества и в искусство. У некоторых мастеров, хотя и очень редко, появляются фигурки в европейском стиле, нетрадиционные орнаменты. Тем не менее, город каменных мастеров по-прежнему глубоко традиционен. Как бы ни менялась сама Япония, Камисасаки остается неизменным. И снова как и пятьсот лет назад, каждое утро над кварталом поднимается каменная пыль...

Фонарь в старинном стиле «юкими»

Сугавара Митидзанэ: человек и бог

Каждый год в конце зимы толпы молодых японцев устремляются в храмы. Они идут молиться об успехе на выпускных экзаменах в школах и на вступительных экзаменах в университетах, не забывая точно указывать в своих надписях на молитвенных табличках название школы, университета и факультета - чтобы бог не ошибся. Адресованы их молитвы одному и тому же богу - Китано Тэндзин (Небожитель из Китано), издавеле почитаемому как небесный покровитель каллиграфии и образования. Многочисленные храмы, посвященные Китано Тэндзин, разбросаны по всей Японии. Взрослые перед сдачей квалификационных экзаменов (например, на диплом медсестры, учителя и даже адвоката) также возносят ему молитвы.

Может быть, не все японцы, вознося молитвы Китано Тэндзин, помнят о том, что этот бог когда-то жил на земле и носил имя Сугавара Митидзанэ (845-903). Немударено - тысяча сто лет прошли со времени его смерти. Кем же был земной Сугавара Митидзанэ, и как он превратился в божество?

Сугавара Митидзанэ по праву считается одной из наиболее ярких фигур древней японской истории. Он принадлежал к древнему, хотя и не очень знатному роду, прародитель которого, бог Ама-но Хохи-но микото, сопровождал Ниниги-но микото, внука богини Аматэрасу, при его сходе на землю. Числится среди предков Сугавара и Номино Сукунэ, известный как основатель борьбы сумо.

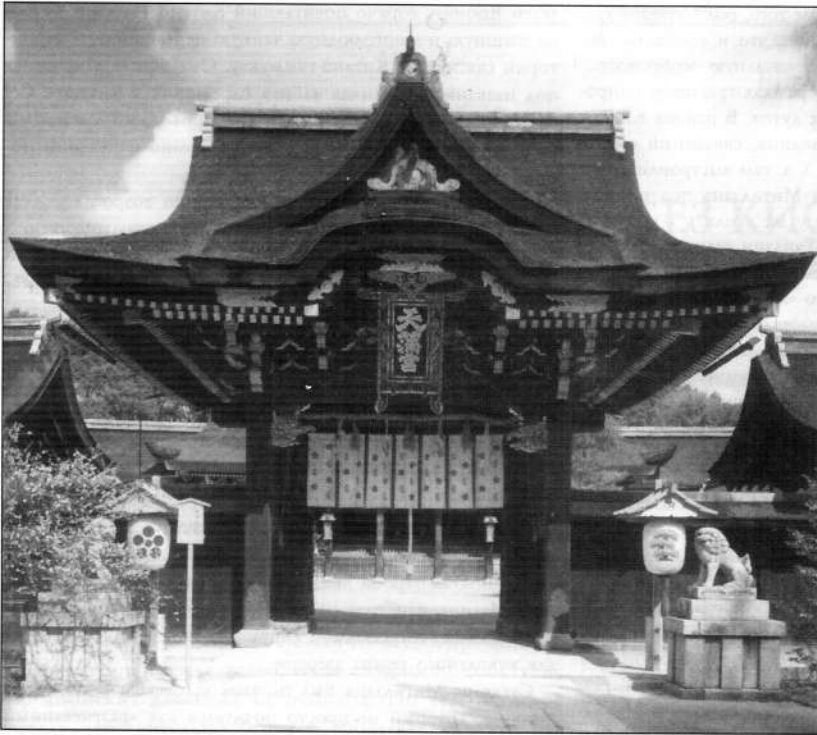
Первоначально род, к которому принадлежал Сугавара, звался «Хадзи» - «Глиняных дел мастера»: его члены изготавливали погребальную пластику ханива. Согласно легендам, Номино сукунэ, служивший императору Суйнин, на похоронах императрицы заметил, что обычай хоронить живых людей вместе с умершим владыкой идет вразрез с представлениями о добродетели. После этого он собрал гончаров и занялся изготовлением ханива, за что ему был пожалована фамилия Хадзи. При Фурухито, прадеде Митидзанэ и наставнике императора Камму, род Хадзи разделился на три ветви: Сугавара (дословно «Поле осоки»), Акисино и Ооэ.

Дед Митидзанэ был видным ученым-конфуцианцем, основавшим престижную частную школу. Отец - придворный, ученый и литератор Сугавара Корэёси - возглавлял Ведомство Высшей школы (Дайгакурё). Митидзанэ был его третьим сыном и, несомненно, под влиянием семейных традиций получил превосходное по тем временам образование. Уже в пять лет у него проявились литературные таланты, когда он сложил свои первые «японские стихи». Впоследствии он заметно преуспел в искусствах стихосложения и каллиграфии, а в возрасте тридцати двух лет за успехи в научных и литературных трудах получил почетное звание «советника по словесности», которое одновременно могли носить не более двух человек. Заметим, что такое же звание имел и его отец.

Служивший при дворе с четырнадцати лет, Митидзанэ в 886 г. был назначен управителем провинции Сануки. Это был не слишком почетный пост, но, по существовавшим в хэйанской иерархии правилам, человек с таким происхождением, как Сугавара, не мог рассчитывать на большее. Он отправился к месту назначения один, без жены, сокрушаясь о том, что покидает столицу.

Карьерный взлет Митидзанэ начался в 888 г. после вступления на престол императора Уда (887 г.). Новый монарх, внук императора Камму, не имел прямых родственных связей с могущественным родом Фудзивара и намеревался править самостоятельно. В придворных интригах Сугавара поддержал молодого императора, чем сразу завоевал его благосклонность и доверие. Благодаря расположению императора, Митидзанэ стал одним из главных советников императора (санги), заняв пост начальника дворцовых покоев, а затем - воспитателя наследника. Дочь Митидзанэ стала одной из жен императора и родила ему сына. В 898 г.

Митидзанэ стал правым министром. До него столь высокий пост занимал только один человек, не принадлежавший к высшей аристократии. Это свидетельствовало не только об исключительном влиянии Сугавара на императора, но и о несомненном признании его заслуг и талантов.

В начале января 901 г. Сугавара получил второй придворный ранг, но уже через несколько дней его беспрецедентная карьера прервалась: 25 января он был лишен только что присвоенного ранга и назначен «главным управителем» области Дадзайфу на Кюсю. Удаление столь могущественного сановника из столицы было ни чем иным, как изгнанием.

Что же положило конец его блестящей карьере? В 897 г. император Уда отрекся от престола в пользу своего сына, императора Дайго. Уда убеждал сына всячески поддерживать Сугавара и опираться на его советы, что Дайго и делал на протяжении нескольких лет. Однако род Фудзивара, прежде всего амбициозный левый министр Фудзивара Токихира, стремился вернуть себе полноту контроля над всеми действиями императора и, разумеется, в дел в Сугавара опасного соперника. Токихира обвинил Сугавара в заговоре с целью смещения императора Дайго и возведения на престол его единокровного брата - внука Сугавара, сына его дочери и императора Уда.

В ссылке Митидзанэ страдал от несправедливых обвинений и тосковал о прежней жизни в столице, что видно из его многочисленных стихотворений того времени. 25 февраля 903 г. он умер, так и не возвратившись в блистательный Хэйан. Умер «с разбитым сердцем», как сказано в хрониках... Согласно последней воле Митидзанэ, он был похоронен на Кюсю.

25-ое число имело особое значение в жизни Митидзанэ: он родился 25 июня, указ о его изгнании из столицы был подписан 25 января, умер он 25 февраля. Так что для него этот день стал тем, что японцы называют «эн-но хи» - «день судьбы». 25 числа каждого месяца во всех храмах Тэндзин до сих пор проводятся торжественные службы.

За смертью Сугавара последовало небывалое количество стихийных бедствий: эпидемии, наводнения, засухи, земле-

трясения. Несчастья обрушились и на род Фудзивара: в 910 г. в возрасте 39 лет умер Фудзивара Токихира, которого молва называла главным виновником изгнания Сугавара. В 923 г. скончался наследный принц Ясуакира, сын императора Дайго и младшей сестры Фудзивара Токихира. Женами Ясуакира были дочери Токихира и его брата Тадахира. Таким образом, смерть принца была огромным ударом для всего рода Фудзивара. Сразу же после его смерти указ о назначении Сугавара управителем Дадзайфу был торжественно сожжен, а ему были посмертно возвращены должность правого министра и второй придворный ранг.

Современники, в первую очередь придворные, видели за всеми этими бедствиями месть «разгневанного духа» Сугавара, что в полной мере соответствовало тогдашним представлениям. Традиция почитания, точнее умиротворения, «разгневанного духа» к тому времени существовала в Японии уже давно, поэтому неудивительно, что двор попытался загладить свою вину перед несправедливо обиженным сановником именно таким способом. Однако несчастья продолжались и после посмертной «реабилитации» Митидзанэ. В 930 г. одно из зданий императорского дворца сгорело от удара молнии: она ударила, когда там собрались высшие сановники для обсуждения мер против засухи. Событие произвело настолько сильное впечатление на императора Дайго, что он заболел и через три месяца умер. После этого «разгневанный дух» Сугавара стал почитаться как карающий бог молнии и грома - Икадзуги Тэндзин. За пожаром последовал период политической смуты, апогеем которой стало восстание Тайра-но Масакадо, попытавшегося провозгласить себя новым императором.

Согласно хроникам, в 942 и 947 гг. дух Сугавара дважды являлся людям и изъявлял свою волю: поклоняться его изображению, исправлять свои дурные поступки, помогать другим людям и идти по пути науки, почитать Митидзанэ как воплощение богини Каннон. В Китано, на северо-западной окраине Киото, по велению духа Сугавара Митидзанэ было сооружено небольшое святилище. В 947 г. там за одну ночь выросла сосновая роща, в которую, как считалось, переселился дух Сугавара. Потрясенные явленным чудом, почитатели Сугавара выстроили на этом месте большой храм, получивший название Китано-тэммангу. В 988 г. человек по имени Сугавара Митидзанэ был, наконец, официально обожествлен как Тэмман Тэндзин. Храм Китано-тэммангу стал центром его культа. Другим центром стал храм Дадзайфу-тэммангу, воздвигнутый на месте захоронения Сугавара на Кюсю. В обоих храмах Митидзанэ почитался как одно из воплощений богини Каннон.

Нас не должно удивлять, что Китано Тэндзин - божество синтоистского пантеона - почитается как воплощение буддийской богини милосердия Каннон. Синто-буддийский синкретизм - особенность религиозной жизни Японии. Японские боги ками рассматривались в это время как вопло-

шение буддийских бодхисаттв. Кроме того, род Сугавара традиционно поклонялся богине Каннон, что и сообщило почитанию Китано Тэндзин эту примечательную особенность.

Култ Китано Тэндзин возник в рамках традиции умиротворения разгневанных и мстящих духов. В районе Китано издревле почитался бог грома и молнии, связанный с сельскохозяйственной обрядностью. В X в. там выстроили храм, в котором почитали дух Сугавара Митидзанэ под именем бога грома. Два культа почти сразу же слились в один, и, таким образом, божество Китано Тэндзин стало покровителем земледельцев. С течением времени о грозном духе забыли, и на первый план вышла его «мирная» ипостась. Образованные люди из высшего общества приходили в храм, чтобы попросить поддержки в занятиях литературой, каллиграфией, искусством и т.д. Первое письменное свидетельство об этом относится к 986 г. (заметим, еще до официальной «канонизации» Сугавара), когда известный литератор Ёсисигэ Ясутанэ, обращаясь к Китано Тэндзин с «молитвенным посланием», назвал его «отцом сочинительства и покровителем стихов». В храмах, посвященных Китано Тэндзин, проводились поэтические турниры. Позднее, в эпоху Муромати (XIV - XVI вв.) в Китано-тэммангу стали проводиться танцевальные театрализованные представления бугаку и саругаку, привлекавшие множество зрителей.

В эпоху Камакура (конец XII - начало XIV вв.) Митидзанэ начинает почитаться и как покровитель путешественников в Китай. Это в особенности касается дзэнских монахов, отправлявшихся туда за мудростью. Появилась легенда, что Митидзанэ якобы ездил учиться в Китай, хотя в действительности он там никогда не бывал. По преданию, Китано Тэндзин явился во сне монаху Энни из школы Риндзай и изъявил желание постичь премудрость дзэн. Энни переадресовал Тэндзин к своему учителю, китайскому монаху. Тэндзин немедленно перенесся в Китай, освоил учение и в ту же ночь снова явился Энни. Толкование чуда не заставило себя ждать: покровитель наук и просвещения захотел поспособствовать распространению дзэн-буддизма. Спустя некоторое время широкое распространение получило изображение Китано Тэндзин в китайских одеждах и с веткой сливы в руке. Слива была любимым деревом Митидзанэ, посвятившего ей немало стихотворений.

1 декабря 1587 г. Гоётоми Хидэёси, один из объедини-

телей Японии, горячо почитавший Китано Тэндзин, устроил пышную и многолюдную чайную церемонию на территории святилища Китано-тэммангу. Она вошла в историю под названием «Великая чайная церемония в Китано». Сегодня подобные чаепития ежегодно проводятся мастерами всех чайных школ 1 декабря при огромном стечении посетителей.

Популярность Китано Тэндзин заметно возросла с XVII в. Сначала его култ был распространен преимущественно среди образованного сословия. Однако развитие производства и торговли породило у горожан и крестьян потребность в умении читать и писать. При буддийских монастырях появились начальные школы тэракоя; синтоистские священники и самураи тоже занялись просветительской деятельностью. По мере распространения грамотности култ Китано Тэндзин приобрел общенациональный характер. Наряду с Кобо-дайси (Кукай, основатель буддийской школы Сингон) и Оно-но Тофу, Китано Тэндзин стал почитаться как покровитель каллиграфии.

Помимо обширной «житийной» литературы, первые памятники которой относятся еще к эпохе Хэйан, Сугавара-Тэндзин стал героем нескольких литературных произведений. Из них наиболее известна пьеса «японского Шекспира» Тикамацу Мондзаэмон «Хроники Тэндзин», написанная для кукольного театра дзёрури.

Сугавара Митидзанэ был первым человеком в японской истории, который не просто почитался как «разгневанный дух», требующий умиротворения, но был канонизирован в качестве kami-покровителя. Почему таким человеком стал именно Митидзанэ? Его почитали за образованность, добротели и успех, который воспринимался как награда за эти достоинства. Его опала и изгнание вызвали у людей сострадание. Со временем перипетии судьбы опального министра забылись, и в памяти японцев остался образ мудреца и ученого, покровителя наук и просвещения, который обладает способностью творить чудеса и помогать людям. Потому-то до сих пор, как и столетия назад, молодые люди по всей Японии идут в храмы Китано Тэндзин и возносят ему молитвы об успехах в науках... и просто на экзаменах.

В ПУТЬ - БЕЗ КИСТИ И МЕЧА

Кукай излагает даосское учение

История «кисти» и «меча» в Японии едва ли может быть написана без рассказа о влиянии на них даосского учения. Понятия «недеяния», «пресности», «чистоты» и «пустоты» в их даосском истолковании заняли свое место в японской философской и художественной мысли. Прикладная наука «продления жизни» применялась мастерами врачевания, гимнастики и воинских искусств; отсылки к преданиям о чудесной стране «бессмертных» снова и снова воспроизводились в поэзии и прозе. С другой стороны, влияние даосизма в Японии не так-то легко проследить и доказать - прежде всего, из-за скудности собственно японских даосских источников. Но чем исследователи действительно могут располагать, так это изложениями мнений даосов в сочинениях буддийских писателей.

Первая книга, написанная в Японии, где даос стал главным действующим лицом, - это «Санго сиики» («Три учения указывают и направляют», 797). Ее составитель - Кукай (774-835) - известен как один из основателей японского буддизма и признанный мастер «кисти».

«Три учения...» были написаны вскоре после того, как Кукай, 24 лет от роду, принял монашеские обеты. По-видимому, для него еще не утратил остроты вопрос о выборе между тремя учениями: стать ли конфуцианским книголюбом, даосским отшельником или буддийским монахом. Наша статья - приглашение к медленному чтению даосского раздела книги о трех учениях.

Даосские источники «Трех учений...»

«Три учения...» - текст, от начала до конца выстроенный из цитат, более или менее узнаваемых отсылок к классике. Такие сочинения составляли и китайские буддийские писатели, причем источниками цитат служили не только переводы буддийских сутр и трактатов, но также конфуцианские и даосские книги, поэтические собрания и исторические своды. Первый наш вопрос - каковы даосские источники «Трех учений...»?

Известны имена тех, от кого Кукай воспринял основы конфуцианства. Первым был дядя с материнской стороны, Ато-но Отари, в доме которого Кукай воспитывался. Позже, в столичной школе чиновников Дайгаку, Кукай изучал «Книгу песен» («Ши-цзин») под руководством Умадзакэ-но Киёнари, а «Книгу летописей» («Ши-цзин») - в изложении Окада-

но Хакасэ. Первым, кто показал школяру из Дайгаку буддийские тексты, был, вероятно, монах Гондзо. Но в чем изложении Кукай знакомился с даосским учением, неизвестно. Трудно предположить, что учителя не было вовсе: известно, что несколько лет Кукай провел в странствиях, где мог встречать буддийских самочинных монахов, занимавшихся и даосскими науками (о таких монахах идет речь в своде законов «Тайхорё» 702-718 гг. [Тайхорё, 65-66]).

Первенство среди даосских источников в «Трех учениях...» принадлежит сочинению Гэ Хуна «Баопу-цзы» (IV в.). Отсюда взят и общий план (что важно и ценно в даосском учении), и ключевые понятия по отдельным направлениям: понимание «божеств» (син/ками, кит. шэнь) и «бессмертных» (сэн, кит. сянь), советы по составлению снадобий, описания странствий в горах и др. основополагающие книги даосизма, «Даодэцзин» и «Чжуан-цзы», цитируются не слишком часто, но за каждой цитатой развертывается длинная цепь позднейших толкований. Из «Лецзы», «Хуайнань-цзы», «Люйши чуньцзо» берутся положения об устройстве мира, о небесных явлениях, исчислении времени и др. Другие цитаты отсылают к легендам о даосских мудрецах из «Жизнеописаний бессмертных» («Лесянь-чжуань») и «Преданий о божествах и бессмертных» («Шэньсянь-чжуань»). Кроме того, Кукай цитирует главу 28-ую «Исторических записок» Сыма Цяня («Трактат о жертвоприношениях Небу и Земле»), отсюда взяты рассказы о том, как искал бессмертия великие китайские государи, Цинь Шихуан-ди и ханьский У-ди. Кукай привлекает также отрывки из книг по даосскому травничеству и способам продления жизни: таковы «Книга о деревьях и травах» («Бяньцао-цзин») и трактат Ци Кана «О питании жизни» («Яншэн-лунь»). Несколько раз косвенно цитируются наиболее таинственные даосские легенды из «Жизнеописания Сына Неба Му» («Му тянь-цзы чжуань») и «Внутреннего предания о Ханьском У-ди» («Хань У-ди нэйчжуань»). Из «Литературного сборника» («Вэньсюань»), «Собрания образцов изящной словесности» («Ивэнь лэйцзюй») и других литературных антологий берется множество цитат, часто сводящихся к одному-единственному, но яркому слову. В целом, по частоте использования в «Трех учениях...» стихи и проза «Сборника» занимают первое место, оставляя позади буддийские учения. Чаше других цитируются сочинения Сун Юя (III в. до н.э.), Бань Гу (I в.) Чжан Хэна (II в.), Пань Юэ (III

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант № 01-03-00268 а.

Даосский отшельник

в.), Цао Чжи (III в.) и других поэтов, в том числе и те, где говорится о «путешествиях к бессмертным» (ю сэн, кит. юсянь).

Обилие источников ставит переводчика перед сложной задачей: как воспроизвести все скрытые и явные цитаты в тексте русского перевода? В нашей статье отсылки к основным источникам будут приводиться после каждой из фраз «Трех учений...» с указанием в квадратных скобках источника и соответствующей страницы его русского издания (если такое есть). Цифры в квадратных скобках без указания источника - отсылки к изданию Фукунага Мицудзи [Санго сиики] (страница и номер примечания на ней).

Роль даоса в «Трех учениях...»

«Три учения...» часто называют философской драмой: разные точки зрения здесь распределены по ролям, как и в китайских образцах, вроде трактата «Четыре мудреца спорят о доблести» («Сы цзы цзяндэлунь»). Особенность «Трех учений...» Кукая, отмечаемая исследованиями, - явно слышимый голос автора. Буддисту, «Нищему с Временным Именем» (Камэй-Коудзи), Кукай придает некоторые черты из своей собственной жизни; конфуцианец Кимо и даос Кёму имеют достаточно четко очерченные характеры. Наш второй вопрос - о месте даоса в сюжете «Трех учений...».

В дом господина Токаку приглашен конфуцианский учитель Кимо. Он дает наставления племяннику Токаку - молодому безобразнику Сицуга. В своей речи Кимо перечисляет пороки юношества и указы-

вает пути их исправления. Если вовремя обратиться к наукам «меча» или «кисти» - воинским ли, словесным ли - можно стать сподвижником государя, стяжать «прекрасное имя».

Но тут появился даос. Имя его Кёму - «Пустота-Ничто». Сочетание это восходит к стихам Сыма Сянжу (II в. до н.э.), приводимым в «Летописях поздней Хань». Здесь важен контекст: «пустоту» не созерцают, не постигают - на ней «ездят» (дзэ/нору, кит. чэнь). Появляется Кёму и впрямь «из пустоты», словно бы из ниоткуда. Он - не «учитель» (сэнсэй), как конфуцианец, не «нищий» (коцудзи), как буддист, не «господин» (ко), как Токаку. Кёму - «отшельник» (инси, кит. иньши): так называют умудренных, хоть и чудаковатых даосов в «Исторических записках» [Сыма Цянь, VII, 204].

Обличие и повадки Кёму, на первый взгляд, отвратительны: поневоле вспомнишь уродливую жену сладострастника Дэнту из стихов Сун Юя [Китайская проза, 67]. Но внешность обманчива: Кёму, пишет Кукай, «смягчал свой блеск, притворялся безумцем» [371, 8] - и тем самым уподоблялся Пути-Дао, который «...умеряет все сверхающее, уподобляет все праху» [Даодэцзин, 460].

Едва появившись, Кёму принимается издевательски выворачивать наизнанку все наставления Кимо. Поначалу-де ему почудилось, будто он встретил тигра или дракона, как некогда показалось самому Конфуцию, посетившему Лао-цзы [372, 16; Сыма Цянь, VII, 38], а пригляделся - и увидел крошечную змейку, ничтожную крысу - вроде той, какую поймала сова у Чжуан-цзы [372, 17; Чжуан-цзы, 235]. Не излечив собственных внутренних недугов, конфуцианцы берутся лечить внешние приметы болезни у других. Такое лечение бесполезно - все равно, что бадьей на короткой веревке вычерпывать бездну [375, 15; Чжуан-цзы, 238; Баопу-цзы, 119;], мизинцем измерять глубину моря [375, 16; Баопу-цзы, 36].

Кёму не угощают, как дорогого гостя-конфуцианца, ему не представляют юного неуча Сицуга, но просят, чтобы отшельник изложил основы своей науки. Однако «божественное искусство бессмертия» (фусин-но синдзюцу, 377, 15), «чудесная тайна долголетия» (тё сэй-но химицу, 377, 16), как и «способы питания жизни» (ё сэй-но ката, 379, 30), «искусство долгого существования» (кю дзай-но дзюцу, 379, 31) не достаются просто так. Чтобы получить их, нужно сперва принести обет неразглашения и скрепить его, смазав губы жертвенной кровью. В «Баопу-цзы» настойчиво повторяется: кровавая клятва обязательна для желающих приобщиться к учению [Баопу-цзы, 126 и др.]. Пожалуй, эта жертва и кровь - самое скверное, что сказано о даосах в «Трех учениях...». Но Токаку, Сицуга и Кимо поступают, как велено, и выслушивают рассказ.

Всё то время, пока Кимо дает наставления, а Кёму потом смеется над ними и предлагает свои, у дверей дома Токаку стоит буддийский монах: он пришел просить подаяния. У конфуцианца предыстория сво-

дится к перечню изученных им книг и описанию мощи его красноречия. О буддисте мы узнаем почти всё - в какой земле и в какой семье он родился, как ушел из дому, где странствовал, с кем дружил, чьи упреки выслушивал и как на них отвечал; знаем также, какие он сочинял стихи. Недаром Фукунага Мицудзи сравнивает предысторию Камэй-Коцудзи, рассказанную в начале третьего свитка «Трех учений...», с прохождением героя по «цветочному пути» (ханамити) в позднейшем японском театре. Что до Кёму, то о нем ничего не известно - кроме странного имени, удивительной внешности и загадочного учения.

Конфуцианец Кимо неизменно серьезен, буддист Камэй-Коцудзи печален, а даос Кёму смеется. Но в третьем свитке книги именно Кёму придется спрашивать молодого буддиста, причем будет не упрекать его (как другой собеседник Камэй-Коцудзи из предыстории), а задавать вопросы по существу. Если бы не даос, буддист мог бы и вовсе не разговариваться, а ведь его речь и песни, которые он поет, Кукай выстраивает как главную часть своей книги.

Учение о Пути в рассказе Кёму

1. Чему учит даосское учение?

Наука Кёму похожа на весенний гром [373, 7]: она будит от дремоты, ошарашивает. Подобно грому, даосское учение не щадит чувства людей, к уму же их не взывает вовсе. Глухие не слышат даже грозы, слепцы не могут разглядеть и солнечного света [374, 8-9; Баопу-цзы, 32] - так и большинство людей со всем их разумением глухи и слепы для Пути.

Цели даосского учения таковы, что уразуметь их в самом деле нелегко.

1. «Короткая, хрупкая ваша жизнь, как у бабочки-поденки, сможет состязаться с жизнью аиста или черепахи» [378, 18]. О чудесном долголетии аистов (или журавлей) и черепах говорится во многих даосских текстах, например, в [Баопу-цзы, 48].

2. Кроме долголетия, важна также наполненность жизни, скорость жизненных процессов, в частности, передвижения: «Медлительные, как у хромой клячи, ваши ноги сравнятся быстротой с летучим драконом» [378, 19; Баопу-цзы, 57].

3. Мера долголетия - не земные, но вселенские сроки: «Встанете вы в ряд с тремя светилами - таковы будут ваши начало и конец» [378, 20]. «Три светила» (саньэ) - солнце, луна и звезды.

4. Учителя, на которых надо равняться, - не мирские мудрецы, но «бессмертные». «Примкнете к собранию восьмерых бессмертных - таковы будут ваши связи и общение» [378, 21]. «Восемь бессмертных» - Чжунли Цюань (мудрец с веером, который оживляет умерших), Люй Дунбинь (воин с мечом, который истребляет чудовищ), Ли Тегауй (нищий с железным костылем), Хань Сянцзы (музыкант с флейтой), Цао Гоцзю (лицедей с трещоткой), Чжан Голао (странник на белом муле: мула можно свернуть и спрятать в тыкву), Хэ Сяньгу (красавица с цветком лотоса), Лань Цайхэ (существо неизвестно-

го пола с корзиной цветов).

5. Встречи с бессмертными предполагают путешествие в дальние чудесные земли: «Утром придете вы к серебряным башням на трех островах, весело прогуляете до заката дня» [378, 22-23]. Классическое сообщение о трех островах бессмертных дают «Исторические записки»: «Со времени Вэй-вана и Сюань-вана [в Ци] и Чжао-вана (311-279) в Янь стали посылать людей в море на поиски [священных гор] Пэнлай, Фанчжан и Иньчжоу. Эти три священные горы находились в море Бохай. Когда посланные подходили к ним ближе, на них тут же обрушивалась беда, суда подхватывались ветром и отгонялись. Те, кто когда-то достигал этих гор, рассказывали, что там ходят небожители и эликсир, дарующий бессмертие, и что все предметы, все птицы и звери на островах белого цвета, а дворцы и башни сделаны из золота и серебра» [Сыма Цянь, IV, 161]. Не забудем, что за тем же «восточным морем» для Китая лежат и Японские острова.

Счастливые земли лежат не только за морем, но и поблизости: «Вечером минуете золотые заставы пяти гор: счастливо пробуждаете до исхода ночи» [378, 24 - 25]. В «Баопу-цзы» дается список пяти священных гор Китая - Тайхуашань, Хэшань, Хэншань, Тайшань, Сунгаошань [Баопу-цзы, 269]; в предисловии к «Трем учениям...» и в буддийском разделе книги названо несколько не менее почитаемых гор Японии - например, вершина Великого Змея (Тайрю) в земле Ава или Золотая Вершина (Канэ-но такэ). В «Чжуан-цзы» сочетание «счастливо блуждать» (сёе, кит. сяояо) служит названием главы 1-ой. В переводе Л.Д. Позднеевой - «Странствия в беспредельном», ср. [Чжуан-цзы, 123 и др.].

2. Кому доступно учение, и на кого оно рассчитано?

Если, по учению даосов, Путь ведет к бессмертию, то как они отвечают на вопрос, почему лучшие, достойнейшие люди умирают молодыми? Примеры людей добродетельных, но рано умерших: Сян То, в семилетнем возрасте наставлявший Конфуция [Сыма Цянь, VII, 151], и ученик Конфуция Янь Хуэй, «больше всех любивший учиться» [Лунь юй, 341]. А знаменитые даосские долгожители - Чи Сун-цзы и Ван Цзы-цяо внешне не отличались от самых обычных людей [Баопу-цзы, 112].

Дело в том, что жизнь, как ее понимают учителя Кёму, безжалостна и безразлична в своей естественной самодостаточности. «Когда вертится великий гончарный круг, он не разделяет посуду на такую и этакую. Когда кипит огромный плавильный котел, он не делит металлы на ненавистные и любимые» [379, 27]. Здесь имеется в виду знаменитый отрывок из «Чжуан-цзы»: «...Ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания за великого литейщика» [Чжуан-цзы, 163]. В «Баопу-цзы» этот отрывок получает следующее пояснение: «Небесное Дао-Путь пребывает в недеянии, и вещи существуют в своей спонтанной самоестественности;

для него нет ни близких, ни дальних, нет ни своих, ни чужих... Например, известно, что металлы и руды переплавляются в печах, а глина керамических сосудов обжигается в печи гончара. Хотя и то, и другое обретает свою окончательную форму в огне, но острота или тупость металлического изделия или наличие узкого или широкого горлышка у сосуда, а также достоинства и недостатки того и другого зависят от стечения обстоятельств, а отнюдь не связаны с достоинствами плавильных и гончарных печей» [Баопу-цзы, 112]. Кто умеет «беречь жизнь», живет долго, кто не умеет - умирает молодым [379, 29].

3. Что мешает освоению учения?

Бессмертия, продолжает Кёму, искали древние государи Цинь Шихуан и ханьский У-ди, но, как известно, не нашли [Сыма Цянь, IV, 161, 180]. Для даоса странно такое восхваление своего учения: если прямо говорится, что даже великие властители со всем их могуществом и богатством не достигли успеха, то где уж нам, обычным людям! Но, по словам Кёму, как раз государям идти по Пути труднее всего. И причина не только в том, что они «по внешним делам уподоблялись подлому люду» [380, 34]. Хуже всего, что для государей даосское учение было лишь одним, хотя, быть может, и самым сильным, источником необыденных ощущений, позволяющих забыть страхи, отбросить страх смерти и посмертной пустоты. А как раз погоня за сильными чувствами есть наиболее вредный образ поведения.

«Колокола и барабаны своим гулом и звоном истощали тонкость слуха» [380, 35; Баопу-цзы, 39]. «Парча и вышивки своим блеском и мерцанием портили ясность глаз» [380, 36; Баопу-цзы, 26]. «Пунцовые губы, киноварные щеки - расстаться с красавицами трудно даже ненадолго» [380, 37]. «Чешуйчатые рыбы, мохнатые звери - отстать от вкусных яств нелегко» [381, 1; Баопу-цзы, 40]. «Поверженные тела застят свет, струящаяся кровь летит рекой» [381, 2; Баопу-цзы, 39-40]. Заметим, что в середине этого отрывка упоминается «киноварь», взята она из описания дивной красоты «девы-божества» (синнэ, кит. шэнь-нюй) у Сун Юя [Китайская проза, 62].

4. Каким становится даос?

Настоящий последователь Пути избегает не только смертоубийства и любовных забав, роскоши и шума, но и любых сильных чувств. Внешним своим поведением даосский подвижник мог бы удовлетворить самым строгим требованиям конфуцианской доблести или буддийского монашеского устава. «Когда они двигают руками и ногами, не ранят даже мельчайших насекомых» [383, 23; Баопу-цзы, 104]. «Из веществ, какими снабжено тело, не проливают вонючих слюны, ни семени» [383, 24; Баопу-цзы, 124-126]; «Тело отделяется от грязи, сердце отвергает алчность» [383, 25]. «Глаза перестают глядеть вдаль, уши больше не слушают долго. Уста прекращают произносить опрометчивые речи, язык уже не смакует лакомств»

[383, 26; Баопу-цзы, 156]. «Блюдут они как почитательность, так и долг, хранят как человечность, так и сострадание» [384, 28; Баопу-цзы, 59]. «Собрать тысячу монет - все равно, что сгрести кучу мусора» [384, 29]. «Лишиться десяти тысяч колесниц - все равно, что скинуть обувь» [384, 30; Сыма Цянь, IV, 180]. «Увидишь стройную деву - она подобна злему духу-призраку» [384, 31]. «Поглядишь на почести и звания - они подобны дохлой крысе» [384, 32; Баопу-цзы, 42].

5. Что трудно и что легко в даосизме?

Недеяние (муи, кит. увэй), повторяет Кёму, - главное, что нужно постичь, ища Пути: «Выучите для начала это, а потом понять все остальное для вас будет, как указать на ладонь» [384, 35]. Отсылка делается к знаменитому эпизоду из «Лунь юй» [Лунь юй, 321], хотя здесь речь, конечно, идет о недеянии, а не о смысле жертвоприношения-ди, как у Конфуция.

Прийти к недеянию непросто. Следуя «Баопу-цзы», Кёму обращает внимание не столько на умозрительные упражнения, сколько на соблюдение некоторых запретов.

«Пять злаков - отравы, разлагающая нутро» [385, 38]. По Цзи Кану («Трактат о питании жизни»), «пять злаков» - это конопля, просо двух видов, ячмень, бобы. Или же, по другому перечню - рис, просо, чумиза, бобы и «хлебные злаки» [Игнатович, 197]. Воздержание от злаковой пищи - частый совет в «Баопу-цзы»: иногда «отказ от злаков» означает самый строгий пост, отказ от пищи вообще.

Даосский святой

«Пять пряностей - яд, разъедающий глаза» [385, 39]. Против пряностей предостерегают и Цзи Кан, и «Баопу-цзы». Е.А. Торчинов дает перечень пяти пряных растений: лук-порей, чеснок, душистый лук, лук Беккера и горчица - и отмечает, что существуют и другие перечни «пяти пряностей» [Баопу-цзы, 338]. Буддийская «Сутра о сетях Брахмы» приводит аналогичный список пяти приправ, которые не ел Будда. «Яд» (тин, кит. чжэнь) назван так по имени птицы Чжэнь, темно-красной выпя, питающейся змеями; перья ее ядовиты, и ими отравляли вино.

«Вино и брага - меч, что рассекает внутренности» [385, 40]. То же у Цзи Кана и в [Баопу-цзы, 39]. «Свинина и рыба - пика, что отнимает годы жизни» [385, 41] - источники те же, а кроме них Лю Сян («Жизнеописание бессмертных»). «Девы с завитками волос, что подобны цикадам, с бровями, что подобны мотылькам - топор, что укорачивает жизнь» [385, 42; Баопу-цзы, 26; Люйши чунью, 74]. «Музыка, пляска - секира, что отсекает силы» [385, 1; Баопу-цзы, 139]. «Много смеяться, много радоваться, гневаться чрезмерно, горевать чрезмерно - все это и подобное этому вредно, но случается часто» [385, 2; Чжуан-цзы, 183; Баопу-цзы, 128; Люйши чунью, 90].

Обратим внимание на «боевые» образы у Кёму. Перечисленные виды оружия: меч (цуруги), пика (хоко), топор (оно), секира (масакари). Образ чрезмерно сильного чувства вообще - гнев и радость битвы. Главное же сражение происходит внутри человека, не с соблазнами как таковыми, а с собственной тягой к ним. «Внутри тела у каждого - великое множество таких врагов» [386, 3; Баопу-цзы, 194-196]. «Если бы я не разогнал этих неприятелей, вы не услышали бы от меня ничего о долголети и вечной жизни» [386, 4; Баопу-цзы, 59].

Но жизнь как вечная борьба, пусть даже с самим собою - не то, чему учат даосы. Возникает еще одна тема: «легкость» даосского Пути. «Кто отдалится от этого, для того самое обыденное станет чрезвычайно трудным, но коль скоро прекратит он все это, то стать бессмертным ему будет чрезвычайно легко» [386, 5]. По «Баопу-цзы», «трудное» в даосском образе жизни - это отказ от государственной службы и семейной жизни, от славы и богатства, шума и блеска, следование одной лишь своей природе, безразличие к клевете или похвалам, к знатности или нищете. «Легкое» - свобода от всяческих условностей и церемоний, возможность пренебречь науками, не читать книг, ни о чем не тревожиться и не печалиться [Баопу-цзы, 117-118].

Последователю даосского Пути не нужны ни кисть, ни меч в той мере, в какой они служат орудиями общественного самоутверждения. Власть и слава, добываемые даосами, - совсем иного свойства.

Из задач даосской науки на первом месте стоит «изгнание внутренних недугов» с помощью чудесных снадобий [386, 10]. Кёму называет четыре главных снадобья.

1. «Стоголовник» [386, 6], его именуют также «гор-

ным чертополохом» и «семенем гор». Хакэда Ёсито [Kukai] дает латинское название этого растения - *atractylis ovata*. Помимо продления жизни, он способствует выносливости при тяжелой работе, защищает от жара и потливости, простуды, чесотки, судорог, избавляет от чувства голода [Баопу-цзы, 182; 165; Игнатович, 198].

2. «Желтое семя-хуанцин» [386, 7], оно же «заячий бамбук» и «жемчужная подвеска», *polygonatum stenophyllum*, - защищает от «жара ветров», успокаивает «пять внутренностей»: печень, сердце, селезенку, легкие, почки [Баопу-цзы, 165; Игнатович, 198].

3. «Сосновая смола» [386, 8]. В «Баопу-цзы» приводится рассказ о некоем Чжао Цюэ из Шандана, прокаженном. Родичи отвели его в горную пещеру, и там после долгих страданий он встретился с бессмертным. Бессмертный дал ему снадобье, за сто дней излечившее больного. Оказалось, это просто сосновая смола. Бессмертный сообщает Чжао Цюэ: «...Если вы будете продолжать употреблять ее, то продлите свою жизнь и обретете бессмертие» [Баопу-цзы, 180-181]. Смола сосны лечит не только проказу, но и карбункулы, опухоли на голове, облысение, простуду; успокаивает «пять внутренностей» и снимает жар [Игнатович, 199].

4. «Плоды бумажного дерева» [386, 9], *Brussonetia kasinoki*, - они возвращают молодость старикам, дают способность видеть вещи насквозь и созерцать духов, избавляют от голода и половой слабости [Баопу-цзы, 178; Игнатович 1982, 199].

Далее идет «избавление от внешних опасностей» с помощью «божественных оберегов» [386, 13], «полыни-стрелы» и «тростника-пики» [386, 12]. В «Записках об обряде» («Ли-ци») в гл. «Шэ и» говорится о «луке из шелковицы» и «стрелах из полыни»; согласно комментарию Кун Инда к этому месту, полынь - трава для защиты». По «Баопу-цзы», при встрече в горах со странным существом в облики чиновника, надо уколоть его стеблем тростника, как пикой, и тогда обретешь удачу [Баопу-цзы, 276].

Затем речь заходит о телесных упражнениях «Вдох и выдох - следуя времени суток» [387, 15; Чжуан-цзы, 221; Баопу-цзы, 126]. «Быстрота и медленность - соотносительно времени года» [387, 16]. Упражняясь, даос может «постучаться в небесные врата, испить из источников сладкого вина» [387, 17]. Снова косвенно цитируется «Даодэцин» (10): «Наблюдая, как то открываются, то закрываются небесные врата, сможешь ли стать таким же самочным?» [Дао-дэ-цин, 461]. «Сладкие источники» - примета священных земель, таких, как «Гора Великого Первоначала» [Баопу-цзы, 107-108]. А еще он сможет «проникнуть в земляную кладовую, набрать камней драгоценных и простых» [387, 18].

В таинственных уединенных землях можно встретить вовсе уж чудесные снадобья: «грибы травяные и плотные» [388, 19] Имеются в виду грибы-чжи, некоторые из которых способны принимать вид черепах, летучих мышей, жаб и др. [Баопу-цзы, 165; 170-

173]. А есть еще «пахима» и «гриб могущества и радости» [388, 20]: пахима получается из тысячелетней сосновой или кипарисовой смолы, а «гриб могущества и радости» вырастает на пахиме по прошествии десяти тысяч лет. Кто носит при себе этот гриб, неизвист для оружия [Баопу-цзы, 168-169].

6. Как проявляется успех в продвижении по пути?

У того, кто успешно соблюдал запреты и упражнялся, кто обрел и применил снадобья, открываются чудесные способности: «На солнечном свете твоя тень исчезает» [388, 21; Баопу-цзы, 84]; «Ты можешь писать и читать в темноте» [388, 22; Баопу-цзы, 265]; «Видишь до дна земли» [389, 23; Баопу-цзы, 155]; «Можешь ходить по воде» [389, 24; Баопу-цзы, 68]; «Заставляешь злых духов и божеств служить тебе» [389, 25; Баопу-цзы, 175]; «Запрягаешь в свою повозку скакунов-драконов» [389, 26; Баопу-цзы, 67]; «Гло-таешь мечи, глотаешь огонь; изрыгаешь ветер, изрыгаешь облака» [389, 27; Баопу-цзы, 49].

«Золото» и «киноварь», два главных чуда, достаются лишь тому, кто превзошел все тонкости даосской науки. «Золото белое, золото желтое - это цянй и кунь, предельное порождение Поднебесной» [390, 30; Баопу-цзы, 251]. Здесь серебро и золото даосской «алхимии» ставятся в соответствие цянй и кунь - двум из восьми триграмм «Книги перемен»: «Цянй представляет Небо, Кунь представляет землю» [И Цзин, 118]. «Киноварь одушевленная, киноварь переплавленная - одухотвореннейшая вещь среди снадобий» [390, 31]. Прием «одушевленной киновари» дарует долголетие, равное Небу и Земле [Баопу-цзы, 67], а «переплавленная киноварь» уже через десять дней приносит бессмертие [Баопу-цзы, 68]. «Чтобы правильно принимать их, есть предписания. Чтобы подобающе готовить их, есть искусство» [390, 32-33]. В «Баопу-цзы» перечисляются некоторые из этих правил: надо уединиться в горах с тремя, но не более, спутниками, поститься сто дней, умащаться благовониями, избегать нечистоты, и особенно присутствия посторонних лиц, чье «злословие» способно свести весь опыт на нет [Баопу-цзы, 67].

Если снадобья принимает одна семья, «то все домашние приобщаются Пустоте» [390, 34; Баопу-цзы, 67]. «Даже если на пробу принять один кусочек, то белым днем поднимешься в небо» [390, 35; Баопу-цзы, 72]. «Если исполнишь этот Путь, если обретешь это искусство, то тело преобразится, волосы изменят цвет» [391, 40; Баопу-цзы, 84]. «Жизнь продлится, годы продлятся» [391, 41; Баопу-цзы, 66, 126]. «Вычеркнешь, как захочешь, свое имя из списка смертных» [391, 42; Баопу-цзы, 84]; «Годы твоей жизни продлятся вечно» [391, 43].

7. Бессмертные

Кёму снова обращается к чудесным краям, цели даосских странствий. «Вверху - ступишь ногами на лазурное небо, полетишь по воздуху» [391, 44]. «Внизу - пойдешь гулять, видя солнце под ногами» [391, 45; Баопу-цзы, 57]. «Погоняя коня-сердце, проска-

чешь все восемь пределов» (четыре основных и четыре промежуточных части света) [391, 46]. «Смазав маслом повозку-мысль, объедешь все девять небес» (небо Срединное, Лазурное, Изменчивое, Темное, Сокровенное, Блистающее, Киноварное, Пламенное и Ярое) [391, 47; Льюйши чуньюю, 181]. «Погуляешь в крепости красного ворона, отдохнешь во дворце лиловой печати» [392, 48-49] (образы восходят к поэтам «Изборника» и от них - к «Жизнеописанию Сына Неба Му»).

В «Трех учениях...» постоянно присутствует та мысль, что учиться - означает не только усваивать книги, но, прежде всего, примкнуть к тому или другому сообществу. Выбор учения - это, в первую очередь, выбор себе компании на дальнейшую жизнь. Для даосов избранное ими окружение - это, ни много ни мало, небесные светила и обитатели чудесных стран на краю света. Даосский странник встретит в пути и Ткачиху за ее станком, и ее возлюбленного Пастуха за Небесной рекой (звезды Вега и Альтаир по разные стороны Млечного пути) [392, 50 и 393, 4; Китайская поэзия, 30]. Он навестит на луне Хэн Э, жену великого охотника И, некогда похитившую у мужа снадобье, подаренное самой Матерью-Госпожой Запада - Сиванму [392, 51]. Он сможет стать ближним сподвижником Государя Сюань - Хуан-ди, Желтого Государя [392, 52; Сыма Цянй, IV, 180]. Он подружится с должжителем Ван Цзы-цiao [392, 53], отыщет гнездо птицы Пэн, о которой пишет Чжуан Чжоу [393, 1; Чжуан-цзы, 123], пройдет по следам собаки хуайнаньского вана Лю Аня, что вылизала сосуд из-под чудесного снадобья и улетела на небо [393, 2], обойдет конюшни небесных коней (десяти звезд в северной части неба) [393, 3; Игнатович, 203].

«Будешь существовать долго, вместе с Небом и Землей, будешь вечно радоваться вместе с солнцем и луной. О, что за легкость! О, что за простор! Отец Востока, Мать Запада - разве достанет на них удивления?» [394, 11].

В заключение Кёму возвращается к мирской жизни: «Она привязана-прикручена к корыстным желаниям, мучит-жжет сердце и мысль. Поддается закланиям злого духа-любви, сжигает дотла семья-божество. Заволнует о пище на утро и на вечер, беспокоится об одежде на лето и на зиму. Желает богатства - плывущего облака. Собирает имущество, подобное пене. Стремится к счастью, которого не понимает. Ублажает тело, подобное вспышке молнии. Ничтожные радости приходят утром, и она смеется над небесными радостями. Вечером приспевают мелкие горести, и она страдает, как если бы попала в топь или в огонь. Еще не кончился напев радости, а уже раздается напев скорби. Сегодня - высший сановник, завтра - ничтожный слуга. Вначале - как кошка над мышью, в конце - как воробей под ястребом. Желает росы на листе травы, забывает об утреннем солнце. Желает листка на кончике ветки, забывает о морозном ветре. О, как мучительно! Разве чем-то она отличается от

птички-ткача?» [39%, 19 - 396, 33].

Весь этот отрывок также содержит множество скрытых цитат. Обратим внимание всего лишь на две. Первая - из Конфуция: богатство и знатность, не заработанные честным трудом, подобны мимолетным облакам [Лунь юй, 350]. Вторая - из буддийской «Алмазной сутры праджня-парамиты» («Конго ханьякё»): тело человека и мир вокруг него суть не более, чем поток изменчивых дхарм, а потому - все равно, что сон, пена на воде, роса на траве, вспышка молнии [Избранные сутры, 66].

Конфуцианец Кимо обещал юноше Сидуга карьеру государственного мужа, полководца или книжника. Буддист Камэй-Коцудзи, готовясь вступить в разговор двух наставников, «препоаясался мечом мудрости» и песнями своими поверг слушателей в такой страх и скорбь, что те не кистью и тушью, а собственной костью и кровью готовы были записать учение о просветлении. Даос Кёму приглашает слушателей к странствиям, где ни кисть, ни меч, ни деянция, ни слова не понадобятся. Но, кроме слушателей, есть еще и читатель, могущий следить за мастерством его «кисти» - и тут пригодятся любые знания.

В 820-х гг., уже основав школу Сингон, став одним из глав буддийской общины Японии, Кукай много внимания уделяет «различению учений» (бэнкё). Эта дисциплина занималась описанием всех известных школ, небуддийских и буддийских, выстраиванием их по порядку возрастания совершенства. И в обширном «Трактате о десяти состояниях сердца» («Дзю дзю син-рон»), и в кратком его переложении для государя Дзюнна, «Драгоценном ключе к тайному хранилищу» («Хидзо хояку»), Кукай разбирает десять учений: каждое из них раскрывает одну из десяти способностей или «состояний», скрытых в «природе сердца» живого существа.

Даосскому учению Кукай в своём списке отводит наименее почетное место: ему соответствует низший уровень сознательности [Трубникова, 171-173, 215-219]. Как козлы или бараны, люди в этом состоянии бродят в поисках пищи и для утоления похоти, не помышляя ни о чем ином. Они надеются на личное бессмертие, а значит, дорожат собой, неким «я», с отрицания которого начинается учение Будды. Более того, даосы с их рассуждениями о «божествах» занимают место условного внутреннего противника буддийского учения, индийского многобожия, хотя даосские «божества» - это вовсе не Брахма и Индра. А поскольку даосы приписывают высшую ценность опытам с пищей или голоданием, дыхательным упражнениям, житью в безлюдных местах, постольку они занимаются чем-то похожим на индийский опыт йоги, от чрезмерного увлечения которым Будда Шакьямуни предостерегал своих учеников.

Тем интереснее даосский раздел «Трех учений...», где последователь Лао-цзы и Чжуан-цзы предстает не с козлиной харей, а с человеческим лицом: оно странно,

в чем-то страшно, и всё-таки, скорее, привлекательно.

Литература

[Санго сиики] - Сайтё. Гаммон. Кукай. Санго сиики. Бункё хифу рон. Серия Нихон-но мэйтё. Токио, 1977. Редакция старояпонского текста, исследование, перевод и комментарий «Трех учений...» принадлежат Фукунага Мицудзи. Издание содержит: 1) перевод диалога на современный японский язык (с. 255-292); 2) камбунный, т.е. китайский текст (с. 292-300); 3) подробнейший комментарий, где каждая фраза камбунного текста дана в транскрипции на старояпонский язык - бунго (с. 323-479). Ниже после цитируемых отрывков в скобках приводится номер страницы, содержащей данный отрывок на бунго, а после запятой - номера соответствующих сносок.

[Kukai] - Kukai. Major works. Translated by Y.S. Hakeda. NY-L. 1972.

[Баопу-цзы] - Гэ Хун. Баопу-цзы. Перевод с китайского, комментарии, предисловие Е.А. Торчинова. СПб., 1999.

[Дао-дэ-цзин] - перевод Г.А. Ткаченко в изд.: Люйши чуньцю. Весны и осени господина Люя. М., 2001, пер. Г.А.Ткаченко.

[И Цзин] - И Цзин. «Книга перемен» и ее канонические комментарии. Перевод с китайского, предисловие и примечания В.М.Яковлева. М., 1998.

[Игнатович] - Игнатович А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) / Дао и даосизм в Китае. М., 1982, с. 179-206.

[Избранные сутры] - Избранные сутры китайского буддизма. Перевод с китайского Д.В. Поповцева, К.Ю.Солонина, Е.А. Торчинова. СПб., 1999.

[Китайская поэзия] - Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдина. М., 1975.

[Китайская проза] - Китайская классическая проза в переводах академика В.М.Алексеева. Издание второе. М., 1959.

[Лунь юй] - Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». Исследование, перевод с китайского и комментарии. М., 1998.

[Люйши чуньцю] - Люйши чуньцю. Весны и осени господина Люя. М., 2001, пер. Г.А.Ткаченко.

[Чжуан-цзы] - Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб., 1994, пер. Л.Д.Позднеевой.

[Сыма Цянь] - Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. Р.В.Вяткина, В.С. Таскина, комментарии Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Т. IV - М., 1986; Т. VII - М., 1996.

[Тайхорё] - Свод законов «Тайхорё». 702-718. I-XV законы. Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарий К.А. Попова. М., 1985.

[Трубникова] - Трубникова Н.Н. «Различение учений» в японском буддизме IX в. Кукай (Кобо-дайси) о различиях между тайным и явными учениями. М., 2000.

Невидимый на свету

Продолжая разговор о методах «невидимости на свету» (ёнин), использовавшихся средневековыми японскими разведчиками ниндзя и описанными в «энциклопедии» ниндзюцу «Бансэнсюкай» (XVII в.), в этом выпуске мы переходим к изложению «способов проникновения с малого расстояния» (тикаири-но дзюцу).

В отличие от «способов проникновения издали» (тоири-но дзюцу), применявшихся для внедрения агентов на вражескую территорию в мирное время, раздел тикаири-но дзюцу объединяет способы внедрения агентов уже в период военного противостояния, не из ставки, а из районов базирования вблизи вражеской территории, и уже не столько для сбора разведывательной информации, сколько для подготовки и проведения диверсий. С точки зрения современной военной науки, «способы проникновения с малого расстояния» относятся к сфере компетенции войсковой разведки. Всего в «Бансэнсюкай» их перечислено восемь: «способ определения основы» (рякухон-но дзюцу), «способ встречного проникновения» (гэйню-но дзюцу), «способ проникновения вместе врага» (кататагаи (санса)-но дзюцу), «способ оборотня» (бакэмоно-но дзюцу), «способ отражения луны в воде» (суйгэцу-но дзюцу), «способ проникновения в долину» (танири-но дзюцу), «способ переворачивки пленного» (рёхан-но дзюцу), «полный способ мешка, вывернутого наизнанку» (фукуро-гаэси дзэн-дзюцу).

«Способ определения основы» (рякухон-но дзюцу)

Название «рякухон-но дзюцу» буквально означает «оценивать [и определять] основу». Имеется в виду комплекс мер, направленных на всестороннюю подготовку любой разведывательно-диверсионной операции, основа всех способов раздела тикаири: предварительный сбор разведывательных данных, разработка способа внедрения агента на вражескую территорию, обеспечение правдоподобия его легенды и т.д. Здесь много общего с «начальными расчетами» (сикэй) ниндзюцу, о которых уже шла речь (см.: № 2/2002). Однако повтор в «Бансэнсюкай» многих моментов оправдывается тем, что риск в операциях с использованием «способов проникновения с близкого расстояния» значительно выше, чем при использовании «способов проникновения издали»: работа ведется в военное время, когда бдительность противника значительно повышается, требует проникновения непосредственно в расположение его войск, мгновенных решений в зависимости от изменения ситуации.

В «Бансэнсюкай» при описании «способа определения основы» выделяется 7 групп мероприятий, которые можно объединить в 3 больших группы. Первая включает группы мер, направленных на информационно-аналитическую подготовку операции: меры по сбору необходимых разведанных; по отбору информаторов

и способам работы с ними; по анализу замыслов противника на основе имеющихся данных о нем. Вторая группа объединяет группы мер по обеспечению легенды агента: по использованию техники перевоплощения (хэнгэдзюцу); использованию фальшивых писем и печатей; использованию в качестве прикрытия ненастоящих жены или ребенка. Наконец, третью группу составляют меры по обеспечению связи агента с «разведцентром».

Агент должен быть информационно всесторонне подготовлен к работе во враждебном окружении. Во избежание провала, как указывает «Бансэнсюкай», он должен отменно знать организацию вражеской армии; имена ее военачальников; их флаги, флажки, значки и гербы; членов их семей (имена, биографии, родственные связи и т.д.); имена главных вассалов, их склонности и особенности характеров; расположение усадеб высших сановников, военачальников, чиновников, близких слуг, гонцов, военных музыкантов, стражей ворот и т.д.; их генеалогии, семейные дела, земляков и родственников, живущих в других провинциях; характер взаимоотношений между важнейшими лицами.

Все это необходимо для того, чтобы ни в разговоре, ни на допросе не выдать себя и разработать разведывательно-диверсионную операцию: ниндзя, например, мог явиться к какому-нибудь самураю под видом слуги или гонца от родственника или товарища, использовать свои знания, чтобы оклеветать неудобное лицо, очернить одного сановника в глазах другого и т.д.

В качестве источников необходимой информации «Бансэнсюкай» рекомендует использовать ронинов; лиц, периодически посещающих княжество противника (к таковым «энциклопедия» ниндзюцу относит буддийских монахов-паломников, торговцев, бродячих ремесленников, слепых массажистов, актеров театра саругаку, танцовщиц и проституток); его жителей (жители приамурского городка и крестьяне из окрестных деревень); пленных; насильственно мобилизованных на службу в армию противника рабочих (во время войны японские феодалы отлавливали физически здоровых крестьян, забирали их «от сохи» и заставляли служить чернорабочими или носильщиками в армии; естественно, что эти крестьяне бежали толпами при первом же удобном случае; пользуясь их недовольством и, мягко говоря, недружелюбным отношением к противнику, от них можно было получить кое-какую информацию, впрочем, не очень серьезную, ведь бывшие крестьяне не разбирались в военном деле, да и в свои планы господ их не посвящали).

Лучшими информаторами считались бывшие самураи врага, вызвавшие чем-либо недовольствие господина, изгнанные из княжества и превратившиеся в ронинов. Среди ронинов попадались и опытные воины, сведущие в организации вражеского войска, разбирающиеся во флагах, флажках и гербах родичей и вассалов

прежнего господина, знающие имена военачальников, характер взаимоотношений между ними, отношения с союзниками и, вообще, хорошо информированные об обстановке во враждебном клане.

Когда война разгоралась на нейтральной территории, информацию о противнике можно было получить от местных жителей, живущих неподалеку от вражеского лагеря, - крестьян из горных деревень, косарей, дровосеков.

Что касается работы с информаторами, то «Бансэнсюкай» рекомендует ниндзя никогда не раскрывать своего подлинного лица, действовать под легендой, втираясь в доверие к осведомленному лицу и потихоньку, незаметно для него «выкачивая» нужные сведения. При этом расспрашивать обо всем, что называется, «в лоб», запрещается, для получения информации нужно использовать разные хитрости, чтобы собеседник ни о чем не догадался. А для пущей безопасности следует выбирать в информаторы людей глупых, невежественных, умных же, напротив, избегать.

Интересно, что «Бансэнсюкай» настаивает, чтобы ниндзя, занимающийся сбором разведанных, постоянно носил с собой за пазухой бумагу и кисточку с тушью и записывал основные сведения - как видно, на тренированную память агента, о которой слагают легенды современные пропагандисты «ниндзюцу», руководители разведки и полководцы не полагались.

На основе собранных данных ниндзя должен был проникнуть в замыслы противника, просчитать его возможную реакцию на те или иные действия, чтобы с учетом этого разработать план. Здесь требовалось доскональное знание личности противника, его образа мыслей, характера, привычек и т.д., большой жизненный опыт и умение разбираться в людях.

Во избежание провала ниндзя должен был отлично проработать свою легенду. Рекомендовалось действовать под видом уроженца какой-то нейтральной территории. Причем, чтобы не вызвать подозрений у опытных контрразведчиков противника, агент должен был весьма тщательно подготовиться к своей роли: досконально изучить географию, обычаи, привычки, говор жителей своей новой «родины».

Правдоподобия легенде шпиона должны были придать письма от «союзников» и прочие документы и знаки, свидетельствующие о его благонадежности. Как правило, их изготавливали заблаговременно, но ниндзя должен был уметь и подделать необходимые документы и знаки принадлежности (бумажные фонарики с гербами, флаги и флажки, копейные значки, нарукавные нашивки), чтобы использовать в своих разведывательно-диверсионных целях. Поэтому требовалось располагать большим набором образцов вражеских значков, почерка и печатей военачальников и т.д.

Чтобы отвести от себя подозрения вражеской контрразведки, диверсанту - взрослому и физически развитому мужчине - следовало «работать» не в одиночку, а с «семьей» - фальшивой женой и/или ребенком. Если решить «семейный вопрос» до начала операции не удавалось, ниндзя мог «подцепить» какую-нибудь «содатку» уже в пути, наскоро объяснившись в любви, предложив руку и сердце и распалив ее чувства умелой по-

стельной игрой.

При внедрении агентов было очень важно создать надежный канал связи, чтобы в случае необходимости шпион мог оперативно передать необходимую информацию к своим, а также установить систему условных сигналов, при подаче которых агентом союзная армия немедленно должна была принять те или иные меры. Самыми надежными считались непосредственно видимые или слышимые сигналы: дым, огонь, фейерверки, флажки, звучание флейты, рев специальных сигнальных раковин (хорагай), изготовленных из настоящих морских раковин или бамбука и т.д. Отвечать на них можно было, используя «армейские штатные средства сигнализации»: барабаны, колокола, гонги, выстрелы из ружей, а также луженые глотки самураев (подача сигналов криком).

«Способ встречного проникновения» (гэйню-но дзюцу)

Этот способ внедрения агентов-диверсантов строился на использовании «дыр» в обороне и контрразведке противника, возникающих при его переходе к активным действиям. Применялся в первую очередь при постановке вражеской армии лагерем после марша в новый район, когда ее бдительность неизбежным образом притуплялась, и возникала сумятица, благоприятная для действий диверсантов.

В «Бансэнсюкай» предложены три варианта применения «способа встречного проникновения». Первый состоял в следующем. Получив от своих лазутчиков известие о выступлении вражеской армии в поход и определив район ее выдвижения, надлежало оперативно выслать туда отряд своих ниндзя, которым ставилась задача скрытно выйти в район предполагаемой ночевки врага за несколько часов до его прихода на место (отсюда, собственно, и название - «способ встречного проникновения»), и спрятаться.

Когда войско противника, добравшись до места, начинало размещаться на постой в местном селе или городке, в неизбежной при этом суматохе ниндзя могли осуществлять различные диверсии: поджечь дома, в которых остановились командующий и его военачальники, или вообще запалить селение. При этом рекомендовалось устраивать поджоги сразу в разных концах, чтобы поднялась паника, и противник потерял контроль за ситуацией и не мог эффективно бороться с огнем и отлавливать диверсантов. В суматохе ниндзя следовало сеять угрожающие слухи, стремясь спровоцировать столкновения между группами воинов противника, мечущимися в страхе среди пылающих домишек, или подстрекнуть местных жителей к нападению на пришельцев. В такой ситуации можно было также организовать похищение или уничтожение провианта, военного снаряжения, транспортных средств, лошадей, лагерного снаряжения.

Другой рекомендованный вариант «способа встречного проникновения» строился на проникновении непосредственно во вражеское войско. Прибыв в район предполагаемого ночлега вражеской армии, ниндзя должны были под видом чернорабочих из местных жителей выйти противнику навстречу с предложением сво-

их услуг. Неприятелю, конечно же, были нужны носильщики - в условиях весьма слабо развитого в Японии гужевого транспорта их вечно не хватало (тем более, что желающих подражаться на такую тяжелую работу находилось немного), и он мог согласиться нанять для работы «добровольных помощников». В результате, смешавшись с его воинами и носильщиками, ниндзя должны были прибыть к месту ночлега, попутно подбивая солдат к грабежу местных жителей. Вместе с вражескими воинами (или без них) диверсанты врываются ночью в дома местных жителей, грабят их и чинили насилие. А тем временем другие ниндзя, прятаясь в домах, запугивали местных жителей, настраивая их против солдат неприятельской армии - «настоящих головорезов». И вот по ночному селению, затерроризированному загодя, пролетал слух: «Грабят! Убивают! Спасайся, кто может!» В то же время в разных концах деревни вспыхивали пожары, и летел новый слух: «Такой-то бьется с грабителями! Скорее на помощь!» В результате через некоторое время все селение охватывали паника и пожары, повсюду начинались стычки между местными жителями и воинами. Последние в такой ситуации могли передараться и между собой, ведь ниндзя заблаговременно сеяли рознь между вассалами разных феодалов и самими господами.

Третий вариант заключался в том, что при подходе вражеского войска к выбранной для ночлега деревне один или два ниндзя под видом гонцов со срочной вестью от князя, кого-то из родичей или друзей командующего мчались к нему и вручали поддельное письмо (такие письма называли ниндзя «хотаруби-но сё» - «письмо светлячка»). Содержание его могло быть самым разным, главное - чтобы письмо произвело впечатление, посеяло подозрительность и взаимную неприязнь среди командиров вражеской армии. В этой неожиданно накалившейся обстановке ночью поднимался гвалт, ниндзя оглашали лагерь криками: «Такой-то военачальник - предатель», стараясь спровоцировать резню между своими. Далее все должно было происходить по описанному выше сценарию.

«Способ встречного проникновения» оценивался как весьма эффективный, но сложный, поскольку для проведения подобной операции требовалась слаженная работа целой группы диверсантов, особенно в том случае, когда все три его варианта использовались одновременно.

«Способ проникновения вместо врага» (кататагаи (санса)-но дзюцу)

Название этого способа говорит само за себя, а использовался он для проникновения во вражеский лагерь или замок.

Операция начиналась с уточнения используемой противником символики и выяснения общей ситуации в его лагере. Для этого группа ниндзя скрытно подбиралась к вражескому стану, высматривала, какие значки и гербы носят воины, как они вооружены, какие используют переносные фонари и т.д. Вернувшись в свое расположение, разведчики изготавливали необходимое снаряжение с точно такими же гербами и значками, после чего можно было переходить непосредственно к проникновению в лагерь врага. Подобравшись

под покровом ночи к нему вплотную, ниндзя моментально вытаскивали до того скрытые фонари и флажки и, приняв вид патруля или группы факельщиков искали возможность для прохода за цепь охраны. Тут существовало несколько возможностей.

Ниндзя могли прикинуться группой разведчиков, возвращающихся из ночного дозора. Но для этого надо было точно знать, что враг действительно выслал отряд в ночной поиск. Как указывает «Бансэнсюкай», установить это можно по нескольким признакам: враг использует больше факелов, чем обычно; слышно ржание лошадей и лай собак; не слышно обычных ударов в колотушки, которыми ночная стража отбивает время, и переключки патрулей, зато видны дымы костров, на которых вражеские воины готовят пищу; с внешней стороны лагеря, обращенной к противнику, царит полная, противоестественная тишина; заметны перемещающиеся силуэты людей, флажков и знамен. Углядев эти признаки и предположив со стороны врага возможность ночного рейда, группа ниндзя подкрадывалась к лагерю неприятеля и внимательно следила за его действиями. Если из лагеря действительно выходил отряд, один из лазутчиков немедленно возвращался к своим, чтобы известить их о грозящей опасности, а в это время его «коллеги» старались как можно ближе подобраться к лагерю или крепости противника, прятались в ближайшем леске или кустарнике и, дождавшись выступления врага, в условиях суматохи проникали вовнутрь под видом возвращающегося разведотряда.

Такой вариант проникновения считался оптимальным по целому ряду причин. Во-первых, когда противник сам задумал ночное нападение, все его мысли прикованы исключительно к обеспечению его внезапности, и никому и в голову не может придти, что в соседнем лесу сидит группа вражеских диверсантов, которая только и дожидается, когда разведчики высунут свой нос наружу. Во-вторых, из-за того, что враг начинает подготовку к операции еще со дня и все время занят решением разных проблем, его осторожность неизбежно слабеет. В-третьих, в ночных операциях внезапное возвращение - по приказу начальника или из-за действий противника - дело самое обычное, и этим можно легко воспользоваться. Наконец, в-четвертых, когда из крепости в ночной рейд выходит большой отряд (иногда большая часть гарнизона), такое ослабление защиты сильно облегчает работу диверсантов - можно легче устроить поджог, отравить колодец, а то и вовсе захватить крепость. Последний вариант операции, естественно, считался идеальным. Если все складывалось благоприятным образом, группа диверсантов-спецназовцев должна была проникнуть в замок, уничтожить охрану, захватить ворота или участок стены, чтобы вовнутрь могли ворваться главные силы. Если все это получалось, отряд врага, вышедший на вылазку, оказывался в западне, когда и спереди, и сзади его ждала смерть.

Второй вариант «способа проникновения вместо врага» заключался в проникновении во вражеский замок под прикрытием ночной атаки своих войск. До начала нападения главных сил отряд ниндзя, переодетых во вражескую форму, с соответствующими флажками и фонариками, скрытно подбирался вплотную к стене

Гравюра Окада Гекюдзан из повести Такэноути Какусай «Эхон тайко-ки», посвященной биографии Тоётоми Хидэёси (издана в Осаке в 1802 г.), запечатлела нападение в стиле ниндзя (сюжет, по-видимому, вымышленный). Обращает на себя внимание использование нападающими «маскировочных костюмов» а ла ниндзя и то, что на голове их вожака - пожарный шлем с черным башлыком.

вражеской крепости и укрывался там. Когда «регулярные войска» бросались в атаку - с громкими криками, грохотом доспехов, с факелами в руках, и внимание противника целиком переключалось на надвигающуюся силу, ниндзя, воспользовавшись суматохой, моментально перемахивали через стену и оказывались внутри. Пока враги отбивали нападение, они преспокойно делали свое черное дело.

«Способ оборотня» (бакэмоно-но дзюцу)

В основе «способа оборотня» - обман бдительности врага созданием видимости своей неопасности. Так, ниндзя прекрасно знали, что слепец, хромец, безрукий, горбун, истощавший от голода оборванец, беззубый старик ни у кого не вызывают подозрения, и никто не ждет от них подвоха, и если умело сыграть эту роль, можно достичь очень и очень многого. В качестве иллюстрации успешного применения «способа оборотня» в «Бансэнсюкай» приведена история знаменитого предводителя ниндзя из Ига XVI в. Игасаки Додзюн.

...В провинции Оми властвовал князь Сасаки Сазэмон-но дзэ Сакэдаю. Он прославился как выдающийся полководец, а вот с вассалами ему не повезло: однажды самурай по фамилии Додо поднял против него мятеж и заперся в замке Саваяма.

Князь страшно разгневался, немедленно окружил замок, но несколько дней осады не принесли ему победы над отступником, и тогда Сасаки обратился за помощью к знаменитому ниндзя Игасаки Додзюн.

Додзюн согласился помочь ему и, собрав отряд из 44 ниндзя из Ига и 4 - из Кога, отправился воевать Сава-

яма-дзэ. Выступив в поход, он первым делом посетил известного гадальщика Миясуги, что жил близ монастыря Хэйсэндзи в местечке Юбунэ на границе Ига и Кога, и попросил его предсказать ему судьбу. Во время гадания на костях выпал иероглиф «Удача». Так что Додзюн мог воевать смело.

Посоветовавшись с князем и ознакомившись с планом замка и условиями местности, Додзюн решил прибегнуть к «способу оборотня». Ниндзя похитили из осажденного замка бумажный фонарик с изображением герба семьи Додо, изготовили точно такие же фонарики и, переодевшись в одежды с вражескими гербами, под видом союзников глухой ночью проникли в замок. Через некоторое время замок запылал, подожженный сразу с нескольких концов. Пожар вызвал панику среди воинов Додо, которые заметались по крепости, пытаясь усмирить пламя. Тем временем 48 ниндзя Додзюн уничтожили часовых и дозорных и, натянув их доспехи, принялись бесчинствовать по всей крепости. Паника еще более усилилась, так как воины Додо подумали, что в замке измена. Воспользовавшись суматохой, большой отряд Сасаки пошел на приступ. В конце концов, воины Додо, которым одновременно приходилось и отбивать атаку за атакой, и тушить пожар, и сражаться с переодетыми ниндзя, совсем выбились из сил и были перебиты...

Успешно реализовали «способ оборотня» и ниндзя из шайки Хацутия, одной из самых загадочных групп, восходящей к иммигрантскому роду Иборо.

Клан Иборо в незапамятные времена перебрался в Японию с континента и осел на равнине Нара. Иборо

владели самыми разными ценными навыками, но особенно глубокие познания были у них в храмовых и похоронных ритуалах. Часть их стала служить при императорском дворе, другой была поручена охрана императорских гробниц (представителей этой группы называли «сику» - «хранители дверей»), остальные стали ремесленниками: изготавливали луки, флейты, веники, грифы для лютен, занимались полировкой и т.д. И мужчины, и женщины Иборо, как говорят, имели талант к пению, танцам и акробатике, были знакомы со многими видами традиционного театрального искусства, с популярными в те времена танцами. Все мужчины клана были прекрасными воинами. Особенно сильны они были в стрельбе из лука, рукопашном бою, методах разведки и партизанской войны. Поэтому военачальники стремились привлечь их на свою сторону в малых и больших войнах.

Во время мятежа Тайра-но Масакадо в середине X в. «шайка Иборо» приняла сторону бунтовщика, а когда он был разбит, подверглась жестокому гонению. Уцелевшие Иборо бежали из столичного района и рассеялись по всей стране. Большинство из них укрылось, «прикрывшись утренней дымкой», в районе Саньин и других западных провинциях Хонсю в заранее подготовленных «тайных деревнях», а одна группа поселилась в огромной пещере Хораана в горах Ясэ к северу от Хэйан. Эта группа Иборо, хоть и осталась поблизости от столицы, все же лишилась возможности заниматься своим обычным делом. И тут на выручку ей пришли навыки разведки и диверсий, легко трансформировавшиеся в воровское искусство. Так появилась хорошо организованная разбойничья шайка, терроризирующая всю округу. В «Хонтё Хацутия юрайки» («Записи о происхождении в Японии шайки Хацутия») об их злодеяниях рассказано так: «По ночам Иборо скрытно выходили и в саму столицу, и в ее окрестности, выбирались во все провинции столичного округа Кинай, совершали бесчисленные грабежи, убийства на перекрестках, ночные нападения, изводили десятки тысяч жителей, отнимали сокровища у богатей. Хотя столицу и охраняла правительственная стража, но из-за того, что Иборо искони были обучены своему ремеслу, из-за того, что кружили они, словно птицы - то в одном месте покажутся, то в другое перелетят, и еще из-за того, что днем они скрывались в своей пещере, не было на них никакой управы. И днем, и ночью все - от императора до простого люда - изнывали от них и не знали ни минуты покоя».

Как гласит предание, все переменялось в один день, когда несколько разбойников решили обокрасть жилище знаменитого буддийского проповедника культа будды Амида святого Куя. Вместо того чтобы прикончить его сразу, разбойники выслушали его проповеди и... обратились в буддизм, бросили свой преступный промысел и стали охранять покой монаха. Эти Иборо поселились поблизости от него, построили хижину с крышей из мисканта и целыми днями молились, без конца повторяли имя будды Амида и били вместо гонга в медный котел (хацутти). С тех пор жители столицы стали звать их «Томая Хацутия» - «Котельщики из хижины с крышей из мисканта».

После того, как Куя удостоверился в раскаянии и преобращении бывших преступников, он вымолил у императора прощение для них и добился их назначения полицейскими чиновниками, отряженными для борьбы с разбойниками. Кацутия, во всех тонкостях знавшие секреты воровского дела, стали настоящей грозой для разбойников. Слава их распространилась по всей Японии, и вскоре губернаторы провинций и провинциальные управления стали нанимать их на службу в качестве полицейских. Так группы Хацутия расселись по всей стране.

Свои воровские навыки, имеющие много общего с искусством шпионажа ниндзюцу, Хацутия не растеряли и через несколько столетий после того, как расстались со своим бандитским промыслом. Свидетельством тому - операция по захвату замка Цукияма.

В 1485 г. Амако Цунэхиса решил силой вернуть себе свой старый родовой замок Цукияма, отобранный у него Энъя Камонносукэ, губернатором провинции Оми. Однако у Амако было не более 60 воинов, и рассчитывать с такими силами захватить замок не приходилось. Тогда он обратился за помощью к Хацутия Яносабуро, главе клана Хацутия. Яносабуро собрал своих сородичей со всего региона Саньин и стал совещаться с ними, на чью сторону встать - Энъя или Амако. После долгих споров выбор был сделан в пользу последнего - видно, он обещал заплатить больше, чем соперник. Операцию было поручено возглавить Кацутия Гимбэй, который имел под своим началом свыше 70 ниндзя.

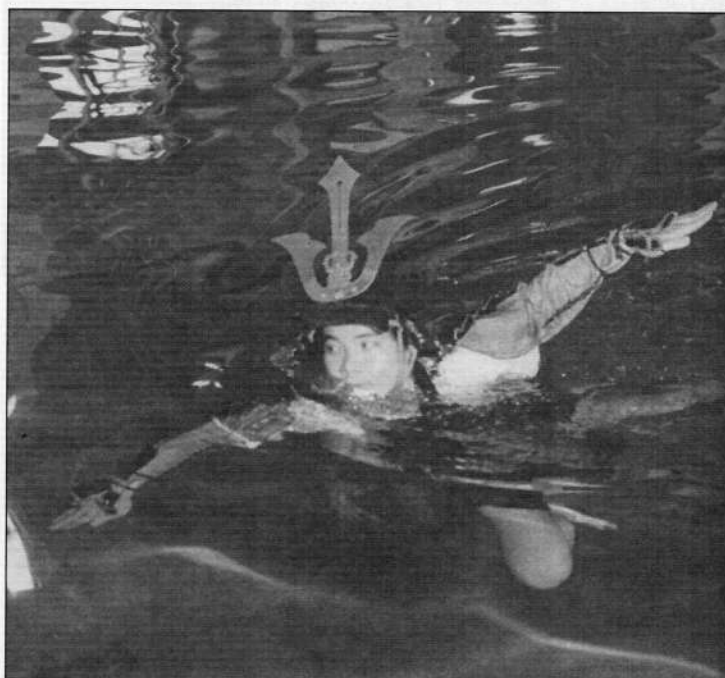
Ежегодно в первый день нового года в замке Цукияма Хацутия устраивали шествие ряженых. Так и в канун 1486 г. незадолго до рассвета приблизительно они выстроились перед главными воротами крепости. Под ярко-красными плащами они скрывали доспехи, короткие копья, алебарды и другое оружие. Когда едва рассвело, стража открыла ворота замка и, не разглядев в полумраке спрятанного оружия, спокойно впустила процессию ряженых, оглашавших воздух гулом барабанов, звуком флейт и песнопениями в честь грядущего будды Мироку.

Почти все население замка сбежалось посмотреть на веселое действо. И тут, по команде своего командира, Хацутия вдруг бросились рубить зрителей и одним махом ворвались в цитадель. Через несколько минут над замком взвилось пламя - сигнал воинам Амако, которые тут же проникли в крепость через задние ворота, брошенные без присмотра беспечными воинами Энъя, и запалили самурайские дома, склады, караульные помещения и сторожевые башни. В поднявшейся суматохе противник не смог оказать практически никакого сопротивления. Энъя Камонносукэ заколол своих детей и жену и сам совершил хакакири. Через некоторое время замок был полностью очищен от его воинов. Всего в тот день ниндзя Хацутия обезглавили почти полтысячи человек...

(Продолжение следует)

Алексей Горбылёв

«Боевое» плавание самураев

Среди традиционных японских воинских искусств имеются и такие, аналогов которым не найти ни в одной другой культуре. Таково, например, самурайское «боевое» плавание суйдзюцу. Интерес европейцев оно привлекло к себе уже достаточно давно - публикации о суйдзюцу появлялись, по крайней мере, уже с конца позапрошлого века. Только интерес этот оказался весьма поверхностным и ограничился лишь фиксацией экзотических способов плавания различных японских школ без какой-либо попытки исследовать их происхождение и предназначение. А в результате получалось, что многие технические приемы, разработанные исключительно для показательных демонстраций, принимались за боевые, а явления мирной токугавской эпохи (1603-1867) произвольно отодвигались в эпоху междоусобных войн Сэнгоку (1467-1573). Так складывалась совершенно искаженная картина самурайского «боевого» плавания в его историческом развитии, которую мы теперь и попытаемся несколько скорректировать.

В токугавскую эпоху «боевое» плавание чаще всего называли «суйдзюцу», что буквально означает «водное искусство». Синонимом этого слова выступало слово «суйгэй». Существует, по меньшей мере,

два толкования этих терминов будзюцу. В узком - «суйдзюцу» и «суйгэй» обозначают способы индивидуального плавания. А в расширительном - выступают обобщающими названиями различных умений, связанных с плаванием, в том числе кораблевождения, форсирования рек с конем, использования различных плавательных средств и т.д. Двойное значение терминов «суйдзюцу» и «суйгэй» порождает известную путаницу, поскольку, когда специализация школы будзюцу обозначена ими, никто не может знать наверняка, что же она собой представляет: плавание или кораблевождение? В этой связи их часто заменяют на более специализированные термины: «суйэйдзюцу» - букв. «искусство плавания в воде», «юэйдзюцу» - «искусство плавания на поверхности (ю) и под водой (эй)» и

др. В последние годы, чтобы отделить старинное самурайское плавание от современных спортивных стилей, его все чаще называют «Нихон эйхо» - «Японские стили плавания».

Традиционное японское искусство плавания, несомненно, имеет давнюю историю. Полагают, что оно не было привнесено откуда-то с материка, а зародилось в самой Японии естественным образом гораздо раньше большинства прочих будзюцу. Этому способствовали географические условия архипелага: на окруженных со всех сторон морями островах, изобилующих к тому же реками, озерами и болотами плавание являлось жизненно важным умением. Моря и реки являлись важнейшими источниками пропитания для японцев, и постоянный контакт с водой способствовал возникновению у них различных способов плавания. Так, изощренную технику ныряния разработали знаменитые японские ныряльщицы (ама) за жемчужинами. Но исторический парадокс состоит в том, что в виде особого «воинского искусства, оформленного в виде школ» (рюги будзюцу) суйдзюцу сложилось только в мирную эпоху Токугава ближе к ее середине, едва ли не позднее всех прочих будзюцу.

Выделяют несколько причин такого странного «поведения» суйдзюцу. В частности, полагают, что японцы издревле стремились овладеть, прежде всего, плаванием по морю на лодках и кораблях, а индивидуальное плавание считали не столь важным. Хотя, вероятно, здесь существовали серьезные территориальные различия: жители побережья, разумеется, плавали лучше, чем жители внутренних областей. Так, в «Повести о доме Тайра» ярко описана массовая гибель самураев из провинции Ига, не имевшей выхода к морю, при форсировании реки.

Мореплавательная традиция получила значительное развитие в эпоху средневековья. Достаточно только вспомнить вако - японских пиратов, наводивших ужас на весь Дальний Восток. Грозной силой были флоты и в эпоху Сэнгоку. Мощные морские соединения существовали в то время на Сикоку и на Кюсю, в регионе Нанкай, в провинции Исэ и областях Суруга-Тотоми и Ава-Кадзуса-Симоса на Хонсю. Военно-морское искусство там было поднято на довольно большую высоту, складывались типичные для японских будзюцу школы, о чем свидетельствуют наставления по кораблевождению, навигации и морскому бою, дошедшие еще от XVI в.

Вероятно, эти военные моряки, в дополнение к приемам боя на кораблях, исследовали и совершенствовали и различные способы плавания, ныряния, ведения боя в воде, которые были необходимы для спасения при гибели корабля, нападения на вражеские суда, но специальных наставлений по этим вопросам от этого времени не сохранилось, они появляются только в эпоху Токугава. Видимо, богатая японская традиция кораблевождения и навигации в определенной степени тормозила развитие высококлассного искусства плавания. Но это, конечно, не означает, что японские моряки не умели плавать, и что среди них не бывало хороших пловцов. Их навыки послужили одним из главных источников для возникновения многочисленных школ суйдзюцу в прибрежных княжествах, но произошло это уже в мирную эпоху.

Вторым источником развития суйдзюцу явились стили плавания, разрабатывавшиеся в эпоху Сэнгоку пловцами из внутренних областей страны. Там специальная плавательная подготовка тоже играла большую роль в боевых действиях - при форсировании рек, рвов с водой, которые использовались противником в оборонительных целях в качестве естественных и искусственных преград. В этих условиях плавание развивалось как необходимая на войне система приемов форсирования рек и рвов и постепенно превращалось в важный аспект подготовки буси, наряду с верховой ездой, стрельбой из лука и фехтованием мечом, и, по крайней мере, наиболее знатные самураи

уделяли овладению им серьезное внимание. Например, в жизнеописании Ода Нобунага «Синтёкоки» сообщается: «Повелитель Нобунага вплоть до 16, 17, 18 лет... с 3-го по 9-й месяц хаживал на реку, занимался плаванием и научился отменно плавать». Но все-таки действительно высокого уровня развития эта «сухопутная» традиция плавания достигла уже после окончания междоусобных войн.

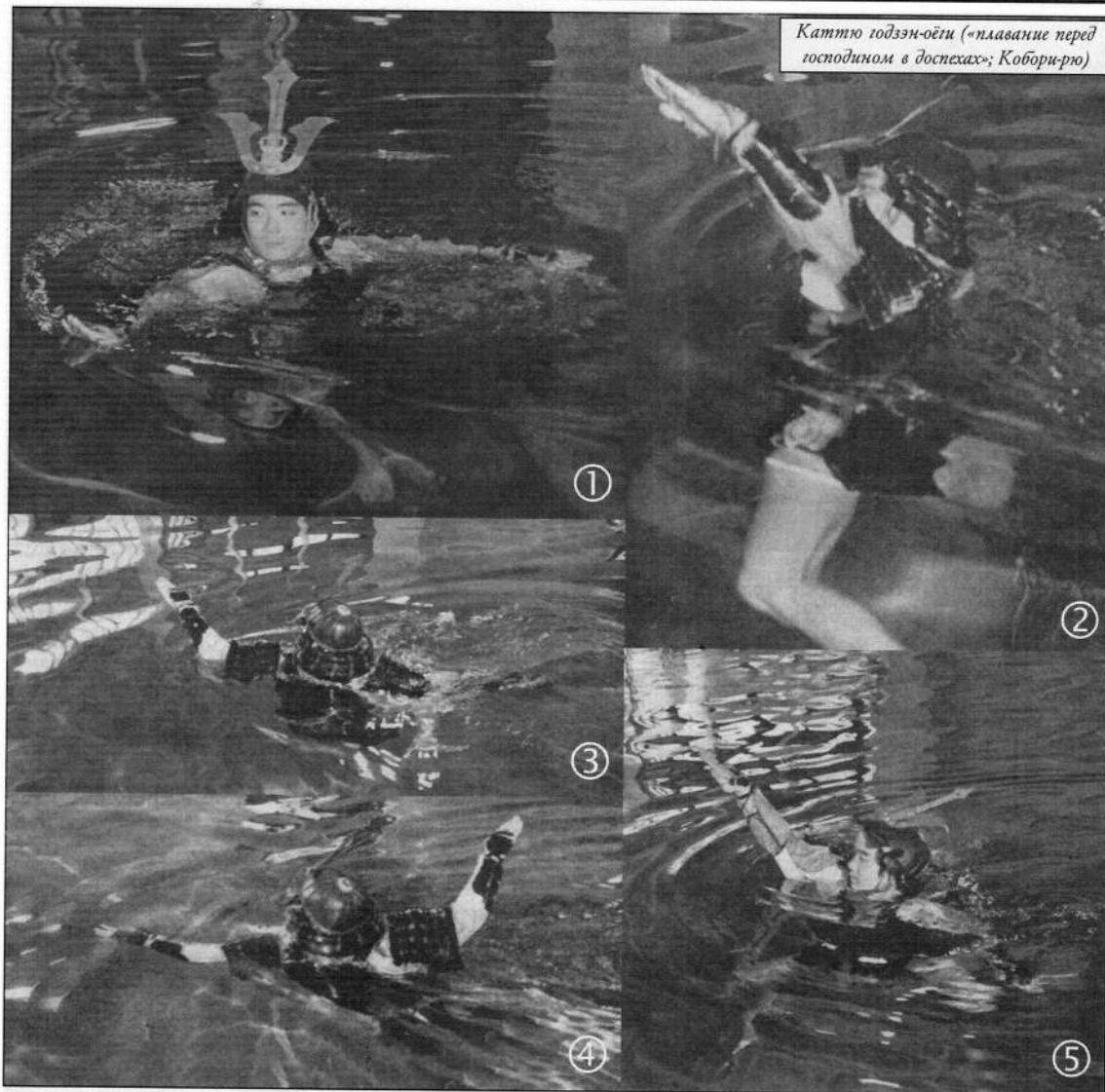
Условия для развития локальных традиций плавания в стройные системы школ сложились в начале эпохи Токугава, которая принесла с собой необходимый для отработки сложных технических приемов этого второстепенного воинского искусства достаток свободного времени и средств. Да и сами сёгуны Токугава, в частности первый - Иэясу и третий - Иэмицу, принимали меры для поощрения развития суйдзюцу в ряду других воинских искусств.

В этих благоприятных условиях во многих княжествах шла разработка техники плавания. Именно тогда, в первые послевоенные десятилетия XVII в., начали складываться многочисленные школы суйдзюцу, с техникой плавания которых мы можем познакомиться «вживую» (целый ряд школ сохранился до настоящего времени) или по их наставлениям.

Однако процесс превращения плавания в рюги будзюцу шел довольно медленно. Общеизвестным воинским искусством оно стало лишь к середине эпохи Токугава, в период после годов Кёхо (1716.6-1736.4), во многом благодаря усилиям сёгуна Токугава Ёсинобу. Ёсинобу, прежде чем стал правителем всей страны, княжил в Кию - провинции, славившейся своими изощренными стилями плавания. Переехав в Эдо после объявления его сёгуном, он устроил смотр гвардейским частям и к своему удивлению и ужасу обнаружил, что «гвардейцы» не умеют ни ездить верхом, ни плавать. Не оставалось ничего иного, как в экстренном порядке организовать обучение вояк воинским искусствам и развернуть их масштабную пропаганду. Усилия эти не пропали даром, постепенно самураи стали практиковать плавание почти повсеместно. Но оформление даже крупнейших школ суйдзюцу завершилось лишь в конце XVIII - начале XIX вв., когда впервые были зафиксированы их названия.

Крупнейшими школами суйдзюцу были: в Канто - Суйфу-рю (практиковалась в Эдо и в княжестве Мито), Мукай-рю (Эдо) и Суйфу-рю Ота-ха (Токио); в регионе Тюбу - Канкай-рю (княжество Тодо, г. Цу в провинции Исэ), Нодзима-рю, Ивакура-рю и Коикэ-рю (все - княжество Кию, г. Вакаяма); на Сикоку - Синдэн-рю (княжества Осу в провинции Иё и Мацуяма) и Суйнин-рю (княжество Такамацу в провинции Сануки), а на Кюсю - Ямаути-рю (княжество Усуки в провинции Бунго), Кобори-рю и Хатиман-

Каттю годзэн-оёги («плавание перед господином в доспехах»; Кобори-рю)

рю (обе - княжество Хосокава, г. Кумамото), Синтору (княжество Симадзу, г. Кагосима).

Все они пользовались покровительством князей, считавших суйдзюцу важным видом воинского искусства. Причем среди княжеств, где они развились, преобладают крупные, в которых, к тому же, феодальные господа не менялись. Крупное княжество давало большой доход, из которого могли выделяться средства для содержания наставников и тренировочных центров суйрэндзё (все названные выше княжества, за исключением Осу и Усуки, имели годовой доход свыше 100000 коку, а Мито, Ки, Хосокава и Симадзу - свыше 300000). А если семья даймё не переезжала в другое княжество, она имела возможность на протяжении длительного времени поддерживать суйрэндзё, что было важным условием существования школы.

Первоначально основу школ суйдзюцу составляли

в высшей степени практичные приемы плавания, но позднее стала развиваться и изощренная демонстрационная техника, которую принято называть «хавадза» - «крайняя техника», «техника на пределе [возможного]». Ее мастера демонстрировали на показательных выступлениях перед главой княжества и почетными гостями. Забавно, что именно эти почти цирковые трюки, не имеющие никакого отношения к боевой практике, являющиеся лишь специфическими способами тренировки и демонстрации приемов, многие европейские авторы и принимали за подлинное самурайское «боевое» плавание! А на самом деле это было просто шоу, в чем-то сродни современному синхронному плаванию и прыжкам в воду с трамплина.

Чтобы читатель мог представить себе, что представляла собой техника хавадза, перечислю некоторые из подобных трюков школы Кобори-рю: суйсё («письмо

*Тати-оёги (плавание в «вертикальном положении»; Кобори-рю)
Сжатые кулаки пловцов расположены перед лицом в позиции «естественной изготовления» (сидзэнтай-но камаэ) и готовы к нанесению ударов и отражению атак пловцов противника.*

в воде» - написание иероглифов на листе бумаги на плаву), татимоти-оёги («плавание с мечом в руках»), уримуки-оёги («плавание с подношением дыни»), каттю тати-оёги («плавание в вертикальном положении в доспехах»), каттю годзэн-оёги («плавание перед господином в доспехах»), суйкэн («фехтование мечом в воде»), суйкю («стрельба из лука в воде»), сакэномиоёги («питье сакэ на плаву»), хайдзэнъоёги («плавание с накрытым столиком»), укимисё («письмо при плавании поплавок») и др.

Другой тенденцией развития суйдзюцу было превращение его в спорт, когда устраивались состязания в скоростном плавании на определенную дистанцию между представителями разных школ. В источниках сохранились, в частности, упоминания состязаний при дворе сёгуна Токугава Иэсада, в которых двадцать пять пловцов из всех основных школ соревновались друг с другом на протяжении трех дней.

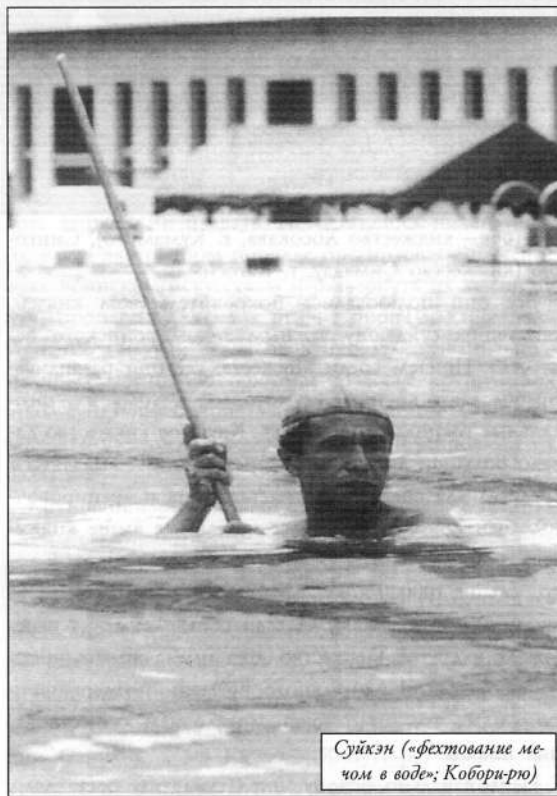
Между школами было немало общего, прежде всего в структуре, принципах и целях обучения. Так, решающее значение при обучении плаванию повсеместно придавалось выработке силы духа, готовности устоять перед стихией, психологической подготовке к встрече и борьбе с опасностью. Целью всех школ суйдзюцу было воспитание мужества и умения без колебаний преодолевать любые препятствия во время преследования противника. Физическая способность к действию считалась здесь тоже необходимой, но стояла, тем не менее, на втором месте. Наконец, поскольку плавание рассматривалось как воинское искусство, то оно включало в себя также приемы обращения в воде с различными видами оружия и снаряжения, управления конем и т.д.

Однако в зависимости от местных топографических условий школы предлагали своим последователям различные способы плавания, развивали разные навыки, имели свои фирменные трюки.

Целый ряд школ обучал самураев плаванию в «вертикальном положении» (тати-оёги): пловец должен был держать верхнюю часть туловища как можно выше

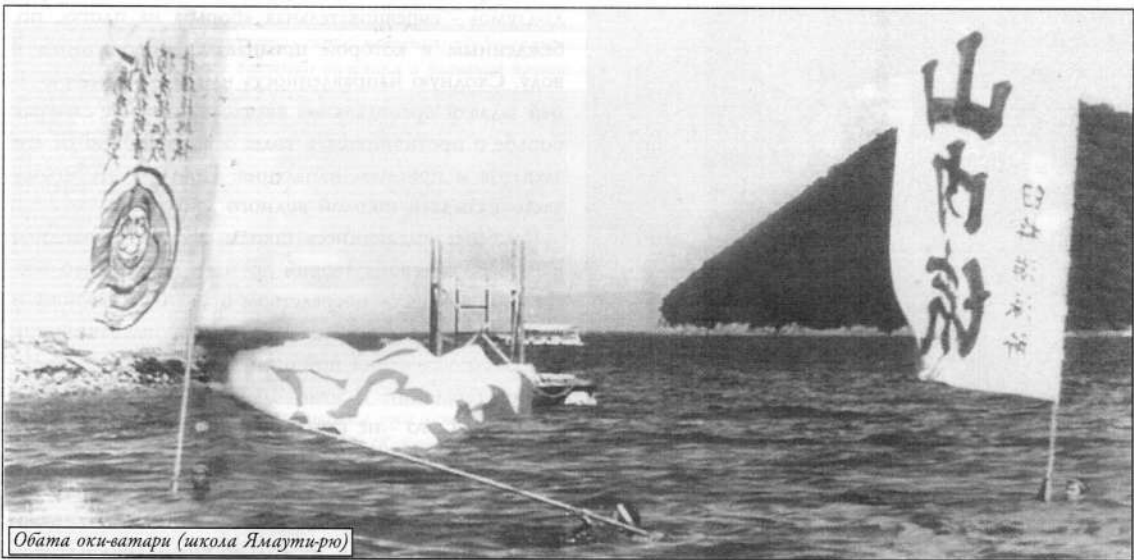
над водой за счет работы только ногами. Это было очень важное умение, позволявшее воину в бою иметь руки свободными, чтобы держать в них оружие, стрелять из лука или аркебузы (при этом оперение стрел, равно как и порох, должны были сохраняться сухими) и даже фехтовать! Демонстрации свободы движений при таком необычном стиле плавания были подняты школами суйдзюцу практически до уровня циркового искусства.

Так, наставники школы Кобори-рю обучали своих учеников стилю плавания в вертикальном положении в доспехах (весащих около 15 кг), да еще и с постоянными переменами выдвинутого вперед бока, который предназначался для показа правителю княжества (каттю годзэн-оёги). По преданию, в старину несколь-

Суйкэн («фехтование мечом в воде»; Кобори-рю)

Обата оки-ватари (школа Ямаути-рю)

ко пловцов Кобори-рю могли, используя технику тати-оёги, переправить через реку паланкин с восседающим в нем князем, не замочив его. «Визитной карточкой» Ямаути-рю являлось плавание в вертикальном положении в море с большими флагами (обата оки-ватари). Двух-трехметровые флаги, которые служили для передачи приказов при сражении на воде, держали в руках. Естественно, чем тяжелее были флаги, тем с большим напряжением приходилось работать пловцу. В школе Суйфу-рю учили стрельбе из воды при форсировании рва во время штурма вражеского замка. В церемониальном стиле плавания школы Ивакура-рю самурай держал в руках меч, который должен был всегда оставаться сухим и чистым от ржавчины, так как считался «душой самурая». В Нодзима-рю мастерство в тати-оёги демонстрировалось написанием иероглифов на дощечке, оклеенной бумагой. Фирменным трюком Мукай-рю было плавание с бумажным веером, который воин должен был держать кончиками пальцев рук.

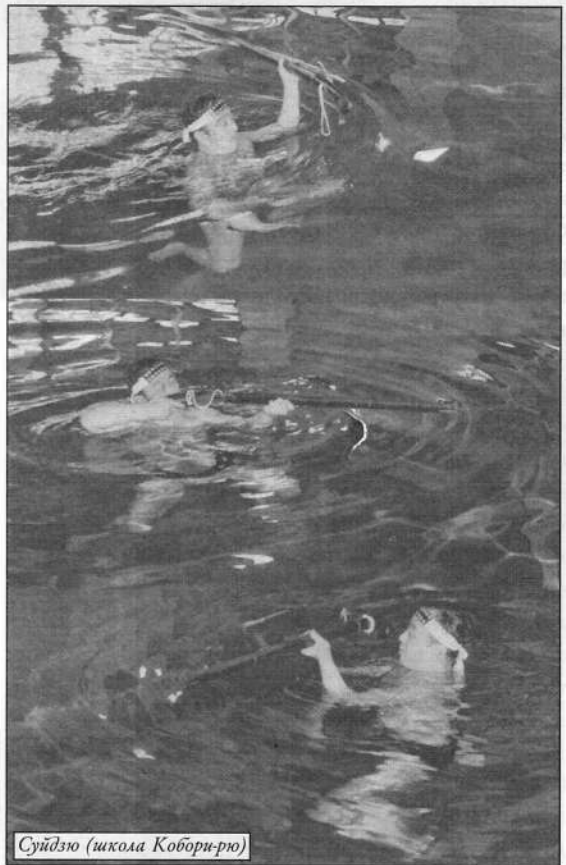
При внешнем сходстве демонстраций разных школ техника работы ногами, т.е. ключевой элемент плавания в вертикальном положении, могла существенно различаться. По этому признаку все школы разделяются на школы «ног-вееров», «топчущих ног» и «лягушачьих лапок».

Большое внимание многие школы уделяли отработке техники «поплавка» - умения лежать на поверхности воды, не работая при этом ни руками, ни ногами, что требовалось при заплывах на большие расстояния. Непотопляемость «поплавка» опять-таки демонстрировалась с помощью различных трюков. В Кобори-рю, в частности, высшим мастерством считалось умение писать иероглифы на веере или на дощечке, оклеенной бумагой, зажатой пальцами ноги, в положении лежа на спине.

Помимо этих общих для всех школ навыков, самураям предлагался и широкий спектр важных практических умений, которые могли пригодиться в определенных ситуациях.

Специализацией школ Ямаути-рю и Канкай-рю являлось плавание на большие расстояния в море.

Школы Синдэн-рю и Мукай-рю специализировались на технике плавания во внутренних водоемах,

Суйдзю (школа Кобори-рю)

Татимоти-оёги («плавание с мечом в руках»; Кобори-рю)

требовавшего учета особенностей рек и озер: протяженности, глубины, силы течения, аккумулировали богатые знания о способах преодоления быстрых речных потоков. Искусство плавания в озерах было предметом особой гордости школ Сасанума-рю и Такаэда-рю.

В Ивакура-рю учили преодолевать сильные приливные волны, прибой, водовороты, освобождать руки и ноги от вьющихся водяных растений. В Суйфу-рю - плавание ночью и на большом удалении от берега, плавание в штормовом океане и преодолению больших волн. В школе Суйто-рю отрабатывались прыжки с большой высоты на мелководье (при глубине не более 1 м) - полезное умение, которые могло пригодиться лазутчику, спасающемуся от погони прыжком со стены в мелководный ров. Синдэн-рю учила длительному пребыванию под водой (с оружием или без него). Главным в обучении этой школе считались плавание и ныряние со связанными руками и ногами (способ сюсюку-гарами), а также борьба с противником по захвату его плавательных средств (например, лодки). В качестве тренировок практиковалась «ика-

да-дзумо» - соревновательная «борьба на плоту», побежденным в которой признавался сброшенный в воду. Сходную направленность имела и Мукай-рю. В ней задачей преподавания являлось обучение самурая борьбе с противником в воде: освобождению от его захватов и приемам нападения. Поэтому эту школу часто называли школой водного дзюдзюцу.

Наиболее выдающиеся школы суйдзюцу доходили в разработке своих теорий до идеи морального воспитания личности посредством практики суйдзюцу и даже до философского осмысления плавания как способа постижения принципов природы для достижения гармонии с нею, самим собой и другими людьми. И это - не случайность. В контакте с такой могучей стихией, как вода, способная оборачиваться всесокрушающим цунами и гибельным наводнением, человек неминуемо задумывался над ее законами и движущими силами, буквально кожей ощущал всю пугающую мощь природной стихии и управляющие ею принципы.

Глава школы Кобори-рю, Кобори Киёдзаэмон Кацуёси, живший в трудное для воинских искусств время - во второй половине XIX в., много сделавший для сохранения и пропаганды своей школы, оставил одно из самых ярких поучений суйдзюцу «Суйтаку гёдо дзюккадзё» («Правила совершенствования на пути водной науки в 10 пунктах»):

1. Пусть главным для тебя будет честность, будь тверд в своем стремлении.
2. Тренируйся днем и ночью без усталости.
3. Отбрось корыстные устремления, следуй истинным путем суйдзюцу.
4. Постигай природу глубокой и мелкой воды.
5. Применяйся к медленности и стремительности, беспешности и торопливости потока.
6. Различай места, где нужно работать и где не

Уки-оёги («плавание с подъемами над водой»; Кобори-рю)

Хялнукитэ - способ плавания, предназначенный для форсирования рек с быстрым течением и плавания против течения (Кобори-рю)

Сокуэки - способ для плавания на мелководье, руки расположены горизонтально для ощущения дна (Кобори-рю)

Укими («поплавок»; Кобори-рю)

нужно работать.

7. Сразу определяй место для входа в воду и для выхода из воды.

8. Изучай мир в его полноте.

9. Стремись к ясности и чистоте, сторонись корыстных стремлений.

10. Никогда не забывай о Пути суйдзюцу.

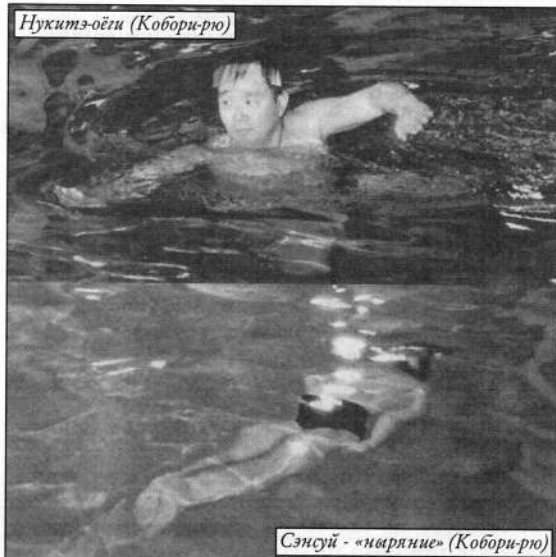
Перечисленные десять пунктов - суть правила «водной науки». Пусть «водная наука» будет твоим сегодняшним днем, а сегодняшний день - будет «водной наукой», постоянно совершенствуйся и оттачивай свое мастерство».

Возможно, именно такая трансформация суйдзюцу из чисто прикладной технической дисциплины в особый метод воспитания личности способствовала тому, что традиционное японское плавание смогло пережить эпоху Мэйдзи (1867-1911) и даже нашло себе место в школьной программе новой Японии в ви-

де специальных тестов по плаванию и особым соревнованиям. Одни такие соревнования, проходившие в 1907 г., описал Мацудайра Цунэо: «Все участники были разделены на две команды, члены одной надели красные шапочки, другой - белые; у каждого на голове была маленькая тарелочка каваракэ, завязанная под подбородком тесемкой, а в руке - соломенная палка. После команды уважаемых наставников обе стороны бросились в схватку, и на поверхности воды в тот же миг разыгралось настоящее сражение. Яростные удары соломенными мечами сыпались на участников со всех сторон. Те, у кого тарелочка на голове оказывалась разбитой, вынуждены были покинуть соревнование, а вся команда целиком признавалась побежденной, если разбивалась тарелочка на голове ее капитана. Такие соревнования обычно проводились в море или реке, где воды были достаточно глубокими».

В настоящее время суйдзюцу сохраняют многочисленные общества последователей традиционных школ и Японская федерация плавания, в которую входят Суйфу-рю, Суйфу-рю Ота-ха, Мукаи-рю, Канкай-рю, Коикэ-рю, Ивакура-рю, Нодзима-рю, Суйнин-рю, Синдэн-рю, Кобори-рю, Ямаути-рю и Синто-рю.

Нукитэ-оёги (Кобори-рю)

Сэнсуй - «ныряние» (Кобори-рю)

Путаница

Торикаэбая моногатари

Перевод М.В. Торovyгиной

Часть четвертая

1.

Распорядительница женских покоев появилась во дворце в последний день одиннадцатой луны. Принцесса все думала, как давно они не виделись и ожидала ее с нетерпением. Когда же она появится? Химэгими отправилась во дворец, переживая, что подумает Принцесса. Химэгими было больно за Принцессу и жаль ее, но найдет ли она слова, чтобы все объяснить? Принцесса лежала, страдая от болей, она была такой миниатюрной, что казалась бестелесной, она была на сносях, с большим животом. Не зная, чем помочь, Химэгими легла рядом с Принцессой и вспомнила то время, когда, бывало, лежала рядом с Ённокими, и ей сделалось грустно. Принцесса, конечно, и подумать не могла, что с ней рядом - другой человек, она, не таясь, рассказывала о том, что тревожило ее в последние дни, и Химэгими загрустила еще больше. Химэгими хотела бы открыться ей, но было и такое, чего она стеснялась, и она отказалась пока от своего намерения.

- Все это время я так тревожилась о тебе, мне так хотелось потихоньку придти и взглянуть на тебя, но я была вовлечена в дела брата, а они оказались совсем не простыми. Но мне было не по сердцу заниматься этим бесконечно.

Речами своими Химэгими так походила на Вакагими, что Принцесса ничего не заподозрила.

2.

Когда уже рассвело, Химэгими достала письмо, которое Вакагими просил потихоньку передать Принцессе. Принцесса поначалу недоумевала, но развернув письмо, узнала руку Распорядительницы женских покоев. Не понимая в чем дело, Принцесса прочла:

«Не могу и передать тебе, как велико мое волнение.

Я привык видеть тебя,
Я привык быть с тобой,
Эти месяцы и дни,
Что проходят вдали от тебя,
Как мне их прожить?»

Новая Распорядительница женских покоев теперь будет с тобой, и я надеюсь, что печаль этих месяцев рассеется, и мы снова будем вместе».

Так там было написано. Внимательно прочтя послание, Принцесса пришла в недоумение, она не знала, что и сказать, и вдруг заплакала.

Мия-но Сэндзи была дочерью кормилицы покойной государыни и состояла в доверительных отношениях с Принцессой. Поскольку среди приближенных Принцессы не было никого, кто бы мог занять место кормилицы, Принцесса безгранично доверилась ей. Сэндзи приблизилась к пологу. Принцесса сказала:

- Расскажи ей, как ты беспокоилась эти последние дни, и как тебе было трудно все это сносить.

- Эти месяцы были очень тревожными, мы не знали, к кому обратиться за помощью, что предпринять, как заботиться о Принцессе. Мы пытались что-то придумать, но Принцесса не могла придти в себя и только повторяла, что нужно дождаться вашего возвращения. Хотя кому-то и может показаться, что я нахожусь здесь всегда, но на самом деле мне приходится отлучаться, и каждую ночь я возвращаюсь к себе домой. Только вы, как здесь появились, никогда не расставались с Принцессой и, уж наверное, должны знать, что к чему. Последнее время она постоянно недомогала, мы волновались, а Принцесса тревожилась, что вы так долго остаетесь дома. Потом стало понятно, что означает ее неожиданное и необъяснимое нездоровье. Все удивились, потому что это было так неожиданно, но, как водится, мы посчитали срок и надели ей пояс. Как такое могло случиться, я не понимаю. Думаю, такого не может быть, чтобы никто ничего не знал, самой же мне ничего толком не известно, и я хотела бы спросить вас, уж я так беспокоилась, так хотела, чтобы вы пришли, уж вы-то наверняка должны знать, в чем дело. Я так волнуюсь, даже если вы тоже ничего не знаете, вы, наверняка, станете беспокоиться и разделите мои чувства, поэтому я так нетерпеливо ждала вас, - говорила Сэндзи, заливаясь слезами.

Химэгими не знала, что ответить, и какое-то время молчала, собираясь с мыслями. Она растерялась, но она привыкла быть женщиной и умела найти выход из затруднительного положения. «Если я скажу, что вовсе ничего не знала, это будет слишком больно для Принцессы. Она сейчас в таком плачевном состоянии, и я так хорошо понимаю ее». Химэгими всхлипнула. Было очень неловко, что Принцесса лежала совсем рядом и внимательно слушала, однако придет время - и все разъяснится, решила Химэгими.

- Да, я заметила кое-что странное в Принцессе, но этого это, я не знала, так что никому не сказала. К тому же я и не подумала, что это то самое, а тут случилась эта неприятная история с братом, я должна была вернуться домой, и обо всем пришлось позабыть, а там я сама тяжело захворала и несколько месяцев пролежала, не различая ни дня, ни ночи. Я всей душой беспокоилась о Принцессе, но даже письма не могла написать - так мне было плохо, и вот так, в тревоге, я провела несколько месяцев, а как только мне стало лучше, я тут же заторопилась, когда же можно будет посетить Принцессу. Как-то брат по секрету сказал мне: «Мне был сон, будто бы Принцесса понесла. Никаких подтверждений этому нет, но думаю, это так. Побыстрой отправляйся к ней и во всем помогай», - когда он так сказал, я тут же поняла, что к чему, и решила скорее отправиться к ней. Раз теперь вы все видите и знаете, то и мне радостно, что заботы выпали не одной мне, и что мне есть на кого положиться, - сказала Химэгими. Она выглядела точно так же, как раньше.

К тому же никто никогда не видел ее лицом к лицу, поскольку она всегда почтительно прислуживала Принцессе за пологом, так что никто не мог и подумать, что

она не та. Сэндзи считала, что это та самая Распорядительница женских покоев, и поняла дело так, что она сговорилась с братом и свела его с Принцессой. Долгое время Сэндзи ничего не могла понять, но теперь она приободрилась. Они стали обсуждать предполагаемое время родов. Распорядительница женских покоев была напористее, чем обычно, раньше она говорила мало и слабым голосом, теперь же она говорила так, чтобы быть услышанной и понятой, ее речь была так обязательна, что ее хотелось слушать и слушать.

- Так когда же Принцессе настанет время рожать?

- Брат говорит: «Думаю, она разрешится в двенадцатую луну».

- О боги! Тогда это может быть и сегодня, и завтра! - удивленно вскрикнула Сэндзи.

3.

Когда стемнело, пришел Вакагими. Перед этим он уже успел повидаться с Химэгими, которая потихонечку поведала ему о том, что происходит с Принцессой, о беспокойстве Сэндзи, об их разговоре. Вакагими тоже плакал. Когда сумерки ступились, и все утихло, Химэгими скрытно проводила Вакагими к Принцессе. Оба они ощущали себя будто во сне - не знали, что и сказать. Бесконечно продолжаться так не могло, но даже если Вакагими откроет все без утайки, не скажет ли Принцесса, что он рассказывает ей небывающие? И все же он решил, что не станет ничего скрывать, и рассказал ей все с самого начала. Это было так необыкновенно и странно! Принцесса же подумала: «Выходит, ему не было трудно покинуть меня. Если бы ему было жаль меня, он никогда бы вот так со мной не расстался! Он видит, в каком я ужасном состоянии, и все равно расстается со мной только затем, чтобы войти в общество. Он променял меня на других и пренебрег мною. И почему он раньше не сказал мне, в чем дело? Я бы ведь держала язык за зубами. Все эти долгие дни я беспокоилась, вспоминала, какой он нежный и заботливый. Он представлялся мне таким милым и красивым. Это правда, он не должен был заирать себя, то, что произошло, должно было произойти. Но пока я в таком положении, ему не пристало перепоручать меня другим, он должен был сам позаботиться обо мне. А он покинул меня, когда мне так плохо».

Принцессе стали ясны и жестокость этого человека, и стыд своего жалкого положения. У нее потекли слезы. Принцесса сказала то, что думала. Он опечалился, но у нее действительно были основания говорить так. Плача и плача, он объяснял, отчего пренебрег ею, но она, казалось, не слышала. Обливаясь слезами, он убеждал и успокаивал ее. Уже стало светать, и ему пора было уходить, но он так привик, что может лежать рядом с ней, будь то утро или вечер - ему было трудно расстаться. Он грустил.

4.

О Принцессе Вакагими не думал с такой страстью, как о старшей дочери принца Ёсино или о дочери Удайдзина, но эта любовь уже пережила годы, и чувство было глубоким, так что время от времени, когда тому благоприятствовали обстоятельства, Химэгими в строжайшей тайне устраивала их свидания. Принцесса страдала оттого, что он уже не любит ее по-прежнему, к тому же поползли слухи об их связи. «Какая печальная судьба уготована мне прошлыми жизнями!» - в смятении думала она. Уже близился роды, и она почти не двигалась, стало трудно скрывать ее положение, поскольку она не поднималась с постели. Все, кроме Химэгими и Сэндзи, считали, что она очень больна, так было ска-

зано и ее отцу, прежнему государю, все во дворце были опечалены.

5.

Государь очень переживал за Принцессу, к тому же он не забыл и своего расположения к дочери Садайдзина и был весьма доволен тем, что Распорядительница снова находится совсем рядом. И вот под предлогом своего беспокойства государь решил посетить Грушевый павильон. Государь появился там без всякого уведомления тихим полуднем, в совершенной тайне. Он потихоньку заглянул за занавески: Принцесса отдыхала, с головой накрывшись толстыми белыми одеждами, даже волос не было видно. Чуть поодаль прилегла и Распорядительница женских покоев, четыре ее нижних одеяния были однотонными, бледного фиолетового цвета, верхнее - с вышивкой, самое нижнее платье, тоже на подкладке, подходящее по цвету, было чуть выпущено в рукавах и вороте, она прикрыла рот. Государю показалось, что она необыкновенно красива - вокруг нее будто распространилось сияние, ее лицо было копией лица Советника, а Советник, по мере того, как становился старше, выглядел все более благородным, обворожительным и несравненным. Такую женщину встретить непросто; улыбаешься, думаешь: «Что за красота! Никогда не забудешь!» Государь был очарован.

Многие годы государь хотел увидеть эту знаменитую красавицу, однако до сих пор случая не выпадало. Как досадно, что он до сих пор ее не встречал, государь никак не мог унять волнения. Ее высокое положение не вызвало вопросов, так что познакомиться с ней не было бы предосудительным. «Ее отец не хотел, чтобы она служила мне, он почему-то посчитал, что она должна быть подалее от меня. Что если, узнав о моих намерениях, он запрет ее?» - государь разволновался, стал сам не свой, никак не мог успокоиться, его сердце пылало. Потом, решив, что соединиться с ней - его судьба, он пришел в себя и стал снова наблюдать за ней. Неразвернутое письмо в тонкой белой бумаге лежало возле Принцессы. Распорядительница чуть пошевелилась, протянула руку к письму. Когда она наклонилась, ее рассыпавшиеся волосы блеснули - они были так прекрасны, что слепили глаза, они не были слишком длинными, так, чтобы закрыть всю одежду, разве что достали бы земли, если бы она сидела, но они не были и так коротки, чтобы посчитать это за недостаток. Распушенные по подолу верхнего платья, они выглядели более красивыми, чем если бы были в два ее роста. Распорядительница чуть заметно вздохнула.

- Как грустно! И сегодня тоже ответа нет, это так печально, - сказав так, она спрятала письмо.

Государю не надо было гадать, от кого письмо, он сразу понял, что это Советник писал Принцессе. Тут вошла младшая сестра Сэндзи, Тюнагон-но Кими.

- Сюда направлялся государь, где же он может быть? - спросила она и огляделась. Она опустила полог у спального возвышения.

Государь вошел, делая вид, что он пожаловал только что.

6.

Когда государь бывал здесь, именно Сэндзи выходила прислуживать ему и беседовала с ним, но сегодня она была простужена и осталась у себя, поэтому к государю никто не вышел, все оставались полускрытыми за занавесками. У государя было ощущение, что он все еще видит перед собой Распорядительницу, ему захотелось теперь услышать ее голос.

- На службе ли сегодня Распорядительница женских покоев? - спросил он.

Она ничего не ответила, но ему показалось, что она пошевелилась.

- Болезнь Принцессы никак не проходит, как она чувствует себя сейчас? Должено ли ее отцу-государю? Читаете ли молитвы? - спрашивал государь.

Химэгими не знала, как ей следует отвечать, и от беспокойства не могла придумать, как прекратить эти распросы. Она сказала только:

- Принцессе не так плохо, но это тянется так давно, в последнее время приступы недомогания участились, уж не забы ли духи здесь! - она говорила как можно туманнее.

Государь был в крайнем изумлении, он будто бы видел и слышал Советника, ему хотелось слушать ее, пусть бы она говорила и говорила тысячу лет. Государь довольно долго задавал вопросы, на которые Химэгими вынуждена была отвечать. Она чувствовала, что ей не пристало отвечать слишком пространно, поэтому отвечала односложно, это очень печалило государя, однако оставаться здесь дальше было бы неудобно:

- Нельзя позволить, чтобы болезнь Принцессы продолжалась так долго. Нужно обязательно читать молитвы.

Только что виденный образ запечатлелся в сердце государя. Он не был слишком близок с Принцессой, но зная, как прежний государь любит ее, и уважая его чувства, государь нынешний тоже нежно заботился о ней.

Химэгими вспоминала свою прежнюю жизнь, когда днем и ночью находилась при государе, их беседы длились бесконечно, их сердца сливались в одно, наслаждались звуками кото и флейты. Теперь же из-за занавесок она еле могла слышать его голос, она была, как во сне, и грустила:

Над облаками
Свет луны
Не изменился,
И только я
Совсем не та.

7.

Химэгими волновалась: уже наступила двенадцатая луна, и Принцессе пришло время рожать. Если увести Принцессу, прежний государь, беспокойство которого растет день ото дня, может пожелать навестить ее и все поймет, а это нежелательно. Не уезжать из дворца при родах было вне всяких правил, но что поделаешь! Хорошо, что как раз сейчас много праздников. Уже совсем подошло время, и Принцесса страдала от болей, но все равно никто не был поставлен в известность. С Принцессой находились Химэгими, Сэндзи и еще две-три доверенных дамы, которые в тревоге проводили дни и ночи. Вакагими тоже продолжал тайно посещать ее, под предлогом болезни Принцессы он часто оставался ночевать у сестры. Принцесса страдала, полагая, что люди сочтут это предосудительным.

8.

Распорядительница женских покоев пленила государя, он не мог жить без нее. Когда к нему явился Советник, государь по своему обыкновению позвал его поближе и стал говорить, как бы ему хотелось встретиться с сестрой Советника. Теперь не было никакой причины отказывать государю, но поскольку Садайдзин в свое время был против этого знакомства, Вакагими отвечал так:

- Она очень застенчива, она стесняется посторонних, отец не хотел подвергать ее таким испытаниям, в этом все дело. Теперь, впрочем, она повзрослела и стала многое понимать. Я попробую поговорить с отцом.

Внимательно глядя на него, государь подумал, что он

сильно возмужал. В то же время он обладал такой блестящей внешностью... Глядя на него, государь ясно представил ее - ведь она была так похожа на него. Государь прослезился от сердечного волнения.

- Я столько раз давал понять о своих желаниях вашему отцу, но он твердо отказал. Пришлось отступить, поэтому мне трудно снова завести этот разговор, так что проводи меня к ней тайно, - сказал государь.

«Нельзя допустить, чтобы их первая встреча была обставлена с такой небрежностью, сестра должна явиться к государю во всем великолепии», - подумал Вакагими. Никак не ответив на слова государя, он почтительно вышел.

Вакагими рассказал матери о желании государя. «Теперь ведь бояться нечего. Раз таково желание государя, я вею Химэгими пойти к нему».

- Что ж, ты, конечно, можешь ей приказать, но вспомни, что мы ему всегда говорили, он может что-нибудь заподозрить. Поскольку она находится совсем рядом с государем, пусть сначала он станет посещать ее, и если на то будет его воля, он сделает ее одной из жен или даже государыней. Пусть будет именно так. А иначе люди подумают невесть что: до сих пор Садайдзин отказывал государю, почему же теперь он вдруг изменил свое мнение, - ответила мать Вакагими.

Вакагими тоже вспомнил те события, которые случились по вине Сайсё. «Что еще выйдет, если она к нему пойдет?» - думал Вакагими в сомнении.

9.

Вопреки ожиданиям Принцесса разрешилась без всяких осложнений: на свет появился очень красивый мальчик, который чрезвычайно напоминал Вакагими. Сэндзи и другие женщины смотрели на него радостно и растроганно, но поскольку о его рождении объявить было нельзя, дамы приготовились в тайне унести его. Юнагон-но Кими взяла его на руки и отнесла в дом Садайдзина. Вакагими открылся матери и попросил заботиться о младенце. Мать была очень рада и довольна и обо всем поведала Садайдзину. Садайдзин был весьма удивлен, но позвал замечательных кормилиц и нянек и приставил к внуку, о ребенке усердно заботились и растили его. Посторонним же сказали:

- Ребенка родила женщина, которую Советник посещает тайно.

В доме Удайдзина были поражены случившимся и те-рялись в догадках, когда это он успел?

Теперь муж не оставался с Ённокими в дневное время, как то бывало раньше: он потихоньку приходил, когда темнело, и уходил на рассвете. За исключением тех случаев, когда он был на дежурстве во дворце, ночью он никогда не отсутствовал. В Ёсино, поскольку это так далеко, он, как то бывало раньше, тоже часто не ездил. Но в десятый и одиннадцатый месяц он все-таки провел в Ёсино по четыре-пять дней. После этого он решил, что настало время перевезти старшую принцессу Ёсино к себе и приступил к приготовлениям.

Принцесса же после родов вдруг стала угасать, ее состояние ухудшилось, казалось, жизнь покидает ее.

- Если бы мне увидеть еще раз моего отца! А потом я стану монахиней, - повторяла она.

Видя, что надежды почти не осталось, да и скрывать больше нечего, дамы, наконец, открылись ее отцу - прежнему государю. «Она в таком ужасном положении, а я до сих пор не позаботился о ней! Я возьму ее к себе и стану за нее молиться», - решил он. Он дал знать нынешнему государю, что до нового года перевезет ее к себе.

10.

Поразительно, в какое уныние и расстройство пришел государь, получив известие об отъезде Принцессы: он подумал, что Распорядительница женских покоев отправится вместе с Принцессой. Когда к нему явился Садайдзин, государь спросил:

- Принцесса все еще больна и уезжает, отправится ли ваша дочь с ней?

- Да, вероятно. Принцесса говорит: «Как только здесь появилась Распорядительница, мне стало трудно расстаться с ней даже на самое короткое время».

- Это было бы понятно, однако учтите, что там находится и прежний государь, множество других людей также будет постоянно находиться при Принцессе, это может быть неудобным для Распорядительницы. Прежний государь уже в годах, но он очень обаятелен. Если они станут встречаться, вы, возможно, одобрите это, но, уж не знаю отчего, мне горько, что я должен оставить мысль о ней. Конечно, она мне не жена или наложница, но у нее есть служба во дворце, даже если Принцесса уедет, она могла бы остаться здесь. Если Распорядительница уедет вместе с Принцессой, мне будет так ужасно одиноко во дворце. Да и молодые люди, они оттого здесь и собираются, что здесь есть такие женщины, столь прекрасные и изысканные.

- Что ж, пожалуй, ей действительно вовсе не обязательно уезжать вместе с Принцессой. Прежний государь говорил мне, что он испытывает угрызения совести, что находится вдали от дочери, и просил, чтобы моя дочь заботилась о Принцессе, но при нынешних обстоятельствах я не вижу причин, которые обязывали бы ее оставаться с Принцессой. Я хочу, чтобы она вернулась домой, но поскольку она находится на службе и должна выполнять свои обязанности, пусть останется до первых чисел нового года.

Государь был чрезвычайно обрадован:

- Замечательно! Я так рад, что вы оставили свое прежнее мнение. У меня до сих пор нет дочери, поэтому мне одиноко. Вместо своей дочери я окружу заботой вашу, вам не следует думать, что я изменился к ней.

У государя потекли слезы. Видя, что у него такие серьезные намерения, Садайдзин был очень обрадован.

- Вы столько раз высказывали свои намерения относительно Распорядительницы, и я бесконечно рад, чувствуя, что наконец-то сбывается желание, которое вы лелеяли годами. Я отказывал вам, полагая, что она чересчур стыдлива и робка, поэтому я не мог пойти навстречу вашему желанию. И то, что вы все еще не оставили мысли о ней, наполняет меня благодарностью и радостью, - Садайдзин был так счастлив, что заплакал.

Государь же подумал: «Странно, что Садайдзин не желает представить ее людям как мою невесту. Я мог видеть ее только при тусклом освещении, но она вовсе не показала мне такой уж застенчивой. Хорошо, когда отец заботится о дочери, но если забота излишняя, то ей при появлении на людях может сделаться весьма неловко».

Государь находил поведение Садайдзина странным.

11.

Когда Принцесса уезжала в сопровождении прежнего государя, Распорядительница осталась во дворце. Вакагами сначала беспокоился, что теперь ему будет трудно встречаться с Принцессой, но Сэндзи и Тюнагон-но Кими, посвященные в их отношения, сочувствовали ему и тайно передавали Принцессе его письма. Прежний государь давно не видел дочь, поэтому все время был с ней, долгое время его терзало беспокойство, и теперь он неотлучно находился в ее комнате. Принцессе все еще было плохо, но она уже начала выздоравливать. У нее не

было желания оставаться наследницей престола, она мечтала стать монахиней и всю свою душу посвятить молитвам о будущей жизни. Она снова и снова просила отцовского разрешения, а ему было горько и грустно. К тому же, поскольку других наследников не было, он не мог ей этого позволить.

12.

Сайсё сделался как бы тенью Советника. Если только выдастся возможность, он непременно поговорит с ней! Ни о чем другом не думая, он искал удобного случая. Все считали, что прежде у них были особенно близкие отношения, но теперь все стало не так - по причине связи Сайсё с женой Советника. Вакагами не знал, что ему отвечать, если Сайсё заговорит о своей обиде, поэтому старательно избегал его. Сайсё же приуныл от своих терзаний, даже по отношению к Ённокими он не испытывал прежнего сострадания и жалости.

Саэмон думала: «Советник больше не посещает Ённокими открыто, но на самом деле каждую ночь, как и раньше, он проводит с ней, в этом, конечно, причина того, что Сайсё теперь не показывается здесь».

Даже раньше, когда они проводили время в беседах, Ённокими боялась, что муж огорчится, если узнает о ее связи с Сайсё - связи, к которой у нее не лежало сердце. Теперь и подавно - ему будет нестерпимо стыдно и горько, если он узнает, что она хоть что-то скрывает от него. А потому она и не думала хоть одной строчкой отвечать на письма Сайсё, но это не слишком его печалило, и Саэмон рассудила: «Он стал так странно спокоен, ну и сердце у него!»

13.

Вакагами надеялся, что еще в этом году перевезет к себе принцессу Ёсино. На Второй линии в районе реки Хорикава на участке, занимавшем три квартала, он развернул строительство и воздвиг грандиозную усадьбу, которая была просто великолепной. Именно Ённокими должна была бы переехать сюда хозяйкой, но Вакагами мучила эта ее история с Сайсё. Что станут о нем думать, если он поселит ее здесь хозяйкой? Конечно, у нее такие нрав и внешность, что и в будущем он станет заботиться о ней и никогда не оставит ее. Принцессу Ёсино Вакагами считал несравненной, в ней все было замечательно, в утонченности, благородстве и обворожительности никто ей не ровня, но все же по свежести, изяществу и меланхолии вряд ли кто-то может сравниться с Ённокими. Вакагами никак не мог разобраться, кто лучше, но как бы там ни было, он не забывал свою обиду на Ённокими, и на сердце становилось как-то тоскливо и холодно. Принцесса, дочь прежнего государя, - происхождения высочайшего, но это единственное ее достоинство: когда Вакагами пришлось с ней объясняться, он не нашел в ней ни доброты, ни понимания. Вакагами много передумал, на сердце у него было беспокойно.

14.

Настал Новый год, придворная жизнь, как всегда, была ключом. Придворные собирались вместе и предавались веселью как ни в чем ни бывало, будто бы никакие заботы не тревожили их. Но ни новогодний пир, ни другие увеселения не трогали сердце государя, он грустил, поскольку никак не мог забыть лицо Распорядительницы женских покоев.

Но вот наконец утих шум торжеств по случаю празднования Нового года. Государь неподвижно стоял, прячась возле Сверкающего павильона. Он слушал тихие звуки тринадцатиструнного кото. Он был зачарован. После того, как мелодия «Щебетание камышевки» была

повторена дважды, музыка прекратилась. «Она играет на кото точно так же, как Советник, какая трогательная связь между братом и сестрой!» - подумал государь. Решетки были уже опущены, но двусторчатая боковая дверь еще не была заперта. Порыв ветра приоткрыл ее, государь обрадовался и вошел незамеченным. Он укрылся в темном углу и увидел: две дамы играют в го. Распорядительница прилегла за пологом, уронив голову на кото, она безотчетно перебирала струны, и смотрела не отрываясь на светильник, она думала о чем-то грустном, и была прекрасна, как никто. Она рядом, в одном дворце с ним, а он до сих пор жил с сознанием, что она где-то далеко! - обрадовался он своему открытию. Пусть люди станут упрекать его, но он решил, что эту ночь он проведет с ней, он был так взволнован и хотел только одного: чтобы дамы, которые находились при ней, поскорее заснули.

Химэгими продолжала с тоской думать о том, что она пережила, когда расставалась со своим ребенком, что было у нее на сердце, когда он, такой безответный, улыбался, встречаясь с ней взглядом... Вспоминая его, она печалилась и грустила.

Все связи
Так печальны
В этом мире.
И так печальна в нем
Моя судьба.

У нее градом текли слезы, она с головой закрылась одеждами и лежала неподвижно. Дамы, игравшие в го, закончили.

- Должно быть, заснула, - дама отодвинула светильник подальше. - Дверь еще не заперта.

Одна из дам приблизилась к тому месту, где стоял государь. Он в беспокойстве затаился в темноте. Дама заперла дверь.

- Странно, у меня какое-то неприятное ощущение - будто здесь кто-то есть.

Дама быстро вернулась в комнату, все улеглись спать.

15.

Государь огляделся, возле полога никого не было. Непринужденно и спокойно он приблизился к Распорядительнице, подняв покрывало и лег с ней. Она еще не успела заснуть как следует и рассердилась - подумала, что это Сайсё, ей и в голову не могло придти, что это кто-то другой. Несмотря на досаду, она не шевельнулась, чтобы натянуть на себя покрывало. Государь же разделял ее и плакал, говорил о том, как долгие годы мечтал о ней, но ее отец ни за что не соглашался, и потому он ужасно печалился, рассказывал о том, как впервые мельком увидел ее возле постели заболевшей Принцессы. Химэгими удивилась: она-то рассердилась - думала, что это Сайсё, но теперь она поняла, кто это. «Если государь раскроет мою тайну, он не станет вникать в мое положение и осудит меня. Увидев же, что я не девиственница, он еще больше будет презирать меня, и тут же бросит. Как горько и стыдно! Лучше бы мне вовсе не оставаться в этом мире, пусть бы мои следы затерялись, как я того и хотела. Но Вакагими печалился из-за этой истории с Принцессой, хотел, чтобы я стала его поверенной. Теперь же мне досадно и горько - зря я согласилась. Почему я не последовала за Принцессой? Отец считал, что на Новый год нужно оставаться на службе, да и дамы жаловались, что им будет скучно. Теперь придется оставаться здесь до праздника в храме Ивасимидзу¹, но потом сразу же вернуться к отцу!» На сердце у Химэгими

было тяжело, но она никак не могла отогнать от себя эти тревожные мысли, слезы текли из ее глаз.

- Милая, не надо так. Знай - это судьба. Проникнись моими чувствами, тогда ты поймешь, что все хорошо, - плача и плача говорила государь. Он был неподражаем.

Давным-давно, когда Сайсё впервые сжал ее в своих объятиях, она ощущала себя мужчиной - красивым и сильным, но сопротивляться все же не могла. Теперь она была обыкновенной женщиной, и ей не хотелось показаться бесчувственной. Хотя ей совсем не хотелось сдаваться, но ей было не убежать. Государь крепко обнял ее - не вырваться, ей было непереносимо стыдно, она хотела закричать, но государь вовсе не должен стесняться людских глаз, даже если кто-то прибежит на ее беспомощные крики, что с того? Государя никто не осудит, так что следовало покориться.

16.

Вблизи Распорядительница показала государю еще более прекрасной. Он хотел любоваться ею даже при свете дня, он не хотел и думать, чтобы расстаться с ней даже на мгновение. «Что это? Теперь понятно! - государь почувствовал, что она уже любила и не была девственной, к его любви примешалась горечь. - Вот почему ее отец обязательно хотел держать ее подальше от меня и определил ее на такую странную должность. Его положение было щекотливым, он и вправду не мог сказать, в чем дело, ему было ужасно стыдно, вот он и отнекивался. Но как могло такое случиться, и кто этот человек? Верно, нет мужчины, который, увидя ее хоть раз, решил бы оставить ее. Ее отец все знал и отказал мне. Должно быть, это какой-нибудь глупый юнец, которому все ни почем». Государь был раздосадован, даже если бы случилось что-нибудь ужасное, он ни о чем другом не смог бы думать. Он посмотрел на нее. Ее красота потрясла его. Он почувствовал, что перестает ощущать ее греховность, ее вина таяла и исчезала. Обливаясь слезами, он молил о том, чтобы их любовь продлилась и в следующей жизни. Разумеется, государь ничем не показал, что недоволен и осуждает ее, но Химэгими все поняла сама, она чувствовала безысходность и стыд, капельки пота и слезы сливались в ручейки, ей было тяжело.

Беспокоясь, что дамы заподозрят что-то, государь собрался уйти. Он выразил свою любовь так, как никто другой.

На реке Мицусэ
Брода
Не знает никто,
Но в будущей жизни
Быть вместе - наша судьба.

- Давать любовную клятву лишь на эту жизнь - слишком мелко, но что нас ждет? - когда государь произнес эти слова, слезы падали из его глаз капля за каплей.

Химэгими не находила слов, чтобы ответить, она смутилась и растерялась.

- Я не уйду, пока не услышу от тебя хоть одно слово, - сказал государь, пытаясь успокоить ее.

Я в следующей жизни
Не знаю
Места встречи.
Но в этой жизни
Грустна моя судьба.

Боясь, что государю покажется странным, что это тот самый голос, который он привык слышать днем и ночью, она говорила тихо и невнятно, но это было так об-

¹ Праздник в храме Ивасимидзу посвящен богу Хатиману, проводится в середине третьей луны.

ворожительно, что он хотел слушать ее бесконечно. Государю казалось, что он не сможет покинуть ее даже на минуту. У него было такое чувство, что даже когда он уйдет, часть его самого останется с ней, он снова и снова повторял свою любовную клятву.

Он вышел в боковую дверь, в которую вошел вчера вечером.

17.

В эту ночь государя сопровождала только Тюдзэ-но Найси. Утомившись от ожидания, уже на рассвете, расстроенная и усталая, она заснула. Государь разбудил ее, и они вернулись. Государь тихо вошел в опочивальню. Образ Химэгими, это чудное ощущение от ее прикосновений никак не покидали его. О, милая! Если бы еще раз свидеться с ней! Теки слезы. Поскольку рядом не было никого, кто отнес бы его письмо, он приказал Советнику немедленно явиться.

Даже Сайсё, который не пропускал ни одной женщины, позабыл про Ёнокими и всех остальных, с кем связывала его любовь, все вздыхал по Химэгими - уж такая она была. Так понятно, что и государь после первой встречи не мог вынести разлуки.

Явился Советник. Он был так хорош собой, что государь застенялся. Он хотел показать, что дело, которое он поручает Советнику, - самое обыкновенное, он вытащил из-за пазухи большой пакет - письмо было завернуто в плотную бумагу, словно письмо - самое заурядное послание:

- Я когда-то просил разрешения вашего отца написать письмо Распорядительнице женских покоев, но до сих пор было как-то недосуг. Сегодня - благоприятный день, так что поскорее принесите ответ. Если я отправлю письмо с дворцовым слугой, Распорядительница может подумать, что я делаю это втайне от отца, и не будет знать, как поступить, ей будет трудно ответить сразу, поэтому я прошу вас.

Вакагими отправился с письмом к сестре. Государь вел себя как-то странно, и Вакагими пришло в голову, что, может быть, он уже повстречался с Химэгими.

18.

Когда Вакагими пришел в Сверкающий дворец, дама по имени Дайнагон-но Кими сказала:

- Распорядительница с ночи чувствует себя нездоровой. Она еще в постели.

Вакагими удивился:

- Скажите мне, что случилось? Она что, простыла?

Поскольку Химэгими не была больна, она поднялась с постели:

- Просто в груди что-то побаливает.

Ее лицо покраснело, должно быть, она плакала. Вакагими подумал, что, возможно, и вправду государь был с ней. Ему было очень любопытно, что ей написал государь. Он подошел к сестре.

- Государь пригласил меня сегодня утром к себе и поручил, чтобы я сам передал тебе письмо. Он хочет, чтобы ты прочла письмо и ответила сразу.

Химэгими очень хотелось, чтобы никто ничего не узнал, но раз Вакагими так говорит, должно быть, он обо всем догадался. Она ощутила ужасную неловкость - хоть лица не показывай, но что толку строить из себя невинность? Она покраснела, взяла письмо, но не открыла его.

- Государь сказал, чтобы я обязательно принес ответ. Он намеренно отправил именно меня. Если я вернусь с пустыми руками, как я посмотрю ему в глаза? - настаивал Вакагими, понуждая ее прочесть письмо.

Химэгими улыбнулась:

- Ты говоришь так, будто ты мне чужой. Государь хорошо знает мой почерк. И только он взглянет на ответ, он тут же заподозрит неладное, что тогда делать? К тому же отец может честь неподобающим, если я напишу письмо без его ведома. Я не хочу, чтобы он рассердился - пусть даже государь и хочет, чтобы я ответила немедленно. Так что скажи ему только, что я получила его письмо.

Вакагими подумал, что она, может быть, и права:

- Да, конечно, сразу ответить - дело непростое. Но, может, все-таки прочтешь письмо?

Вакагими напустил на себя равнодушный вид, но на самом деле его одолевало любопытство. Химэгими покраснела. Понимая, что открыть письмо было бы опасным, она спрятала его. И у нее были основания для этого. Вакагими ушел ни с чем.

19.

Государь ждал ответа напрасно, когда он понял это, его взяла досада: ему было нестерпимо трудно выносить разлуку, но он заставил себя казаться равнодушным.

«Она ведет себя, будто это какие-то забавы. Впрочем, этому действительно не стоит придавать чрезмерного значения», - подумал государь. Он выглядел очень грустным и растерянным, после долгих размышлений он написал еще одно письмо.

Государь не стал откровенно рассказывать Советнику о том, что произошло ночью:

- Я лишь мельком видел ее, мне кажется, это была она, при тусклом свете лампы она была так прекрасна - я подобной еще не встречал. Удивительно, но у меня такое чувство, что этот образ все еще со мной. Я искренне люблю ее и думаю только о том, что же теперь делать, ведь ваш отец наотрез отказал мне. Сделать вид, что я об этом просто не знаю, и сблизиться с Распорядительницей было бы безумием, мне пришлось отступить. Но вдруг я понял, что до сих пор ничего подобного не чувствовал, а значит нужно что-то предпринять. Я знаю: ты понимаешь, что я имею в виду. Вчера ночью я случайно подглядел за ней, а сегодня вечером ты должен проводить меня к ней! - у государя текли слезы.

«Значит, я оказался прав, вряд ли можно предположить, что государь просто подсматривал. Да и Химэгими выглядит очень странно, здесь что-то не так», - подумал Вакагими. Государь показавшись Вакагими влюбленным в Химэгими без памяти, это чрезвычайно обрадовало его. У нее, безусловно, безупречное происхождение, так что она имеет все основания для того, чтобы стать государыней, однако государю позволили сойтись с ней без соответствующих приготовлений, и это очень расстраивало Вакагими.

«Раз так, для начала доставлю письмо», - уходя, подумал Вакагими.

Поскольку дело было слишком серьезным, Вакагими без утайки поведал обо всем отцу: и выглядят они оба как-то странно, и сам государь говорил то-то и то-то. Садайдзин подумал, что, видно, так и должно было случиться, и очень обрадовался. Он столько лет переживал из-за своих детей, и теперь известие Вакагими сделало его счастливым. Не показывая, что ему что-то известно, он надарил Химэгими нарядов и других приличествующих случаю вещей - еще более великолепных, чем обыкновенно. Все в комнате, вплоть до занавесок, было приведено в порядок и украшено соответствующим образом. Годами Садайдзин вкладывал всю душу в заботы о дочери и переживал, что ее служба такая незаметная, и вот наконец его сердце наполнилось гордостью, ведь сам государь посещает ее.

20.

Любовь государя становилась все сильнее. В нраве и облике Химэгими не было ни малейшего недостатка, она обладала всем необходимым, чтобы занять место государыни, и все же одно обстоятельство тревожило сердце государя: «О ее бывшей связи не известно широко, может быть, всего две-три дамы и знают, и уж наверняка, даже если они и вспомнят об этом, они не из числа моих жен или наложниц. Так как она служит при дворе, я смогу посещать ее тайно, а потом - как сердце подскажет, нет никаких препятствий для того, чтобы она стала государыней».

Таиться было нечего, государь стал посещать Химэгими даже днем. Вскоре она тоже стала бывать у государя ночью. Государь вел себя так, будто кроме нее никого другого и нет. Радости родственников Химэгими не было конца.

21.

В усадьбу, которую Вакагими выстроил на Второй линии, в десятых числах третьей луны должна была прибыть принцесса Ёсино. Находясь десятого числа в Ёсино, Вакагими беспокоился о том, что после отъезда дочери принц-отшельник почувствует себя еще более одиноким и станет грустить, поэтому Вакагими всячески старался угодить ему. Он подарил принцу земли, которые имел в этих местах, и делал все, чтобы как-то поддержать принца и развеять его тоску. Однако принц сказал:

- Простите, но у меня совсем другие намерения. До этого времени я был, как говорится, стреножен. Поневолу я вел себя так, будто был недалеко от горестей этого мира, и поэтому мое жилище было расположено так к нему близко. Но теперь я свободен от пут и не сожалею об этом, всем сердцем желаю одного: чтобы мои следы затерялись в горах, где слышны лишь голоса птиц. Вы очень добры, но все это мне ни к чему, - сказал принц и вернул Вакагими его дары. Он стал готовиться к тому, чтобы уйти далеко в горы.

Младшая сестра могла бы не торопиться уезжать, но если бы она осталась здесь хоть ненадолго, старшая чувствовала бы себя без близких совершенно одинокой. Да и принц тоже решил: лучше, если она уедет вместе с сестрой, он не должен будет больше заботиться ни об одной из них. Принц не позволял остаться с собой даже совсем пожилым дамам, что было бы вполне естественно, и попросил даже их покинуть его.

Вакагими и старшая принцесса Ёсино уселись в экипаж. За десятью экипажами, запряженными быками, следовали девочки и младшие служанки. Величественная и живописная процессия двинулась от тротниковой хижины прочь. В этой процессии находились придворные высоких рангов, даже пятого и шестого. Придворные дамы среди своих родственников нашли достойных служителей принцессе Ёсино. Экипаж младшей принцессы Ёсино следовал несколько поодаль, в ее процессии было всего три экипажа, но сопровождающих было вдоволь. Престарелые дамы скрытно следовали за младшей принцессой, став частью ее окружения. Принц Ёсино на провах этой пышной процессии казался очень довольным. Он пребывал в успокоенном и проясненном состоянии, наконец-то он был один, теперь он полностью сможет отдаться служению Будде, желание, которое он вынашивал годами, исполнилось.

Переночевав в Нара, на следующий день они прибыли в усадьбу на Второй линии. Она занимала три квартала, глинобитные стены с двухскатным черепичным козырьком делили ее на три участка. Они остановились в главном здании, который располагался в центральной

части. В той части усадьбы, которая выходила на улицу Тоин, Вакагими собирался тайно посещать Ённокими. Домом, обращенным в сторону реки Хорикава, станет пользоваться Химэгими. Когда она будет уезжать из дворца, там же может жить и Принцесса, дочь прежнего государя. Прибывшая процессия выглядела великолепно. В доме Удайдзин все было очень настроено - решение Советника сделать хозяйкой принцессу Ёсино стало для них неприятной неожиданностью, но, безусловно, упрекнуть его было не в чем, поскольку он был прав.

22.

Ённокими снова забеременела в двенадцатую луны. На этот раз никаких сомнений в отцовстве не возникало, но она все равно была угнетена и пыталась скрывать свое положение. А потому, когда все открылось, все были удивлены. Начали читать молитвы и сказали Садайдзину. Поскольку это несомненно был ребенок Вакагими, Садайдзин был доволен, он тоже заказал молебны. Когда Удайдзин узнал об этом, его сердце наполнилось счастьем. Хотя раньше Вакагими и досадовал, считая, что Ённокими виновата перед ним, поскольку отцом ее прежних детей был Сайсё, теперь он жалеет и любил ее все сильнее. Ему, правда, было немного жаль, что беременна именно Ённокими, положение которой было отягощено известными обстоятельствами. Хотя мальчик, живущий у Садайдзина, обещал стать настоящим аристократом, Вакагими думал: «Мы не открыли, кто его мать, поэтому, естественно, свет решит, что он не слишком важная персона. И отчего не забеременела принцесса Ёсино? У нее не было бы никаких сложностей»...

Вакагими расстраивался, что принцесса Ёсино никак не забеременеет. Он даже хотел взять у родителей своего сына и отдать ей на воспитание, однако дед с бабушкой не хотели и слышать о том, чтобы хоть на время расстаться с ребенком, а Садайдзин впадал в беспокойство, даже когда Вакагими просто навещал его.

Химэгими забеременела весной. Безграничная любовь государя становилась все сильнее, ни одна из его многочисленных жен до сих пор не принесла потомства, наследного принца не было, поэтому о ниспослании сына молились в храмах столичных и горных. Как все обрадуются мальчику! Если родится наследник престола, Садайдзин и Вакагими станут первыми людьми в государстве.

23.

Шло время. Сайсё гадал: если бы он не знал, где находится Советник, ощущал бы он такую же тоску, был бы он так же несчастен? Отчего, став женщиной, и утверждая, что снова измениться уже не сможет, она опять стала мужчиной? Пусть она считала его недостойным и жестоким и отвергла без сожаления, но ведь она рассталась и с ребенком, не видится с ним и ничего о нем не желает знать. Как она бесчувственна! Ему хотелось хоть раз высказать ей все свои упреки. Однако теперь у него с Советником были такие холодные отношения, что все недоумевали. И если у Сайсё не было какого-то дела, он не смел и приблизиться к Советнику. Что до Советника, то во дворце, да и повсюду, он держался так отстраненно и высокомерно, что невозможно было себе даже представить, что этот человек - его бывшая любовь, заговорить с ним просто так было невозможно. Но Сайсё все-таки писал ему, хотя ответы на его письма были такими холодными, будто ничего между ними и не было. Сайсё овладела печалью, он не понимал, что происходит, даже когда он был в обществе, ему всегда было грустно, и от его прежнего легкомыслия не осталось и следа, он стал серьезен. И хотя Ённокими

прервала с ним всякие отношения, это не особенно расстроило его. Когда Сайсэ слышал о том, как удивительно счастливо сложилась судьба Распорядительницы женских покоев, он вспоминал, что брат с сестрой были удивительно похожи - он узнал это еще той ночью, когда он напрасно уговаривал ее, но сразу после этого на ее месте оказался Советник, и тогда Сайсэ успокоился и перестал горевать о ней, хотя он и думал, что она станет вспоминать его как неудачника и глупца, и теперь, когда она заняла такое недостижимо высокое положение, он думал об этом с горечью.

Шли дни, проходили месяцы, и Сайсэ видел, как его сын прибавляет в росте и красоте. Сайсэ полагал, что и вовсе пропал бы, если бы у него не было этого ребенка, а еще он думал: как было бы хорошо, если бы они жили вместе с его матерью, вели бы задушевные беседы, пребывали в согласии и растили это дитя! От своей тоски Сайсэ перестал выходить из дому, ни днем, ни ночью не расставался с сыном, играл с ним и так проводил восходы и закаты, хотя сам считал, что так не делают.

24.

«Она оставила меня и разбила мое сердце, но что же тут поделаешь? Жаль, я пренебрег Ённокими - той женщиной, которая чувствует так же, как я, женщиной, которая разделила мою любовь. Я посчитал, что из-за этой связи мне будет стеснительно бывать в свете, я не виделся с ней уже несколько месяцев, будто она мне чужая», - Сайсэ не находил себе места и никак не мог успокоиться. И вот он написал обстоятельное письмо Саэмон:

«Беспокойство не оставляет меня уже долгое время, мне есть о чем с тобой поговорить. Что если я потихоньку навещу тебя, приехав в женском экипаже? Если это неудобно, ты совершенно спокойно можешь прийти ко мне, в доме нет женщин».

Писем от Сайсэ не было уже давно, и Саэмон досадовала на то, как жестоко он оставил Ённокими. Поэтому теперь она удивилась письму, в котором Сайсэ без утайки расписывал свои несчастья. Сердце Саэмон расстрогалось, она ответила, что хочет рассказать ему, как невыносимо тяжелы были эти месяцы, и хотя, если кто-то об этом узнает, будет скверно, она все же потихоньку навестит его. Сайсэ обрадовался и стал ждать ее, в тайне от всех он послал за ней экипаж. Только Ённокими она поставила в известность, что отправляется к Сайсэ. Для всех других она отправилась домой.

Сайсэ думал с тоской: «Целые месяцы я был нездоров, не мог побороть свое смятение, я никуда не выходил, жил, будто не в себе. А ведь Ённокими явно привязалась ко мне, а теперь она считает, что я почему-то вдруг изменился к ней, что на меня нельзя положиться. Мне не за что упрекнуть ее, и я страдаю. Неужели мы с ней ни разу больше не встретимся!»

Пока он думал только о Химэгими, все другие, казалось, без следа исчезли из его сердца, но стоило ему снестись с Саэмон, как воспоминания обо всем, что было связано с Ённокими, окутали его. Обливаясь слезами, он произнес:

- Не может быть, чтобы в ближайшее время не представилось удобного случая, прошу тебя, устрой так, чтобы я мог увидеть ее, - его слова шли из глубины сердца.

Саэмон было искренне жаль его, она заплакала и сказала:

- Все эти годы Советник искренне любил ее. Он всегда отзывался о Ённокими с уважением, они беседовали с нежностью, но настоящей близости, такой любви, как нынче принято, он боялся больше, чем это можно себе представить. Они разговаривали, будто подруги, так они и жили. Мне было стыдно, но я пожалела вас, когда уви-

дела, как вы сторааете от любви и нетерпения, у меня слабое сердце, много раз я провожала вас к ней. Уж и не знаю, что там случилось, но только после того, как Советник вернулся, он делает вид, будто стесняется ее - приходит тайно, не остается на день, но любовь их совсем не та, что была раньше, она окрепла, они выглядят близкими людьми, да к тому же зимой она забеременела, и его любовь от этого сделалась еще сильнее. Садайдзин и другие не особенно радовались прежним двум дочерям, а сам Советник и вовсе ушел из дому, но на сей раз нет сомнений в том, что отец. Советник очень волнуется за Ённокими, старается как можно больше быть с ней. Удайдзин тоже счастлив. Ённокими считает, что будет очень горько, если кто-нибудь из них заподозрит ее хотя бы в мимолетном увлечении, поэтому-то она и сказала мне: «Не знаю, стану ли отвечать на письма Сайсэ, но уж точно не стану встречаться с ним». Если уж она и о письмах слышать не желает, то что уж там говорить о свидании. Хотя теперь Советник любит Ённокими еще сильнее, но все же он в обиде на нее за связь с вами, главной женой он сделал принцессу Ёсино, а Ённокими сделал второй женой. За те годы, что они провели вместе, он привык к ней, жалеет ее и не может оставить. Думаю, что если бы не эта связь с вами, Советнику и в голову не пришло бы, что кто-то может сравниться с Ённокими. Так что в вас причина того, что он отверг ее как жену и обошелся с ней жестоко, думаю, вы принесли ей одни несчастья. Я и раньше сожалела о том, что делала, а уж теперь и подавно, - сказала Саэмон.

Саэмон была еще юна и, естественно, горевала, видя, что другая женщина оттеснила ее хозяйку. Сайсэ ответил только:

- Мне понятно, почему Ённокими так считает, но почему и ты так строга ко мне? Не ожидал!

Когда Сайсэ слушал рассказ Саэмон про то, что Ённокими забеременела, он никак не мог понять, что все это значит, и совсем растерялся. Только он хоть на чуть-чуть оставил своими мыслями Химэгими, как снова тоскует о ней. Это было невыносимо, он почти ничего не говорил, вид у него был растерянный, в мыслях - смятение:

- Что ж, уже стемнело. Тебя хватают, - сказал он. - Возвращайся обратно.

25.

Мысли Сайсэ смешались. Он плакал уже не об одной Химэгими, но и об очень многом другом - чего и не высказать. Утопая в реке слез, он встретил рассвет. «О, если бы хоть раз оказаться с ней рядом, поговорить с ней, посмотреть на нее!» - думал он.

Теперь он решил оставить свое затворничество. Сайсэ узнал день, когда Советник должен был обязательно явиться во дворец, и отправился туда. Будто невзначай, он остановил взгляд на Советнике. Тот, как и следовало ожидать, повел себя так непроступно и холодно, что и не говоришь. Сайсэ почувствовал себя отвратительно. В связи с нынешним положением своей сестры, Распорядительницы женских покоев, Советник постоянно находился во дворце. Сайсэ выслеживал его и ходил за ним тенью. Вакагими находил это неподобающим. Младшая принцесса Ёсино очень грустила, и Вакагими думал, как с ней быть. Сайсэ не встречался больше с той, что разделила его любовь, и забыл ту, о недостижимости которой вздыхал, он оставил прежнюю легкомысленность и стал серьезным. «А что если разрешить ему увидеть младшую принцессу Ёсино? У Сайсэ такое чувствительное сердце, если он ее увидит, влюбится всерьез». Однако вспомнив то, что произошло между Сайсэ и Ённокими, он подумал: «Нет, глупо позволить ей привязаться к такому человеку!»

26.

В двадцатых числах четвертой луны, когда праздники Камо² закончились, и во дворце наступила тишина, Вакагими вспомнил, как Химэгами как-то при случае рассказывала ему о даме из Живописного павильона, и отправился туда. Женщина не забылась о тех ночах, когда мужчина на удивление нежно беседовал с ней, даже когда он исчез неизвестно куда, она вспоминала о нем с печалью, тоскою и грустью. И в эту ночь она в задумчивости глядела вдаль, и вдруг поняла, что перед ней в ночной темноте вырисовывается его лицо. Хотя она была в обиде на него за те месяцы, когда от него не пришло ни одной весточки, ее сердце забилось, она хотела что-то сказать, но так разволновалась, что не могла произнести ни слова. Ей хотелось, чтобы он понял: она его заметила, - и она со вздохом прочла:

Ты, кажется мне, тот,
Кого я жду.
Я вспоминаю
Ночь,
Когда увидела луну.

Услышав стихотворение, Вакагими подумал, что, это, должно быть, та самая женщина, его охватило то же желание, что и ее, он приблизился.

Что ж, я не удивлен -
Луну,
Что ночью
Вместе видели,
И я не позабыл.

Его голос и облик были неотличимы от Химэгами даже для тех, кто привык слышать и видеть его днем и ночью, а малознакомому человеку ничего другого и в голову не могло придти. Как и раньше, он стоял и нежно разговаривал с ней. Она была совершенно за себя спокойна: в прошлом она привыкла проводить с ним вечера именно таким образом, отчего бы теперь ему вдруг повести себя легкомысленно, в обычной для этого мира манере? Вакагими нашел ее более привлекательной, чем он ожидал - очень нежной и милой. Ему не хотелось покидать ее, он тихонько проскользнул в ее комнату и закрыл за собой дверь. Она была удивлена и озадачена.

- Я не ожидала, что вы так нетерпеливы, - она побледнела, но он был так сдержан, что она забыла про свое беспокойство.

Он успокоил ее, и вот уже между ними не осталось преград. Что она могла поделать! Месяцами она с грустью думала о нем, она сама заманила его своим стихотворением. Какая досада! Она расплакалась. Вакагими же подумал, что хотя она и не принадлежит к его кругу, но все равно она вполне привлекательна, и, похоже, она не из тех, привыкших ко всему женщинам, что служат во дворце. Он был огорчен, понимая, что она не может стать одной из его жен, но он не сможет и сразу забыть ее. Вакагими говорил с ней нежно и сердечно.

27.

Им не пришлось ждать наступления рассвета слишком долго. Женщина, естественно, чувствовала себя весьма неовко. Вакагими был растерян. Он тихо открыл дверь, месяц был все еще виден, свет проникал в каждый уголок комнаты. Нечего и говорить - мужчина был бесприммерно прекрасен. Женщина тоже была очень изящна, она расположилась сразу за раздвижной две-

рю. Вакагими было трудно попрощаться с нею, он медлил.

А в это время Сайсё по своему обыкновению кралясь тенью за Вакагими. Когда мужчина стал что-то тихонько говорить, Сайсё прятался за углом и подслушивал. Это был голос Химэгами! Обрадовавшись, он прислушался внимательнее. Мужчина очень нежно говорил о том, что долгое время они были просто друзьями, но теперь так случилось: они «перешли перевал встреч», поэтому впредь им придется беречься людских глаз, он не сможет вести себя только по велению сердца. Женщина горько плакала - боялась, что это их последняя встреча, но даже если они поддадутся желанию, увидеться будет все равно неспросто. Они говорили друг другу о том, как это тягостно, и мужчина никак не мог уйти. Сайсё внимательно слушал: «Не может быть! Что все это значит? В последние месяцы Советник без всякого разбора стал вести беседы с самыми разными придворными дамами, он утерял всю свою прежнюю серьезность. То он разговаривает с Тюдзё-но Найси, которая служит государю, то с Сайсё-но Кими, которая раньше служила Распорядительнице женских покоев. Люди шепчутся, что когда он бывает на ночной службе во дворце, то останавливается и заговаривает с дамами без всякого повода. Наверное, это преувеличение, чего только не напридумывают люди, это просто невозможно. Но услышанное мною так удивительно, я будто во сне, может ли такое быть, что это не она?» - Сайсё напрягал зрение, желая рассмотреть мужчину.

Вакагими сложил:

Пусть рассветло,
Но, видишь, месяц-тень
Хранит мою любовь.
До следующей встречи
Пусть он напоминает обо мне.

Догадавшись по шороху, что он потихоньку уходит, женщина прочла:

Печальна
Жизнь моя.
Должно быть, оставаться в мире
Мне не дольше,
Чем месяцу, когда уж рассветло.

28.

Она была очень грустна, но поскольку стало совсем светло, он ушел, так, кажется, и не дослушав. Сайсё увидел его, ошибиться было невозможно, это была Химэгами. Когда мужчина проходил мимо, Сайсё не смог сдержаться своего изумления и схватил его за рукав одежды.

- Кто здесь? - Вакагими вздрогнул и обернулся.

Это был Сайсё. Быть замеченным в подобном легкомыслии именно им было еще более досадно, чем если бы на его месте оказался кто-то другой. Вакагими остановился и повел себя так, как будто ничего и не случилось. У Сайсё ручьем текли слезы:

- Ты ведешь себя так, как будто мы не знакомы, я тебе чужой, мы живем врозь, ты обо мне не думаешь. Я так переживаю, я вовсе не хотел заговаривать с тобой, но сердце не повинуется мне, мне так не терпится, что я делаю это вопреки самому себе.

Вакагими улыбнулся:

- С кем это ты провел сегодняшнюю ночь, что не можешь успокоиться? По правде говоря, мне хотелось бы поговорить с тобой спокойно. В самом деле, когда мы были молодыми придворными, мы могли запросто бе-

² Праздники Камо - праздники в святилищах Камо (Верхнем и Нижнем храмах) - самые значительные храмовые праздники этого времени.

седовать о чем угодно и в любой ситуации, даже подобной нынешней, но теперь мы оба достигли высоких чинов, поговорить запросто уже не удастся. У тебя есть причины думать, что я невнимателен к тебе. Прости меня, я найду возможность встретиться, и мы поговорим.

Хотя находясь на некотором отдалении его нельзя было отличить от Химэги, но при разговоре с ним, когда Сайсэ оказался так близко, он смотрелся настоящим мужчиной. Изумленный Сайсэ все не отпуская рукава Вакагами. После того, как они расстались, Сайсэ ни разу не видел Советника так близко. Уже совсем рассвело, небо было чистым, и Сайсэ внимательно рассматривал его лицо. И тут он вдруг заметил следы усов. «Боги! Кто это? Если это не она, куда она пропала?» - Сайсэ никак не мог решить, кто перед ним, и не отрывал взгляда от Вакагами. Воображая себе, какие мысли проносятся в голове Сайсэ, Вакагами, естественно, ощущал неловкость. Было уже совсем светло, сцена выглядела неприличной. После этого Вакагами отправился в Сверкающий дворец, разбудил дам и отправился встретить сестру.

29.

Сайсэ все возвращался мыслями к своему необычному открытию. Он понял, что прежний Советник и Советник нынешний - лица разные. Но от этого его страсть только усилилась. «Ах, если бы еще раз спокойно с ней встретиться, рассказать все, что у меня на сердце, посмотреть на нее! Так или иначе, этот человек должен быть одной с ней кровью!» - думал Сайсэ. Только задул принесший прохладу вечерний ветерок, как Сайсэ был уже у Советника в его особняке на Второй линии.

В это время сам Вакагами находился в доме Удайдзина, на Второй линии было безлюдно и тихо. Раздосадованный Сайсэ хотел уже было уйти, как услышал доносимые ветром тихие и несказанно прекрасные звуки китайского кото. Придя в волнение, он некоторое время слушал, к китайскому кото присоединились тринадцатиструнное кото и бива. То замирающие, то возникающие вновь звуки китайского кото были совершенно восхитительными и такими необыкновенно манящими, что Сайсэ вернулся обратно и потихоньку устроился в густой высокой траве у ограды к югу от главных ворот. Верхняя часть решеток южной и восточной сторон главного дворца были подняты, музыка доносилась, безусловно, оттуда. Сайсэ разволновался - ему не терпелось увидеть музыкантов. На безоблачном небе появилась луна, дождавшаяся, наконец, своего часа, когда прекратился затяжной летний дождь. Молодой женский голос прознес:

- Небо очистилось, так необычно для этого времени года! Нас никто не увидит, давайте полюбуемся.

Женщина подняла занавеску и вышла наружу. Сайсэ обрадовался и смотрел во все глаза. На ней было простое белое домашнее платье. Она была привлекательна и молода, за ней последовали еще две дамы, которые уселись на пол открытой веранды. Та, что играла на тринадцатиструнном кото, оставалась с той стороны поднятой занавески, но теперь и она оказалась здесь же. Она выглядела очень хрупкой, по длине волос и прическе было видно, что она очень юна. Те, что играли на китайском кото и бива, уселись на пороге. Они смотрели в сторону Сайсэ, и при свете луны он хорошо видел их.

Та, что играла на китайском кото, находилась чуть в глубине, она прилегла на бок, отодвинув инструмент и задумчиво смотрела на луну, ее глаза, лоб, голова, волосы имели вид благородный и обворожительный и говорили о необыкновенно высоком происхождении. Сайсэ внимательно рассматривал ее, и остался доволен. Есть в мире женщины, на которых понимающему человеку

приятно посмотреть! Вдруг он отвернулся и с презрением подумал: «Да ведь это же дочери принца Ёсино! Даже такие женщины, если они рождены и воспитаны вдали от света, не могут быть без изъяна!» Эти женщины больше не интересовали его, но, как ни странно, он все же продолжал внимательно наблюдать за ними. Ему показалось, что одна из них, старшая принцесса Ёсино, немало напоминает Распорядительницу женских покоев из Сияющего дворца, но та, хотя и была хороша собой, была несколько выше ростом, чем он представлял себе. Тогда он гладил ее, он не был разочарован, но на нее было бы приятнее смотреть, если бы она была поменьше. А эта такая хрупкая, будто бесплотная, она замечательно благородна и обольстительна. Сайсэ почувствовал воднение, его прежняя влюбчивость, которая, казалось, бесследно исчезла, оставив ему только равнодушие, вдруг вернулась снова. Другая женщина, младшая принцесса Ёсино, склонившаяся к бива и любовавшаяся садом, была очень пухленькая, обаятельная и юная, она была прелестна. Обе женщины были замечательны во многих отношениях. «Среди тех дам, что мне довелось увидеть, Распорядительница, Ённокими и исчезнувшая неизвестно куда моя Дева Удзи - все они имели в своем роде неповторимую внешность, но эта... Пусть по прелести и изяществу ей и не сравниться с Ённокими, по обаянию и благородству ей нет равных, а дама с бива никому не уступит в очаровании и юном изяществе».

Сайсэ весьма сожалел, что не дал понять младшей принцессе Ёсино, что видел ее, и теперь к тоске по Химэги прибавилась тоска еще и по ней. Хотя он знал многих женщин, все они оставили его, уже долгое время свои дни и ночи он проводил в одиночестве и потому так досадовал, что не посмел приблизиться к этой женщине с бива, не поговорил с ней. Он вспоминал ее невинную красоту. «Если бы только подойти и поговорить с ней! Интересно, какие планы имеет на ее счет Советник?» Сайсэ вновь полюбил, и это несколько успокоило его смятенное сердце. Вакагами же подумывал: «Что ж, может, пусть младшая принцесса Ёсино выйдет замуж за Сайсэ? Это будет хорошо и для Химэги. Хотя она и напускает на себя равнодушный вид, но на самом деле страшно переживает за своего сына. Если же этот брак не состоится, как она сможет узнать о нем?»

30.

В десятых числах шестой луны в части усадьбы, предназначенной для Химэги, возле пруда с источником, был отстроен Павильон для рыбной ловли. Когда появилось приятной прохладой, сюда в сопровождении младшей сестры явилась старшая принцесса Ёсино. Гости, сановники и придворные, с полудня развлекались здесь, увеселяя себя сочинением китайских и японских стихотворений. Когда появилась луна, Вакагами отправил приглашение Сайсэ. За ним был послан племянник матери по имени Хээнсуэкэ.

Свет луны освещал каждый уголок Павильона для рыбной ловли. Вакагами, одетый в изящный повседневный костюм, поджидал Сайсэ, развлекая себя то тихим пением, то игрой на флейте. Он протянул гостю бива и настойчиво попросил сыграть. Вспомнив ту женщину, что играла на бива той ночью при свете луны, Сайсэ подумал: «Мне никогда не сыграть так, как она», - и не решился прикоснуться к струнам.

- Вообще-то я пригласил тебя не только для этого, - сказал Вакагами и заиграл на флейте.

- В такую ночь хорошо бы и дамам присоединиться к нам, - предложил Сайсэ.

Вакагами подумал, что если младшая принцесса Ёсино станет играть на китайском кото, то это несомненно

взволнует сердце Сайсё.

Уже множество раз чарки прошли по кругу, все были возбуждены, стояла глубокая ночь. Сайсё никак не мог успокоиться, гадая, что же все-таки должно произойти? Быть может, здесь, за этими бамбуковыми шторами, находится его Дева Удзи? Там было тихо. Сайсё был взволнован. Хотя за обычным бамбуковым занавесом поставили еще передвижные занавески на раме, и женщины пытались скрыть даже шуршание одежд, Сайсё чувствовал, что там кто-то есть. Дамы, которых он видел той самой ночью, были необыкновенно хороши, стыдно, если они наблюдают за ним, чувства Сайсё были в смятении, однако он ничем не обнаружил своего смущения. Но вот пришло время расходиться, и Сайсё подошел к Вакагими.

- Ты ведь неспроста пригласил меня? Может, у тебя есть для меня какой-нибудь подарок? - спросил Сайсё.

- Зачем мне упускать такую возможность? Если ты получишь что-нибудь необыкновенное, может, и твои обыды исчезнут навсегда? - с улыбкой спросил Вакагими.

Если только
То Дева Удзи...
Другой
Тоски мой
Не унять.

Произнес Сайсё, стараясь скрыть слезы.

Дева Удзи
Ждала - не дождалась.
От тоски
Утопилась
В реке.

- Выходит, подарок тебе не нужен. Ну что ж, забудем про это, - сказал Вакагими недовольно.

Все это было так странно, вовсе запутавшись, Сайсё не мог понять, в чем тут дело. Даже если речь идет не о Деве Удзи, этой ночью он не хотел остаться без подарка, он притворился будто пьян и тоскует.

- Я сегодня никуда не уйду. Встречу рассвет здесь, перед занавесом. И ничего ты не сделаешь! - воскликнул он.

Вакагими ответил:

- По правде сказать, не самое удачное место. Лучше пройди сюда.

Вакагими провел Сайсё за занавес, а сам в сопровождении жены отправился к себе.

31.

«Кто там? Может, Дева Удзи?» - с бьющимся сердцем Сайсё приблизился к женщине за занавеской. Она явно смущалась, очертания рук, весь ее облик были прекрасны. Тут Сайсё понял, что это, должно быть, та девушка, что при свете луны играла на бива. Значит, это не Дева Удзи - Сайсё опечалился. Он увидел совсем не ту женщину и почувствовал, что его сердце безутешно. Между тем, и нрав, и облик женщины казались превосходными, она была изящной, юной, мягкой. Ветренный, как трава «луноцвет», Сайсё, хотя и не забыл тех женщин, которых он любил, почувствовал, что его сердце успокоилось больше, чем наполовину - ведь с того часа, как он заприметил ее той ночью при свете луны, ее образ волновал его. Сайсё долго говорил то, что приличествует случаю. Огорчившись, что остаток ночи слишком быстро превратился в рассвет, Сайсё и тогда не оставил ее. Узнав об этом, Вакагими удивился и послал им воды для умывания и риса к трапезе. Отправленные прислу-

живать им дамы принарядились.

Когда они поднялись с постели, солнце стояло уже высоко. Сайсё посмотрел на женщину. Ей никак не больше двадцати, она молода и безукоризненно прекрасна, блестяща и соблазнительна, на нее хочется смотреть и смотреть. Сайсё решил, что она не уступает даже той, неподражаемой, он немного успокоился и повеселел. В разговоре младшей принцессы Ёсино обнаружилась некоторая робость, но она не была слишком удручена. «Как раз то, что надо!» - подумал Сайсё. Когда они беседовали, казалось, что она высказывает не все. Сайсё решил, что она была бы образцовой женой. Весь день они провели в разговорах.

32.

Тем временем от Вакагими прибыл посыльный.

«Я много выпил и был слишком груб, я должен прийти извиниться, но я в некотором смятении, не придешь ли ты сюда сам?» - писал Вакагими.

Сайсё отправился к нему. Ему было приятно видеть это еще заспанное лицо. Советник говорил мягко, но ни словом не упомянул волны реки Удзи, а это было очень мучительно.

- Я думаю, она оставила меня оттого, что считает меня жакким и никчемным человеком. И отчего все это время она не интересуется малышом, мне неизвестно даже это. Прежде она любила меня, ждала с нетерпением, радовалась мне, отчего же так вышло? Я чувствую себя, как во сне, я совсем растерян. Как мне теперь быть? Что до ребенка, я о нем забочусь и считаю памятью о той, что ушла неизвестно куда, но поскольку у меня есть мужские дела, я не могу быть с ним все время. И в те дни, когда я слишком занят и не могу видеть его, я чувствую угрызения совести. И потому мне хотелось бы отдать его на воспитание младшей принцессе Ёсино - тогда я буду спокоен. Я думаю, она сумеет полюбить его, хотя, может, я и говорю глупости, - Сайсё плакал, не умея скрыть слез.

Вакагими был тронут:

- И вправду, ты не можешь думать иначе, я это прекрасно понимаю, но это не моя ошибка, и не вина той женщины, так что не станем об этом говорить. Думаю, если бы не младшая принцесса Ёсино, тебе было бы еще труднее забыть обиды последних месяцев. Наверное, то, что случилось, кажется тебе неожиданным, но ведь ты не считаешь ее недостойной. Ты издала слишком много несчастий, и твоя душа погружена во мрак.

- Ты прав, она успокоила мое сердце, а иначе мне было трудно сослечь то, что случилось в моей жизни.

33.

Конечно, обрести свое место в усадьбе Вакагими было гораздо лучше, чем жить взаперти вдвоем с сыном, проводя дни и ночи в слезах. Сайсё при каждом удобном случае навещал Вакагими, их сердца бились в едином порыве, когда они играли на кото и флейте или занимались науками. Младшая принцесса Ёсино часто встречалась с Сайсё, она не видела в нем изъянов, была очень счастлива и крепко полюбила его. Вакагими тоже был счастлив.

Люди говорили: «Младшую принцессу Ёсино, сестру жены Советника, теперь посещает Сайсё». «Советник сам свел их». «Отношения между Советником и Сайсё, расстроившиеся из-за истории с Ённокими, теперь совсем исправилась. Какое замечательное у Советника сердце! Никто не мог такого ожидать - Советник повел себя так, как никто другой не сумел бы». «Даже в таком положении он не сплеховал». «А Сайсё? Он ведь такой сластолюбец...»

Сайсэ знал, что о нем говорят, но ему никак не удавалось изменить сердцем, хотя не раз и не два он обещал себе это. Образ той женщины, которую он видел при свете луны играющей на китайском кото - старшей принцессы Ёсино - не оставлял его. Несмотря ни на что, он искал случая встретиться с ней, но она вела себя совершенно недоступно, и у него не появлялось даже малейшей возможности заговорить с ней. Это мучило Сайсэ.

34.

В седьмую луну Химэгими призналась государю, что она на пятом месяце беременности, и покинула дворец. Вакагими был счастлив. Химэгими, снова будучи в положении, вспоминала о своем первенце. Тогда она была так растеряна и беспомощна, ей пришлось скрыться - оставить общество и все свои дела, она проводила свои дни в печали, Сайсэ пренебрегал ею, и ей пришлось превратиться в Деву Удзи. Ничего этого забыть она не могла. Теперь Сайсэ породнился с Вакагими, и, как только Вакагими возвращался домой, тут же появлялся и Сайсэ, он бродил по дому, непринужденно беседуя с тамошними дамами. Когда-то давно у нее в привычку вошло слишком много времени проводить вместе с Сайсэ, они ничего не скрывали друг от друга, и в конце концов он понял, что она - не мужчина, ее тайна была раскрыта, и они обменялись любовной клятвой. Их любовь была так сильна! А еще она вспоминала невинную улыбку их сына. Засыпав голос Сайсэ, она всякий раз печалилась, бывало, что и слезы начинали капать из глаз, но она боялась людских глаз, а потому немедленно вытирала слезы.

35.

Было решено, что Ённокими будет рожать в усадьбе на Второй линии, и в восьмой луне она переехала туда. Теперь Вакагими постоянно находился с ней и был совершенно безупречен в своей заботливости. Ённокими постеснялась взять с собой дочерей, Вакагими не стал понапрасну тревожить ее расспросами, а вот ее отец решил: видно, то, что говорили о ней люди, - не пустая болтовня.

В первых числах девятого месяца Ённокими благополучно родила сына. И Садайдзин, и Вакагими были счастливы. На сей раз не было никаких причин для сомнений, все обряды прошли должным образом. Садайдзин сам входил во все обстоятельства и выглядел очень довольным. Когда весть о рождении сына Ённокими дошла до Химэгими, ей многое вспомнилось. И то, что случилось в седьмую ночь после рождения первой дочери Ённокими, и ее вторые роды - сама она тогда жила в заточении, и ее положение было мучительным, поэтому о Ённокими она ничего толком не знала. Химэгими предалась воспоминаниям, которые показались ей странным сном. Мальчик, родившийся у Ённокими на этот раз, был очень похож на сестер, но в то же время это был вылитый Вакагими. Это было так замечательно - Удайдзин был счастлив.

36.

Настала очередь Химэгими, и теперь все беспокоились только о ней. Роды прошли на удивление легко, она родила мальчика. Поскольку долгие годы в стране не было наследного принца, о его ниспослании молились днем и ночью, и, может быть, в ответ на эти многочисленные мольбы богам и буддам, так и случилось. То, что матерью оказалась именно эта ослепительная, несравненно прекрасная женщина, всеми было воспринято с радостью, как редчайшее счастье. А уж какие проводились пышные церемонии, понятно и без слов. Обряд третьего дня проводил Садайдзин, пятого - глава службы двор-

ца престолонаследника, седьмого - распорядитель государева дворца, девятого - Вакагими. Все старались превзойти друг друга, старались изо всех сил - вот и получалось все чудесно. В добавок к положенным в таком случае церемониям, устраивались бесконечные шумные празднества и увеселения. Химэгими не могла забыть то время, когда родился ее первенец. Новорожденный принц был очень красивым и главное, он был государевой крови, но все же, когда она думала о том ребенке, которого родила в тайне от всех, она становилась очень печальна, и слезы текли у нее из глаз.

Того мужчину

Силюсь я забыть.

Зачем же он,

Прощальный подарок?

Забыть он не дает.

- вот что она ощущала.

37.

В это время был назначен Великий министр; оставаясь Командующим правой гвардией, Вакагими получил должность Внутреннего министра. Другие придворные тоже получили повышения, а Сайсэ назначили Старшим советником. Радуюсь происходящему, он вспомнил прошлое. Это было, когда он стал Средним советником: Химэгими увидела стихотворение Ённокими «о том, о ком не знают люди», и, хотя она ничего не сказала, у него появилось какое-то предчувствие. Воспоминание было таким ярким, будто это случилось только сейчас. Сайсэ радовался повышению, но воспоминания печалили его, он плакал.

38.

Сайсэ привез сына и отдал его на воспитание своей жене, младшей принцессе Ёсино. Малыш показался ей очень милым, она обнимала его, заботилась о нем. Сайсэ был доволен. Кормилица мальчика еще раньше решила, что бесследно исчезнувшая при загадочных обстоятельствах мать мальчика - дочь принца Ёсино, и теперь, когда та вдруг оказалась женой Сайсэ, и ей был отдан мальчик, полагаю, что это и есть та женщина, которая пропала неизвестно куда, и о которой вздыхал Сайсэ. Кормилица радовалась и печалилась одновременно, ей хотелось услышать о том, что произошло с матерью мальчика за эти месяцы. Мальчик был так мил, что принцесса Ёсино даже не стеснялась кормилицы, и та могла, пусть и мельком, видеть ее. Нет, это была не она. Кормилица досадовала и недоумевала, но она убедилась, что принцесса Ёсино была красива и заботилась о мальшке еще лучше настоящей матери, этим кормилица утешала свое сердце - смятенное, тоскующее и печальное.

39.

Новый год пришел на смену старому вместе со множеством трогательных и счастливых событий. Поскольку долгое время наследного принца в стране не было, то место, полагающееся наследнику, занимала Принцесса, дочь прежнего государя, но по причине долгой болезни она не хотела оставаться наследницей престола, и в первую луну, когда прошло пятьдесят дней после рождения принца, он был объявлен наследником престола. Принцесса, бывшая престолонаследница, приняла постриг и стала зваться Государыней-инокиней. Поскольку Распорядительница женских покоев была так близка с Принцессой, брат Распорядительницы навещал Государыню-инокиню и очень сердечно заботился о ней. Прежний государь был всем этим очень доволен. Итак, сын Химэгими стал наследником престола, а саму ее государь при-

знал законной женой. А чуть позже, в четвертую луну, она получила титул государыни. Церемонии по этому поводу были необыкновенно пышными. Многие годы так ждали рождения престолонаследника, что теперь все были очень счастливы. Поскольку Сайсё был на дружеской ноге с Вакагими, его назначили Главой канцелярии государыни. Он вспомнил ту давнюю ночь, которую провел с Распорядительницей женских покоев, и очень расчувствовался. Ему и в голову не пришло, что государыня - это и есть его Дева Удзи. Как жаль, что он не догадался об этом!

40.

Мальчик, рожденный в Удзи, уже вполне сносно говорил, он бегал и играл, а Сайсё снова и снова вспоминал то, что никогда не мог забыть. Он так и не понял, что же все-таки произошло. Может быть, младшая принцесса Ёсино знает, что случилось? Время от времени он пытался расспросить ее, но она, вроде бы, ничего не знала. И вот, обуреваемый беспокойством, он снова спросил:

- С какого времени Советник стал бывать в Ёсино?

- После того, как он получил должность Среднего советника, он время от времени стал приезжать к нам, - ответила она.

- А с какого времени он живет с твоей сестрой? Как это произошло? - Сайсё хотел добиться обстоятельного ответа.

- Мне кажется, с позапрошлого года, но я точно не знаю, - она что-то скрывала и не хотела об этом говорить.

Она не сказала ему того, что знала, и это было мучительно, но он ничего не мог поделать. Скрытность принцессы Ёсино терзала его даже больше, чем его незнание, куда скрылась та, другая? - но он не стал этого говорить.

41.

Шло время, государыня родила еще трех девочек. Стать государыней было ее судьбой, ее грехи были прощены. Вместе с тем многие другие дамы завидовали ей. Вторая дочь Удайдзина, которая пришла во дворец раньше всех, считала, что именно ей назначено быть государыней, она не захотела смириться с произошедшим и оставила двор. Получив это известие, Химэгими подумала: «Когда-то я заплатила сполна за свой брак с Ёнокими тем, что Удайдзин днем и ночью упрекал меня. Потом, когда я стала Девой Удзи и все время ждала Сайсё, я заплатила тем, что именно из-за нее Сайсё стал жесток со мной. А теперь из-за меня дочь Удайдзина обижена на весь свет и заперлась у себя. Несмотря на то, что связь между нашими домами так глубока, взаимные обиды не знают конца, можно лишь сожалеть, что так получилось!»

Ёнокими родила Вакагими трех мальчиков подряд. Его сын, отданный на воспитание в дом деда, теперь подросток и был представлен ко двору. У старшей принцессы Ёсино своих детей не было, это ее печалило, она считала сына Вакагими за своего и трогательно заботилась о нем. Он же постоянно посещал и свою настоящую мать - Государыню-инокиню. Сэндзи, которая присутствовала при его рождении, да и другие, смотрели на него с любовью, ведь он был одной крови с государыней. Вакагими по-прежнему любил его мать, Государыню-инокиню. С самим мальчиком он тоже оставался близок. Сэндзи пускала мальчика в женские покои, где он любил забавляться и играть. Государыня-инокиня жила затворницей, но это никак не сказывалось на ее любви к этому очень красивому и сильно выросшему мальчи-

ку, она думала о нем с искренней теплотой.

Младшая принцесса Ёсино родила Сайсё двух девочек и мальчика. Старшая племянница особенно нравилась старшей принцессе Ёсино, ее и сына мужа она считала за родных детей.

42.

Сын Сайсё, тайно ото всех появившийся на свет в Удзи, теперь вырос и тоже был представлен ко двору, как и старший сын Вакагими. Видя его, государыня каждый раз печалилась и грустила, ведь он ничем не уступал ни наследному принцу, ни ее дочерям. Тихим ленивым весенним полуднем старшая дочь государыни и сын Сайсё, заигравшись, вбежали к ней. Дети были очень похожи, но мальчик пока был чуть красивее и необыкновенно обаятельным. Государыня так радовалась и печалилась, что и не скажешь. Рядом с государыней никого не было. Она тихонько позвала детей к себе, принцесса вошла, но мальчик остался снаружи.

- Ты тоже иди сюда. Это вовсе не страшно, - сказала государыня.

Он приподнял занавеску. Когда она увидела, как он поразительно красив, она вспомнила - как будто это случилось только сейчас! - тот вечер, когда она потихоньку передала его кормилице и покинула Сайсё. Даже сейчас это воспоминание заставляло ее сердце сжаться. Чтобы не испугать мальчика, она пыталась сдержать слезы, но напрасно... Осушив слезы и успокоившись, государыня спросила:

- А где твоя мать? Что тебе говорит отец?

По мере того, как мальчик вырос и начинал кое-что понимать, он стал беспокоиться, что стало с его матерью. И отец, и кормилица говорили о ней днем и ночью, они тосковали и плакали, никто не знал, где она. Государыня показала мальчику молодой и красивой, она плакала и волновалась, когда расспрашивала его. Ему вдруг пришло на ум, что, может быть, это и есть его мать, он тоже разволновался. «Но она вовсе не такая, какой я представлял свою мать, и уж никак не скажешь, что никто не знает, где она», - думал мальчик совсем по-взрослому, ой вдруг посерьезнел и ничего не ответил. Государыня огорчилась, не зная, что у него на уме, она пристально посмотрела на него, прижала рукав к лицу и заплакала. Мальчик опустил голову, у него тоже потекли слезы. Государыне стало так жаль его, что она немного придвинулась и погладила его по голове.

- Я знаю твою мать. Она помнит тебя и страдает, мне печально это видеть, поэтому я тебя и спросила. Твой отец, должно быть, считает, что ее уже нет на этом свете. Никому не рассказывай о нашем разговоре. И только в своем сердце знай, что она жива. В удобное время приходи сюда. Я потихоньку устрою вашу встречу.

Мальчик казался очень растроганным, он склонил голову в знак понимания, он был так хорош, что она почувствовала, как трудно ей с ним расстаться. Девочке не терпелось бежать, она крикнула: «Ну же, скорее!» - и потащила его прочь. Государыня осталась наедине со своей беспредельной печалью, она проводила его взглядом, потом легла. Сколько ему, одиннадцать? Его по-детски распущенные волосы красиво струятся по спине, он так трогательно почтителен с принцессой.

Все журавлята

Вернулись в родное гнездо.

Отчего же этот

Летает высоко в облаках

И стал мне чужим?

Государыня зарыдала.

Пока она была с детьми, появился государь - он подсматривал в щелку.

43.

Государю хотелось бы узнать об этом деле побольше. Как ни в чем ни бывало, он вошел к государыне. Государыня незаметно смахнула слезы и встала с постели.

- Я никогда не обращал внимания, что этот мальчик, который приходит играть с нашими детьми, так на них похож. Тебе, должно быть, кажется странным, что я до сих пор этого не заметил. Твой брат и Сайсё - уже высшие сановники, и я думал, что таких красавцев, какими они были в свое время, больше не сыщется, но у них много детей, и они не уступают отцам. Мир движется к концу, но замечательные люди, кажется, не переводятся. Этот мальчик и сын твоего брата, которого воспитала его жена, похоже, особенно замечательные. Странно только, что никто не знает их матерей. Что до сына твоего брата, то поговаривают, что его мать - Государыня-инокиня. Может быть, и так, по виду он самых благородных кровей, да и обаяние его... Полагаю, я прав. А вот о другом никто даже не шепчется. Может, кто-то и знает, но мне отчего-то никто не говорит, - сказал государь, хитро улыбаясь.

«Что если государь видел меня с мальчиком, подумал, что это как-то странно и заподозрил неладное?» - расстроилась государыня. Она сказала:

- Не знаю. Что до сына моего брата, все может быть, но ваши слова обидны для Государыни-инокини. Может, это все-таки кто-то другой? Я находилась рядом с Принцессой неотлучно, как могло случиться, что мне об этом неизвестно?

- Что ж, все так и говорят, что только ты можешь знать правду. Ладно, ничья репутация от этого не пострадала, ну и хорошо. А раз так, можешь считать, что я тоже ни о чем не догадываюсь. А о матери другого мальчика тебе что-нибудь известно? Мне хотелось бы это знать, - сказал государь.

Поскольку государыне ответить было нечего, она покрылась краской и отвернулась. Как прекрасна она была! Согрешила ли она, оступилась ли - не имеет значения: никакой вины не остается на ней - стоит лишь увидеть, как она красива. За то время, что они были вместе, государь полюбил ее по-настоящему. Что бы там ни случилось в ее прошлом, государь с годами любил ее все сильнее. Отчего же теперь любить ее меньше? Они легли отдыхать рядом друг с другом.

44.

Сын Сайсё, находясь под впечатлением разговора с государыней, отправился домой. Он был очень взволнован. По секрету он сказал своей кормилице:

- Я тут видел одну женщину, думаю, что это моя мать. Она сказала мне: «Только не говори отцу», - так что и ты молчи, - мальчик растрогался, его глаза были полны слез.

Кормилица была удивлена, взволнована и опечалена.

- Как это может быть? Где же она? Откуда ты знаешь, что это она? Как она выглядит? - спрашивала кормилица.

- Она очень молодая и красивая, она даже немного красивее и благороднее, чем моя нынешняя мать. Она не сказала мне, что она - моя мать, она сказала только: «Знай, твоя мать жива», - и при этом сильно плакала, - произнес мальчик, он был очень взволнован, но где он видел ее, не выдал.

Кормилица забеспокоилась:

- Твой отец и во сне, и наяву так грустит и печалится о ней... Уж очень хочется дать ему знать, что она жива. Отчего она скрывается? Как ты ее встретил?

- Она велела ничего не говорить отцу. Когда я увижу ее снова, спрошу разрешения, и если она позволит, тогда скажу. А пока молчи, - строго произнес он, и кормилица увидела, что это уже не ребенок, а очень красивый и разумный юноша.

45.

По правде сказать, та дама из Живописного павильона, если бы вдруг Советник перестал ее навещать, и их отношения оборвались, была бы этим огорчена, но он продолжал при удобном случае тайно беседовать с ней, и у них родилась очень красивая девочка. У Вакагими еще не было дочерей, если не считать девочек Ённокими, и это его очень расстраивало. Он хотел бы воспитывать дочь в своем доме. Но жена государя, Дама из Живописного павильона, постоянно вздыхала, что вот и девочки у нее нет, поэтому, когда ее сестра родила такую красивую дочку, она очень ее полюбила и не соглашалась расстаться с ней. Вакагими решил: хорошо, если девочка будет под опекой жены государя. После того, как Химэгими стала государыней, другие жены часто проявляли недовольство, отчего нередко случались неловкости и неприятности. Но с рождением девочки все пошло по-иному, Вакагими стал проявлять к Даме из Живописного павильона сочувствие и по-всякому помогал ей. Как бы там ни было, она теперь старалась скрыть свои обиды.

46.

Шло время - за месяцем месяц, за годом год. Вышел в отставку Садайдзин, Удайдзин занял пост Великого министра, Вакагими был назначен Левым министром и Канцлером, Сайсё сделался Внутренним министром и Командующим правой гвардией. Их сыновья повзрослели, все они стали гвардейскими командирами и секретарями Государственного совета. Государь оставил престол, наследный принц занял трон, а его младший брат был объявлен наследником престола. Старшая дочь Ённокими вошла во дворец женой государя и поселилась в Павильоне глициний. Девочка, рожденная в Живописном павильоне, стала женой наследного принца. Словом, настало время несравненного счастья и процветания, и только, несмотря на то, что с годами все так изменилось, рукава одежды Сайсё никогда не просыхали от слез, стоило лишь ему подумать о волнах реки Удзи, где так неожиданно закончилась его любовь. Его сын, гвардейский командир третьего ранга, стал взрослым, и Сайсё видел, что он превзошел других лицом, обликом и талантом. «Что было у нее на сердце, когда она решила покинуть его и бесследно исчезнуть? Ведь она так больше и не увидела его», - думал Сайсё. Печаль, горечь и тоска никогда не оставляли его.

Вот как все это было.

К о н е ц

Краткая история воинских искусств Японии

Хонтё бугэй сэдэн

Перевод А.М. Горбылёва

Ито Тэндзэн Таданари

Ито Тэндзэн Таданари¹ был сыном Оно Тадааки². Он передал фамильную традицию и много сделал для прославления своей семьи. Его отец, Тадааки, высоко оценивал «чистоту и чудесность» [его мастерства] и пожаловал ему право пользоваться фамилией Ито и меч «Камэвари». Этот меч был изготовлен в школе Итимондзи, Ито Кагэхиса использовал его в 33 поединках.

Позднее Ито Тэндзэн заменил кунное (японское) чтение своего имени - «Таданари» - на онное («китайское») чтение «Тюя». У него было много учеников, но самым выдающимся был Камэи Хэйэмон Тадао. Именно ему Таданари передал свою фамилию Ито и меч работы школы Итимондзи, и именно Камэи стал четвертым великим мастером школы Итто[рю].

Позднее Камэи Тадао служил великим повелителем Сэйё-тайкун [сёгун Токугава Цунасигэ] и Бунсё-тайкун [сёгун Токугава Иэнобу]. Он умер в 22-й день 5-го месяца 4 года Гэнроку [1691], в год каното-но хицудзи, в возрасте 91 года.

Его наследник, Ито Хэйсукэ³, овладел фамильным искусством, но, к несчастью, рано умер. Его младший брат, Хэйсиро Тадацура, пошел по стопам отца и достиг высокого искусства. Предположительно, этот Тадацура и стал пятым великим мастером Итто[рю]. Он состоял на службе у великого повели-

теля Бунсё-тайкун [сёгун Токугава Иэнобу] и умер в 14-й день 8-го месяца 4-го года Хэйи [1707], в год хиното-но и, в возрасте 68 лет.

Был еще Нэгоро Хатикуро Сигэаки, младший брат Тадао. Он также учился у Таданари и овладел его школой. Сначала он служил Нива Нагацугу, камергеру (дзидзю) Нихоммацу, позднее ушел в отставку и принял новое имя - «Докусин» - «Одиночка». Он умер в 18-й день 8-го месяца 2-го года Тэнна [1682], в год мидзуноэ-но ину, в возрасте 78 лет. Докусин был похоронен в Буко [Эдо] в монастыре Тёфукудзи. Его посмертное имя было Канко, а посмертное прозвание - Итэн Сётэцу.

Надпись на могильном камне Ито Хэйэмон Тадао гласит:

«Исконное имя покойного было Ходзуми, а фамилия - Камэи. Псевдоним его был Тадао, а общеупотребительное имя - Хэйэмон. Его предки на протяжении многих поколений жили в деревне Сигэнэ в местности Фудзисиро-но сато в провинции Кию. Отца его звали Укё Ёсисигэ, мать его была дочерью Ёда Дайдзэн, вассала Ходзё Удзинао.

Когда Ёсисигэ было девять лет, он играл с четырнадцатилетним сыном одного господина. Между ними вспыхнула драка, и Ёсисигэ, схватив меч, зарубил противника. Спасаясь от мести, его семья бежала в монастырь Нэгородэра в той же провинции⁴ и переименовала свою фамилию на «Нэгоро».

Ито Тэндзэн Таданари

¹ Иероглифы, которыми записывается имя «Таданари», могут также читаться, как «Тюя». Поэтому школу Ито Таданари называют «Итто-рю Тюя-ха» - «Ветвь мастера Тюя школы Итто-рю».

² В «Синтэй Кансэй Тёсю сёкафу» Таданари назван младшим братом Тадааки. Однако документы школы Итто-рю подтверждают версию Хинацу.

³ В фамилии Хэйсукэ - «Ито» - первый иероглиф - «И» - отличается от первого иероглифа в фамилиях Кагэхиса, Таданари и Тадао, что породило споры среди исследователей по поводу того, как правильно следует записывать фамилию Ито Иттосай.

⁴ В этой ситуации родственники убитого мальчика по закону имели возможность прибегнуть к кровной мести. Однако монастыри считались неприкосновенным убежищем, и пока преследуемая семья оставалась там, мстители ничего не могли предпринять.

Когда Ёсисигэ стал взрослым мужчиной, он отправился на восток провинции Мусаси, где женился на девушке из семьи Ёда.

Тадао родился в последний день 4-го месяца 6-го года Кэйтё [1601], в год каното-но уси. Ребенком Тадао был почитителен к родителям, послушен и добросердечен и во многом походил на отца. Когда ему было восемь лет, у его семьи был слуга, девятнадцатилетний парень, который вел себя чрезмерно фамильярно и высокомерно. Не стерпев его обращения, Тадао взялся за кинжал и воздал негодю по заслугам.

В 14 лет Тадао начал учиться фехтованию мечом у Оно Дзироэмон Тадааки, прямого ученика Ито Иттосай. После того, как Тадааки умер, Тадао стал учиться у его сына, Ито Тэндзэн Таданари. На протяжении многих лет он оттачивал свое мастерство и наконец постиг сокровенные секреты [школы Итто-рю]. Хотя вместе с ним занималось много других учеников, ни один не превзошел его. Поэтому Таданари именно ему вручил свидетельство о передаче истинной традиции, передаваемой от отца к сыну, и [«Камэвари»], меч работы школы Итимондзи, и тем самым выразил ему свое доверие. Видимо, так он был признан четвертым верховным мастером школы Итто[рю] и принят в семью Ито клана Фудзивара.

Именно начиная с Таданари, в фамилии Ито, которую носили прежние учителя ортодоксальной ветви школы, первый иероглиф - «И», означавший «щеголь», «франт», был заменен другим «И», означающим «колодец». Это было сделано не только потому, что новый иероглиф был ближе к японскому звучанию, но и потому, что он был скромнее.

Унаследовав звание главы школы, Тадао [упорно тренировался], и его техника совершенствовалась день ото дня. Он убирал излишнее, восполнял недостатки, исчерпывал изменения, входил в божественное состояние. Выдвинув теорию небесного принципа, он приобрел великую славу. Желющие учиться у него один за другим разувались у ворот его дома. Со всех четырех сторон света приходили к нему смелые и умелые фехтовальщики, чтобы померяться с ним силами. Целая сотня их испытывала его мастерство. Одни испытывали его в темной комнате, другие - в поединке на боевом оружии, но ни один из противников не сумел повредить ни единого его волоска.

Тадао также изучал стрельбу из лука и в ней тоже достиг утонченного и чудесного мастерства.

Он почил в 22-й день 5-го месяца 4-го года Гэнроку [1691], прожив 91 год.

У Тадао было три сына и одна дочь. Старшего его сына звали Тадакагэ, он умер раньше отца. Среднего сына звали Тадацура, он унаследовал стипендию Тадао и продолжил его искусство. Оба

этих сына, старший и средний, носили фамилию Ито. А младший сын, Киёмаса, принял родовое имя и фамилию своей семьи Нэгоро. Дочь же была отдана замуж в дом Хагивара.

О, как одарен он был отвагой, как величественны были его деяния! Хотя и опасен был путь его, он сумел сохранить счастье долголетия. Что за выдающийся человек это был - один из тех, что рождаются раз в несколько столетий! Эпитафия на его надгробном камне гласит:

Ребенком - являл сыновнюю почитительность;
Родителем - исполнял свой долг и был справедлив.
Чудесный мастер фехтования,
Защитник окружающих.
Четвертый великий мастер исконной школы,
Одинокий меч, чистый, словно зимний иней...
Его искусство будет передаваться из поколения в поколение,
Его имя никогда не будет забыто!

Оно Дзироэмон Тадацунэ

Оно Дзироэмон Тадацунэ (другое имя - Тадакацу) был сыном Оно Тадааки. Учился искусству фехтования мечом у отца и достиг утонченного и чудесного искусства. Будучи наследником Тадааки, служил великому повелителю Дайю-тайкун [сёгун Токугава Иэмицу]. В свете [его школу] было принято называть «Оно-рю». Умер в 7-й день 12-го месяца 5-го года Камбун [1665], в год киното-но ми.

Его сын, Дзироэмон Тадао, унаследовал семейное искусство. Он служил великим повелителям Гонью-тайкун [Токугава Изцуна], Дзёкэн-тайкун [Токугава Цунаёси] и Бунсё-тайкун [Токугава Иэнобу]. Умер в последний день 12-го месяца 2-го года Сётоку [1712], в год мидзуноэ-но тацу, в возрасте 73 лет.

Его сын, Сукэкуро Тадакадзу, унаследовал семейное искусство и прославился своим мастерством. (Тадакадзу в действительности был сыном Окабэ Тадатоё.)

Мамия Горобэй Хисанари

Мамия Горобэй Хисанари учился [искусству боя мечом] у Ито Таданари и воспринял его учение. Позднее служил камергеру (дзидзю) [правителю] провинции Аки [Асано Масанари?] и прославился своим искусством меча. Позднее изменил имя и стал называться Такацу Итидзэмон.

Его сын, Горобэй, унаследовал искусство Хисанари и жил в провинции Аки. Этот Горобэй в действительности не был родным сыном Хисанари. Настоящего сына Хисанари звали Такацу Гохэй. Горобэй вырос и воспитал Гохэй и передал ему семейный феодал.

Кроме того, был еще Мидзогути Сингодзэмон Масакацу. Он также учился у Ито Таданари, до

стиг утонченного и чудесного искусства и прославил свое имя с помощью искусства фехтования мечом.

Кадзи Сингэммон Масанао

Кадзи Сингэммон Масанао изучал приемы фехтования мечом у Оно Тадакацу. Ни один из тех многочисленных воинов, что учились вместе с ним, не достиг [уровня мастерства] Масанао. Позднее он все более и более приближался к утонченному и чудесному искусству. Масанао служил великим повелителям Гонъю-тайкун [сёгун Токугава Иэцуна] и Дзёкэн-тайкун [сёгун Токугава Цунаёси] и состоял в гвардии ообан. Умер в 18-й день 12-го месяца 1 года Тэнна [1681], года каното-тори.

Техника «Ямакагэ» из «Иллюстрированного каталога приёмов фехтования школы Хикита синкагэ-рю»

Учеником Масанао был Харада Итидзаэмон Тосисигэ. Он и получил от Кадзи его учение. В настоящее время эта школа искусства фехтования мечом называется Кадзи-ха-но Итто[рю] - «Ветвь Кадзи школы Итто».

Глава 6. Искусство меча

Камиидзуми Исэ-но ками

Камиидзуми Исэ-но ками⁵ был уроженцем провинции Кодзукэ. Служил Нагано Синано-но ками⁶ и жил в замке Минова. Его воинские подвиги были поистине выдающимися. Камиидзуми изучал искусство боя мечом и копьем школы Айсу Кагэ-но рю и достиг утонченного и чудесного искусства. Затем он привнес в него свои усовершенствования, сделал его более изящным и назвал свою школу «Синкагэ-рю» - «Школа божественной тени» («Школа божественного покровительства»).

В 6-й год Эйроку [1563] Нагано Синано-но ками был убит Такэда Харунобу. Харунобу пригласил Камиидзуми к себе и выразил желание, чтобы он стал

его вассалом, но Камиидзуми отказался и не пошел к нему на службу, а отправился в странствия по провинциям. Его сопровождали в них [ученики]: Дзинго Идзу-но ками и Хикита Бунгоро.

Школа Синкагэ-рю стала известна на всю Японию, более того, слава ее дошла до Срединного Цветка - Китая - вот уж воистину чудо!⁷

В «Коё гункан» говорится: «Когда в 6-й год Эйроку [1563] был взят замок Минова, [Такэда Харунобу] взял к себе

на службу свыше 200 воинов [Нагано] Синано-но ками. В их числе был и Камиидзуми Исэ-но ками, воин, знаменитый своим боевым мастерством. Он обратился к Сингэн с просьбой уволить его от службы. Камиидзуми подробно изложил, что овладел искусством фехтования Айсу кагэ-но рю, на основе ее создал школу Синкагэ-рю и теперь желал бы посвятить себя совершенствованию в воинском искусстве, о чем должен сразу же доложить господину Сингэн при поступлении к нему на службу. Он сказал, что не хочет служить [кому бы то ни было], а желает стать подвижником воинского искусства. Поэтому господин Сингэн уволил его со своей службы»⁸.

Один автор пишет: «Некий Айсу Ико затворился в пещере Удо на Кюсю. Там ему привиделся вещий сон, и он овладел искусством фехтования, которое тайно назвал «Айсу Кагэ-но рю». Именно эту традицию получил Камиидзуми, который переименовал ее в «Синкагэ-рю».

(А вот мое скромное мнение. По одной версии, эта школа Синкагэ-рю происходит от жившего в старину буддийского монаха Дзион. Этому монаху привиделся вещий сон в пещере Удо на Кюсю, после чего [он основал школу фехтования], которую назвал «Кагэ-но рю» - «Школа тени». И именно эту традицию и получил Камиидзуми. Однако эта версия неверна. Дзион основал школу Тода-рю,

эта школа Синкагэ-рю происходит от жившего в старину буддийского монаха Дзион. Этому монаху привиделся вещий сон в пещере Удо на Кюсю, после чего [он основал школу фехтования], которую назвал «Кагэ-но рю» - «Школа тени». И именно эту традицию и получил Камиидзуми. Однако эта версия неверна. Дзион основал школу Тода-рю,

⁵ Камиидзуми Исэ-но ками (ум. 1573) был сыном хозяина замка Ого в провинции Кодзукэ. Он достиг подлинного мастерства не только в искусстве боя мечом и копьем, но и в стратегии и использовании боевого веера для гаданий во время войны.

⁶ Нагано Синано-но ками Наримаса (ум. 1561) - хозяин замка Минова. Камиидзуми участвовал в нескольких сражениях под его знаменами.

⁷ Школа Кагэ-но рю, которую изучал Камиидзуми, упоминается в 86-й главе обширного китайского сочинения по военному искусству «Убэйчжи».

⁸ Этот фрагмент заимствован из главы 33 «Коё гункан», которая называется «Камиидзуми Исэ[но ками] хэйхо сюё-но кото» («О странствиях для совершенствования в воинском искусстве Камиидзуми Исэ-но ками»).

а не Синкагэ-рю. Однако в историях этих школ есть схожие места. Так, Айсу Ико овладел искусством меча, пребывая в пещере Удо на Кюсю. И точно так же и Дзион был наделен утонченным и чудесным мастерством [фехтования] в пещере Удо на Кюсю. Поскольку им обоим были явлены вещи сны в одной и той же пещере Удо, видимо те, кто не слышал имени Ико, ошибочно решили, что основателем школы Кагэ-но рю был Дзион.

Есть и еще одна версия. Согласно ей, основателем школы Синкагэ-рю был Синкагэ Соун нюдо Канган, мастер искусства меча.)

Дзинго Идзу-но Kami

Дзинго Идзу-но Kami учился у Камиидзуми Исэ-но Kami и странствовал с ним по провинциям, овладевая воинским мастерством и достиг тончайшего чудесного мастерства. Поэтому великий повелитель [сёгун Асикага] Ёситэру пригласил Дзинго к себе и попросил передать ему его традицию искусства меча. Позднее великий господин кампаку [Тоётоми] Хидэцугу также сделал Дзинго своим учителем.

У Дзинго было немного учеников, самым выдающимся из них был Хаттори Тодзибэй. Поначалу Хаттори жил в стольном городе Хэйандзё, позднее переехал в Эдо. Ягю Тадзима-но Kami Мунэнори тайно доложил о Хаттори великому повелителю Дайю-тайкун [сёгун Токугава Иэмицу] и дал ему самый хвалебный отзыв. Сёгун пожелал направить к Хаттори своего посланника с просьбой рассказать ему о технике симмёкэн⁹. Хаттори почтительно ответил ему на все вопросы.

Среди учеников Дзинго были еще Вада Хёсай и Цутия Сёгэн. Так же, как и Хаттори, они учились у Дзинго и в своем искусстве были подобны божествам. Оценивая Хёсай, Дзинго называл его храбрцом и говорил, что он достиг утонченного и чудесного искусства. Он подарил Хёсай рясую-кара¹⁰, переданную ему Камиидзуми.

Сёгэн позднее отправился в край Осю. Где он провел свои последние дни - неизвестно. Его традицию унаследовал Ватанабэ Ситирёмон, вассал семьи Сатакэ.

В версии, изложенной в дэнсё Дзинго Идзу-но Kami, говорится: «В глубокой древности Тайра-но Киёмори любил искусство меча и достиг чудесного мастерства. Монахи из [монастыря] Курама изучили его технику. Позднее, когда судья (хоган) Ёсицунэ находился в Курамадэра, он учился у местных монахов, овладел их техникой, и ему было передан свиток дэнсё. Позднее Ёсицунэ преподнес этот свиток в дар святилищу Симогамо-ся¹¹.

Камиидзуми Исэ-но Kami, возродивший эту традицию, странствовал по провинциям, овладевая воинским искусством, и добрался до столицы, где затворился для молений в святилище Симогамо-ся. Там ему привиделся вещий сон, в котором он получил тот свиток, который некогда подарил святилищу Ёсицунэ. В знак благодарности божеству-покровителю Камиидзуми назвал свою школу «Синкагэ-рю» - «Школа божественной тени».

(Что касается моего скромного мнения, то я думаю так: монахи из Курама[дэра] научились искусству меча от Киити из Хорикава, а позднее, когда судья Ёсицунэ находился в Курамадэра, он научился этому искусству от монахов. Так гласят старинные предания. Камиидзуми Исэ-но Kami отправился в странствия по провинциям после гибели Нагано Синано-но Kami. Обратимся к версии, изложенной в «Коё гункан». [Такэда] Сингэн пожелал включить Камиидзуми в число своих вассалов, но Камиидзуми сказал: «Я овладел искусством фехтования Айсу кагэ-но рю, привнес в него свои усовершенствования и создал школу Синкагэ-рю. Поэтому я хотел бы отправиться в странствия по провинциям для совершенствования своего мастерства». Так сказав, он отказался от службы и отправился в странствия по провинциям. Это значит, что название «Синкагэ» существовало еще до того, как Камиидзуми отправился в странствия. Таким образом, история о том, что он назвал свою школу «Синкагэ» после того, как ему привиделся вещий сон в святилище Симогамо-ся, безосновательна. Возможно, под влиянием вещего сна в Симогамо-ся Камиидзуми изменил иероглифы, которыми записывалось название его школы, переименовав ее в школу «Новой тени» - «Синкагэ».)

Митани Масанао рассказывает: «Однажды, во время своих странствий по провинциям, Камиидзуми Исэ-но Kami увидел, как толпа кричащих крестьян окружила один крестьянский домишко, и подошел к ней. Он спросил, что случилось, и узнал, что в доме укрылся разбойник, захвативший в заложники ребенка. Хотя крестьяне и окружили его, ничего поделать они не могли. И отец и мать ребенка убивались от горя.

Выслушав крестьян, Камиидзуми пообещал спасти ребенка. Он подозвал к себе монаха, проходившего по дороге, и сказал ему: «Преступник захватил в заложники малыша. Я придумал хитрость, чтобы [спасти ребенка] и захватить его. Обрей мне голову и одолжи свою рясую». Монах согласился помочь, обрил Камиидзуми голову, снял с себя рясую и передал ее [фехтовальщику].

⁹ В школах кэндзюцу существовало несколько приемов под названием «симмёкэн». Из контекста явствует, что в данном случае Хинаку имеет в виду прием Синкагэ-рю, имеющий сложное философское истолкование.

¹⁰ Повседневное облачение дзэнского монаха - простая прямоугольная рясая с отверстием для продевания головы.

¹¹ Симогамо-ся - известное святилище Камо Миоя-дзиндзя в Киото.

Камиидзуми тут же обалдел в рясу, положил за пазуху колобки из вареного риса (нигиримэси) и вошел в дом. Увидев его, разбойник закричал:

- Не смей приближаться!

Но Камиидзуми сказал:

- Нужно покормить малыша, которого ты захватил заложником. Поэтому я принес рисовые колобки. Немного ослабь хватку, дай малышу поесть, и ты очастливишь такого монаха, как я. Моей монашеской практикой является сострадание, и я просто не могу выносить этого зрелища.

Достав из-за пазухи рисовые колобки, он перебрал их ребенку. Затем Камиидзуми достал еще рисовый колобок и сказал:

- Ты, вероятно, тоже голодный. Съешь колобок, подкрепись. Тебе нечего меня опасаться.

С этими словами он бросил колобок разбойнику. Тот потянулся рукой, чтобы поймать его, и в то же мгновение Камиидзуми подскочил к нему, схватил его за руку и рывком за нее повалил его лицом вниз на землю. Забрав у него ребенка, он вышел из дома, а крестьяне убили преступника.

Сняв рясу, Камиидзуми вернул ее монаху. Тот был восхищен его подвигом и сказал:

- Вы - настоящий герой! Даже я, монах, не могу остаться равнодушным при виде вашей отваги. Воистину, вы из тех [великих просветленных], что слагают стихи, принимая удар лезвием меча. Он подарил свою рясу-кара Камиидзуми и ушел.

В тех пор Камиидзуми всегда бережно хранил эту рясу и никогда с ней не расставался. Потом подарил ее Дзинго как своему лучшему ученику. А Дзинго передал ее [своему ученику] Хёсай в знак признания его бесстрашия и того, что он овладел утонченным и чудесным искусством.

(Митани Масанао, [рассказавший эту историю], состоял на службе у Асано Цунанага, камергера (дзидзю) из провинции Аки¹². Позднее он оставил службу и принял новое имя Миягава Инсай. Он был мастером искусства меча.)

Техника «Тэдомэ» из «Иллюстрированного каталога приёмов фехтования школы Хикита синкагэ-рю»

Хикита Бунгоро

Хикита Бунгоро учился у Камиидзуми Исэ-но ками, странствовал вместе с ним по провинциям для достижения мастерства и овладел божественно-чудесным искусством. Кампаку Тоётоми Хидэцугу пригласил Хикита в свою свиту и учился у него искусству боя мечом и копьем, а потом щедро наградил его.

Вообще, у Хикита было много учеников. Самые выдающимися из них были Ямада Фугэцусай и Накаи Симпати.

Накаи Симпати служил Тэрадзава Хёго-но касира Кататака¹³ и жил в Карацу в провинции Хидзэн. Он прославился там своим искусством.

Некоторые утверждают, что Хикита Бунгоро был племянником Камиидзуми, и что первоначально он назывался Хикита Сёхаку. Его школа существует до сих пор и называется «Хикита Кагэ-рю», ответвления от нее имеются во многих провинциях.

Продолжение следует

¹² Правитель княжества Хиросима, родственник Асано Такуми-но ками, героя пьесы «Тюсингура» («Сокровищница вассальной верности»).

¹³ Тэрадзава Хёго-но касира Кататака (1609-1647) - сын даймё Тэрадзава Хиротака, деспотия которого явилась причиной восстания в Симабара.

Локи Норико

Тэмпура

Точно так же, как суси и сукияки, о которых рассказывалось в прошлых номерах (см.: №3 и 4/2002), тэмпура считается традиционным японским блюдом. При этом, в отличие от них (в особенности это касается суси), трудно найти европейца, которому бы тэмпура не понравилась.

Тэмпура - это овощи, рыба и некоторые другие продукты, обжаренные в тесте (в кляре). В японских ресторанах это блюдо обычно подают на деревянном подносе. Черный лакированный поднос подчеркивает цвета ингредиентов тэмпура, получается - просто заглядение.

Тэмпура выглядит чрезвычайно привлекательно, потому что готовят ее из овощей с ярким окрасом: моркови, зелени, перца, тыквы и т.д. Кроме того, употребляются и грибы. Каждый овощ нарезают по-своему: морковь - тонкими кружочками, тыкву - тонким серпом. Нарезанные овощи окунают в тесто, которое должно быть достаточно жидким, чтобы через него просвечивал исходный цвет продукта. В хрустящей оболочке прекрасно сохраняется натуральный вкус овощей.

Кроме овощей и грибов, для приготовления тэмпура используют дары моря: рыбу, моллюсков, креветок, кальмаров. Креветки чистят, окунают в тесто и жарят. Рыба с белой плотью после жарки становится просто белоснежной, она приобретает мягкость и нежность. Каждому сезону соответствует определенный вид рыбы. Например, весной это сибасима, летом - угорь, осенью - ложный палтус, зимой - тихоокеанская треска.

Вы можете прийти в ресторан, где подают тэмпура, сесть за стойку и понаблюдать, как на ваших глазах готовят это блюдо. Вам подадут тэмпура прямо с огня. Это необычайное вкусовое наслаждение - посыпать тэмпура солью и, похрустывая корочкой, съесть блюдо, которое было приготовлено под вашим «наблюдением». Соль прекрасно подчеркивает вкус исходных продуктов.

Но чаще всего тэмпура едят с соусом «тэнцую». Это особый соус, который готовят только для тэмпура: к рыбному бульону или овощному отвару добавляют соевую приправу и уксус. Возле тэмпура ставят маленькую тарелочку с соусом «тэнцую», в которой горкой лежит натертая редька дайкон (теперь она выращивается и в России).

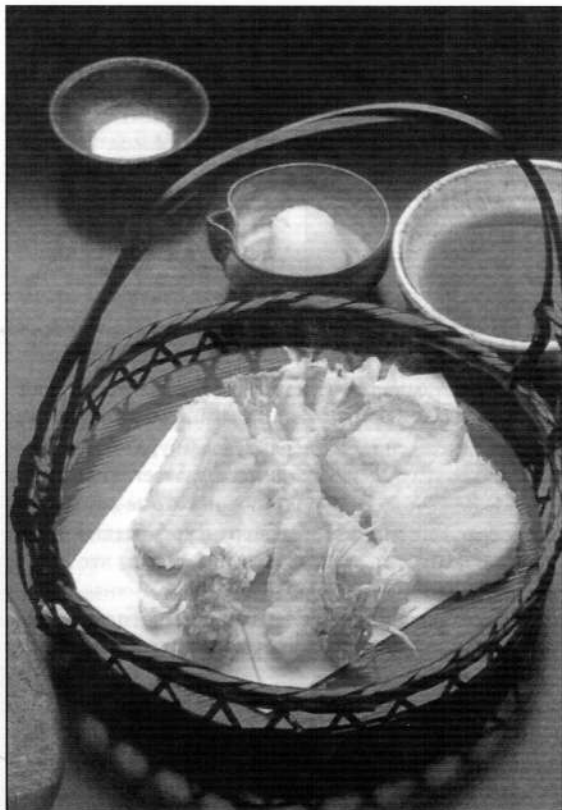
Сегодня тэмпура стала одним из традиционных

блюд японской кухни, но интересно отметить, что само слово «тэмпура» - иноязычное. Давайте познакомимся с некоторыми гипотезами, объясняющими его происхождение. Во-первых, «тэмпура» возводят к португальскому «tempero», что означает «приправа, пища». Во-вторых, как полагают некоторые лингвисты, «тэмпура» - производное от испанского «templo», что означает «храм, церковь». Предполагается, что название этому японскому блюду дала аналогичная испанская церковная пища. Обе гипотезы основываются на том, что в японском языке «р» и «л» произносятся одинаково.

Существует гипотеза и о японском происхождении слова «тэмпура». Его будто бы придумал писатель-юморист Санто Кёдэн (1761-1816) для торговца жареной рыбой из Осака. Кёдэн якобы придумал такой каламбур: «Чтобы поторговать, бродяга из ТЭНДзику, ПРАЗдно шатаясь, добрался до Эдо (ныне Токио), вот и получается - ТЭНПУРА». Попробуем объяснить эту игру слов. Вообще-то, Тэндзику - название древней Индии, но в данном случае это слово просто указывает западное, по отношению к Эдо, направление, то есть Осака. Такое толкование мы встречаем в литературном произведении «Сеть паука», которое написал младший брат Кёдэн, Санто Кёдзан (1769-1858). Однако записи о тэмпуре встречаются и в более ранних источниках, поэтому данное сообщение следует признать всего лишь литературным упражнением.

История блюда под названием «тэмпура» восходит к началу эпохи Эдо. Именно тогда по соседству с рыбными рынками стали торговать «кормогаэ» («жареное в тесте»). Начинка кормогаэ готовилась из свежей рыбы. Это был средневековый аналог fast food, его ели прямо на месте приготовления, стоя, и вскоре это блюдо приобрело популярность среди простолюдинов. В то время в Эдо для готовки использовали кунжутное масло с сильным запахом, а в Киото в дело шло «легкое» растительное масло. Эта традиция сохранилась и в настоящее время.

К середине XIX в. тэмпура ел не только простой народ, но и аристократы, поэтому изготовители тэмпура стали добавлять в тесто и яйца, которые в то время были предметом роскоши. Это блюдо стали называть «кинтэмпура», что означает «золотая тэмпура». В отличие от простонародной тэмпура, кинтэмпура вкушали в жилых покоях. Это был прообраз современных ресторанов, в которых подают тэмпура.

Когда «аристократическая» тэмпура вошла в моду, повара даже стали приходить по вызову на дом и жарить тэмпура на месте, чтобы важные клиенты могли насладиться вкусом с пылу - с жару. Такая высококачественная тэмпура не утратила своей популярности и в эпоху Мэйдзи.

Во время войны масло стало очень дорогим, и, казалось бы, тэмпура должна была перестать пользоваться спросом, но тогда в ход пошло низкокачественное масло.

Кроме того, что тэмпура очень вкусна сама по себе, она хорошо сочетается и с другими блюдами. Например, можно положить тэмпура поверх риса и полить соусом «тэнцую». Хорошо сочетается тэмпура и с японской лапшой (соба или удон).

Простые рецепты для домашнего приготовления.

Продукты

Для начинки:

креветки, кальмар, баклажаны, тыква, морковь, грибы, аспарагус, репчатый лук, картошка, батат и др.

Для теста:

пшеничная мука, яйца, вода, немного льда. Мука и яйца берутся в том же количестве, что и вода. Например, 50 г муки, 25 г яиц, 75 мл воды.

Растительное масло.

Для соуса «тэнцую»:

соевый соус, уксус, бульон (рыбный или овощной отвар), дайкон. Вместо «тэнцую» можно использовать соль.

Приготовление.

1. Креветки: почистить. Кальмар: режется на небольшие кусочки. Баклажан: разрезать на четыре равные части, каждую из которых слегка надрезать по краям. Тыква: разрезать на кусочки толщиной в 1 см. Грибы: удалить ножку. Репчатый лук: мелко нарезать.

2. Тесто: смешать муку, яйца, воду, лед. Обратите внимание на то, что тесто готовят, охлаждая его льдом, и слегка перемешивая, а не взбивая.

3. Удалить излишнюю влагу с овощей, обмакнуть их в тесто и жарить в большом количестве масла, предварительно разогретого до 180 градусов.

4. Положить на тарелку бумагу для впитывания масла, а на бумагу - готовую тэмпура.

5. Для приготовления «тэнцую» в рыбный бульон (или в овощной отвар) добавить соевый соус, уксус и перемешать. Натертый дайкон положить в «тэнцую».

Ешьте, пока горячо. Приятного аппетита!

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега

Японская библиотека

Начало года, увы, не радует книжными новинками. Весь мой улов - четыре книги: одно переиздание, пиратский сборник японской поэзии, книга старых и новых переводов средневековых текстов и одно специальное исследование.

В пиратский сборник «**Цветы четырех времен года**» (Харьков, «Свитовид», 2001) включены избранные стихи VIII-XVIII вв. Авторы переводов нигде не указаны, приводятся только имена японских поэтов, словно все они писали по-русски. В действительности, однако, все стихи - римэйки переводов известных отечественных японистов (А.Е.Глускиной, В.Н.Марковой, Т.А.Соколовой-Делюсиной и др.). Видимо, с целью «соблюдения авторских прав», во всех стихах изменено 1-2 слова или же слегка изменен порядок слов. Авторам сборника трудно отказать в предприимчивости и остроумии. На обложке помещено изображение наэцкэ божка богатства, который появился, наверное, с магической целью. Дабы «трудозатраты» составителей сборника с лихвой окупались...

В «Золотой серии японской литературы» вышли две новинки.

Ихара Сайкаку. Рассказы из всех провинций. Спб., «Северо-Запад Пресс», 2002.

За последнее время вышло несколько переизданий произведений Ихара Сайкаку (1642 -1693). Нынешнее - пожалуй, самое репрезентативное. В него включены рассказы разных лет и разных жанров в блестящих переводах В.Н.Марковой, Е.М.Пинус, И.Л.Львовой и Т.И.Редько-Добровольской. Книгу предваряет введение Т.И.Редько-Добровольской, автора монографического исследования, посвященного творчеству Ихара.

Ихара Сайкаку - признанный классик японской литературы: издано полное комментированное собрание его сочинений, а его творчеству посвящены сотни работ. Он стал известен еще при жизни: сборники его рассказов многократно переиздавались, выходили даже «пиратские» версии. Однако его литературная слава знала и перерывы - в конце XVIII в. его произведения были запрещены как аморальные и наносящие ущерб нравственности.

Сайкаку стал основателем нового реалистичного жанра в литературе - «укиёдзоси» («рассказы об изменчивом мире»), для которого, в отличие от средневековой литературы, жизнь «здесь и сейчас» обладала самостоятельной ценностью. Своему появлению этот жанр был обязан расцветом городской культуры в XVII в. Сайкаку приблизил литературный язык к разговорному и сделал героями своих рассказов современников. Его рассказы действительно лишены морализаторства, и даже когда, на первый взгляд, мораль присутствует, при помощи иронии и пародии Сайкаку буквально выворачивает ее наизнанку. Например, в сборнике «Повести о самурайском долге» рассказывается следующее. Жили два молодых самурая, любивших друг друга. Умирая, один из них, попросил другого вступить в связь со старым человеком, с которым умирающий был когда-то близок. Молодой человек исключительно из чувства долга стал навещать старика каждую ночь, чем (якобы) вызвал восхищение окружающих.

Самые лучшие страницы прозы Сайкаку посвящены жизни горожан - купцов, повес и куртизанок, мелких служащих и слуг. Галерея его портретов огромна. Его герои чувственны, а их жизнь описана столь детально и полнокровно, с такой любовью к мельчайшим бытовым деталям, что читателю открывается целый мир. Даже трагичные по сути истории под ироничной кистью Сайкаку становятся гимном жизни и чувственных наслаждений.

О жизни самого Сайкаку известно немного. По-видимому, он принадлежал к зажиточному купечеству г. Осака. Его жена умерла молодой, оставив мужа с тремя детьми (или, по другой версии, оставив ему слепую дочь, которая тоже вскоре умерла). До наших дней дошел сборник стихов «Тысяча строф хайкай, сложенных в одиночестве в течение одного дня», написанный Сайкаку на шестой день после смерти жены и посвященный покойной (1675). Сборник не был рассчитан на широкий круг читателей; возможно, одной из целей его написания было стремление Сайкаку улучшить посмертную судьбу жены. После смерти жены Сайкаку передал торговые дела приказчикам, обрил голову (подобно буддийским монахам)... и повел свободную жизнь,

в частности, много путешествуя по стране.

Хотя в историю японской и мировой литературы Сайкаку вошел как автор коротких рассказов, при жизни он был известен также как поэт новаторской школы Данрин и автор критических обзоров театра Кабуки.

Японские самурайские сказания. Спб., «Северо-Запад Пресс», 2002.

В книгу вошли два произведения в жанре гунки (военные повествования) в переводе В.Н. Горегляда: «Сказание о годах Хогэн» («Хогэн-моногатари») и частичный перевод «Повести о великом мире» («Тайхэйки»).

«Сказание о годах Хогэн» (переиздание) - самое раннее из дошедших до нас произведений этого жанра. В нем описываются события смуты 1156 года.

«Повесть о великом мире» публикуется впервые. Из сорока свитков «Повести» русскому читателю теперь доступны первые двенадцать. Повесть была создана в конце XIV в. и, вопреки «миролюбивому» названию, рассказывает о междоусобицах 1318-1367 гг.: о заговоре императора Годайго и падении диктатуры Ходзё, об Асикага Такаудзи и о войне Северной и Южной династий. «Тайхэйки» - одно из крупнейших средневековых произведений жанра гунки. О его популярности свидетельствуют многочисленные редакции и литературные обработки. Смерть В.Н. Горегляда оборвала титаническую работу по переводу «Тайхэйки», и теперь, боюсь, мы не скоро увидим полный перевод этого памятника.

Представленные памятники разнородны по своему составу. Изначально военные повествования рассказывались слепыми сказителями под аккомпанемент японской лютни (бива), затем они дополнялись книжными вставками буддийского и конфуцианского толка, фрагментами, близкими по стилю к историческим хроникам. В «Сказании о годах Хогэн» фольклорное начало сильнее, а «Повесть о великом мире» больше тяготеет к книжному языку.

Перевод памятников осуществлен на высоком профессиональном уровне и снабжен подробным квалифицированным комментарием.

А.Ф. Прасол. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868-1912). Владивосток, «Дальнаука», 2002.

Книга посвящена чрезвычайно важному периоду в истории японского образования - времени создания всеобщего образования современного типа, основанного на западных образцах. Автору удалось показать несколько западные принципы образования, активно внедрявшиеся на начальном этапе реформ, видоизменившиеся в японской культурной среде. Принцип развития творческой индивидуальности был вытеснен приорите-

том групповых интересов. Демократическая модель образования - государственно-бюрократической. Многовековая традиция отношения к женщине как, прежде всего, к жене и матери предопределила существенные отличия мужского и женского образования¹. Значимость конфуцианских ценностей способствовала тому, что моральное воспитание занимало и занимает первостепенное место в японском образовании.

Нельзя не сказать о некоторых недостатках книги. Прежде всего, обращает на себя внимание большое число опечаток, что неудивительно, ввиду того, что книга не прошла редакторской правки. Есть и неточности. На с. 100 говорится о выступлении в 1877 г. с докладом перед японским Дискуссионным обществом «проповедника русской православной церкви отца Николая», что дает неадекватное представление о реальном положении вещей. Во-первых, Николай (Иван Дмитриевич Касаткин, 1836-1912) в то время обладал саном архимандрита, а во-вторых, был не просто проповедником, а официальным главой Православной миссии в Японии. Наконец, изложение нередко лишено стройности и точности, а некоторые разделы книги частично перекрывают друг друга. В результате автор грешит многократными повторами, а многие заявленные положения так и остаются нераскрытыми. Так, деятельность Мори Аринори, занимавшего в 1880-е гг. пост министра культуры, освещается в подразделах третьей и пятой глав, и большая часть проводившихся им мероприятий перечисляется дважды (с. 129-137; с. 237-240). Положение о нехватке учительских кадров и необходимости привлечения старых кадров повторено дважды в одном абзаце (с. 228-229). На с. 110 об очередном образовательном проекте говорится, что он отменил «некоторые нецелесообразности предыдущего указа», но не раскрывается, что именно автор считает нецелесообразностями. На с. 176 говорится, что в 1878 г. японский император во время посещения школьных уроков сделал для себя «неприятные открытия», о сути которых читателю остается только гадать.

В целом, однако, в книге собран богатый и интересный материал, ориентироваться в котором помогают терминологический словарь и хронологические таблицы. А ее недостатки связаны во многом с недоработками заключительного этапа издания книги.

¹ И по сей день в Японии функционируют специализированные женские высшие учебные заведения.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧАИ КИТАЯ

Постоянно в продаже более 50 сортов
китайских знаменитых чаев - желтые,
зеленые, красные, гернье, жасминовые,
тайваньские, южно- и
североматериковые улун; посуда для
чая из фарфора и из исинской
пурпурной глины; прогай гайная
чйварь.

Москва, ул. Покровка д. 41, магазин «БУДО-СПОРТ»